ФАНТАСТИКА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ЕСЛИ

9'2009

ИНДЕКСЫ ПОДПИСКИ: 73118, 42918. ИНТЕРНЕТ: WWW.ESLI.RU

ЕВГЕНИЙ ГАРКУШЕВ,
АНДРЕЙ СОЮСТОВ
АРИЙСКАЯ НОЧЬ

МАРИЯ ГАЛИНА
СВЯТОСЛАВ ЛОГИНОВ
ШОН МАКМАЛЛЕН
КЭРОЛИН ИВ ДЖИЛМЕН

ЕРГЕЙ ШИКАРЕВ:
РИЗИС И ФАНТАСТИКА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

ПРОЗА

СВЯТОСЛАВ ЛОГИНОВ. АРМАГЕДДОН ВОЗЛЕ ГОРНОЙ РЕЧКИ

Вселенская битва добра и зла сокрушила все живое. Но, может быть, эта схватка делеко не последняя?

ШОН МАКМАЛЛЕН. СКРУЧЕННЫЕ В СПИРАЛЬ

Редкая лодка доплывет до середины озера Дербент. Она, исчезнув в тумане, попадет в другой мир.

МАРИЯ ГАЛИНА. КРАСНЫЕ ВОЛКИ, КРАСНЫЕ ГУСИ

Натуралист охотится за уникальной птицей, но в экспедиции его ждут куда более неожиданные находки.

ЕВГЕНИЙ ГАРКУШЕВ, АНДРЕЙ СОЮСТОВ. АРИЙСКАЯ НОЧЬ

Только здесь они могут считать себя победителями. Только так они могли победить. Ну и что же теперь: нравится им вкус такой победы?

КЭРОЛИН ИВ ДЖИЛМЕН. ЭКОНОМАНТ

Аналитики путаются в показаниях, пытаясь объяснить причины скачков мировой валюты. Просто они не знают главного...

ДИН УИТЛОК. ПОДМЕНЫШ

Знакомство с девушкой, назвавшейся таким именем, не могло закончиться банальной интрижкой.

- ПРОЗА
  - СВЯТОСЛАВ ЛОГИНОВ
  - ШОН МАКМАЛЛЕН
  - МАРИЯ ГАЛИНА
  - ЕВГЕНИЙ ГАРКУШЕВ, АНДРЕЙ СОЮСТОВ
  - КЭРОЛИН ИВ ДЖИЛМЕН
  - ДИН УИТЛОК
- КРУПНЫЙ ПЛАН
  - ДЕКОНСТРУКЦИЯ НОМО
- РЕЦЕНЗИИ
- ВЕХИ
  - Вл. ГАКОВ
- ПУБЛИЦИСТИКА
  - Сергей ШИКАРЕВ
- КУРСОР
- ПЕРСОНАЛИИ
- notes

- ○ 1
- ○ 2
- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34

ПРОЗА

СВЯТОСЛАВ ЛОГИНОВ
АРМАГЕДДОН ВОЗЛЕ ГОРНОЙ РЕЧКИ

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

Всякое дело, и доброе, и дурное, непременно начинается или имеет свое продолжение в таверне. Здесь удобно встретиться, обговорить дела и делишки, разузнать, разнюхать и познакомиться с нужным человеком. Здесь не обращают

внимания на тихие разговоры и громогласную ругань. В таверне смотрят только на вынутые деньги и вытащенный нож. Очень удобное место для тех, кто затевает дурное или задумывает странное. Окончание дел обычно бывает в иных местах, конец — делу венец, а венцы с тавернами не в ладах, даже если таверна называется «Карлов венец».

«Карлов венец» считался захудалым заведением, гостей тут бывало немного, да и тех богатство не обременяло. Пастухи с окрестных склонов, крестьяне из ближних деревень, остановившиеся пропустить последний стакашек перед возвращением с базара, коробейники с убогим товаром и прочий подлый люд. Неудивительно, что все внимание хозяина, толстомордого Петерфикса, было обращено на двух залетных посетителей, примостившихся, как и следует быть, в самом дальнем и темном углу. Оба в серых дорожных плащах, с полупустыми котомками. Оба средних лет и самой непримечательной внешности. Большой выручки от таких ждать не приходится, а новостями пришлецы делиться не торопились, но они были здесь чужаками, а чужак всегда интересен, даже если свои новости он оставит при себе.

Обеда гости не заказали, спросили только по кружке пива: один — темного, второй — светлого. Не появится иной темы, завтра можно будет обсудить с завсегдатаями столь странный заказ и высказать по этому поводу немало остроумных предположений. А пока Петерфикс, пользуясь затишьем, подсел к двоим путникам и, кашлянув для вежливости, спросил:

— Издалека будете?

— Как сказать... — уклончиво ответил пьющий темное, а любитель светлого, в свою очередь, спросил:

— Не присоветуете, кто из местных хорошо знает окрестности. Нам нужен проводник.

— Все хорошо знают. Тут пастухов много, на Увалах и вдоль Бракса каждый камешек знают. Олени выходят к Браксу на водопой. Но лучшая охота все равно на Увалах, ближе к хребту. Архаров там много, снежные барсы встречаются, говорят, и алмаса видели.

— Нам нужно за Увалы, к самому хребту. Судя по описаниям, там ущелий и долинок без счета, но карты толковой нет. Значит, нужен проводник.

— Пастухи туда не ходят. Да и охотники не часто бывают. Места дурные, нечисти много. Недаром драконоборец Онеро жил именно в нашем городе. Вы его дом не видали?

— Видали... — протянул один из гостей. — И сказки слышали. А вот скажите, любезный, если ваш земляк был так

могуч, почему он эту нечисть не извел?

Онеро не разменивался на мелочь. Он убивал только драконов.

Оба гостя одновременно и почти незаметно вздохнули, а потом пьющий темное произнес насмешливо:

— О чем только не говорится в старых сказках... А ведь если бы те подвиги случались в действительности, их след тянулся бы тысячелетиями. Полсотни драконьих шкур — это нечто!

— Голов, ваша милость, голов. Их многие видели, когда Онеро въезжал в город. Они рассказали об этом своим внукам, и так, переходя от предков к потомкам, легенда дошла к нам. А драконьи головы исчезли в тот самый день, когда герой умер. Они просто истаяли, и даже самые опытные маги не сумели найти следа. Но дом Онеро стоит, целы древние подвалы и верхние комнаты, сохранилась коллекция оружия.

— Да-да, мы там были. Экспозиция очень впечатляющая. Но вы не ответили нам о проводнике. И, кстати, какая нечисть обитает в горных долинах? Мы с моим другом не претендуем на лавры Онеро, но хотелось бы знать, что так напугало пастухов и охотников?

Трактирщик в сомнении пожевал губами. Иным посетителям он бы знал, что наплести, но эти явно не чужды магии, а в таких случаях лучше не врать. И Петерфикс постно ответил:

— Не знаю. Но, говорят, там нечисто. Вы же понимаете, сам я туда не ходил. На реке с удочкой, вот и вся моя охота. А проводника я постараюсь найти. Отчаянные люди есть везде. Но учтите: за тех, кто ходит за Увалы, я поручиться не могу. Подобным людям не жаль ни себя, ни других.

— За себя мы как-нибудь постоим...

— Тогда советую подождать. В городе объявился Радим, это один из таких бродяг. Обычно он заходит в мое заведение, но если он не появится в течение часа, я пошлю мальчишку поискать его. А пока не желаете ли еще пива? Или, быть может, обед?

* * *

Петерфикс знал свою клиентуру, Радим появился в «Карловом венце» через полчаса. Невысокий, но сутулый, очень худой, он напоминал случайно выжившего ученика трубочиста. Бледное лицо с длинным носом было бы совершенно неприметным, если бы не навечно застывший трагический изгиб бровей, какой встречается у нарисованных клоунских масок. Но то была единственная яркая черта. Безвольный подбородок,

впалые щеки, глаза, глядящие с полным безразличием. Костюм из доброго сукна, чистые руки — этот человек никак не походил на бродягу. Скорее уж, помощник архивариуса или местечковый писарь.

Хозяин перехватил Радима на пороге, что-то произнес и кивнул на дальний угол. Радим молча прошел туда и сел рядом с гостями. Немедля туда же подбежал мальчишка-половой и поставил на стол пуншевую чашу, полную горячей воды. Наверное, герцога здесь не обслужили бы так расторопно.

Радим, не морщась, отхлебнул крутого кипятка, затем произнес:

— Петер сказал, что у вас ко мне дело.

— Нам нужен проводник по ущельям и горным долинам, что расположены за Увалами, — без обиняков произнес один из нанимателей.

— Там небезопасно.

— Знаем. Но мы хорошо заплатим. Если, конечно, ты нас доведешь.

Радим пожал угловатыми плечами.

— Я все равно собирался туда завтра с утра. Если угодно, можете идти со мной.

— Сколько возьмешь за работу?

— Нисколько. Я туда иду по своим делам, и захватить вас мне не трудно, если, конечно, вы не станете задерживаться. Завтра на восходе зайду за вами сюда. Так что, если хотите завтракать, вставайте до света.

Радим выложил на стол медяк в уплату за выпитый кипяток и, не прощаясь, вышел. Маги, от внимания которых не укрылось, что половому, притащившему чашку, была неприметно сунута серебряная монета, переглянулись. Если такое происходит каждый раз, ясно, почему мальчишка с кипятком примчал стремглав. А вот все остальное оставалось загадкой.

— Парень не чужд колдовства, — не разжимая губ, произнес один из гостей.

— Собственной силы в нем нет, — возразил второй, — хотя он неплохо ловит магические потоки. Подобное нередко встречается среди деревенских дурачков, но он слишком хорошо одет для дурачка.

— Дети помещиков тоже бывают деревенскими дурачками. Но в любом случае, смотреть за нашим другом придется в оба.

— Зато, если я хоть что-то понимаю, он приведет нас сразу в нужное место.

— Откуда он может знать?

— А он и не знает. Он просто ловит магические потоки,

подобно тому, как мотылек летит на пламя.

— И сгорит как мотылек.

— Тебе его жалко?

— Представь себе, да.

— Потом его можно будет прогнать. Развернуть и дать пинка в зад. Он успеет уйти. А навредить нам не успеет. В одиночку там сгорит даже опытный маг.

— Как ты думаешь, он темный или светлый?

— Он еще никакой.

— Я тоже так полагаю. Именно поэтому мне его и жалко.

— Ладно, об этом мы поговорим по дороге. А покуда напомню, что завтра рано вставать. Не знаю, как ты, а я привык завтракать по утрам.

* * *

Радим, как и обещал, появился на рассвете. Теперь и у него были серый дорожный плащ, тощая котомка за плечами, а в руке небрежно ошкуренная рябиновая палка. Судя по всему, с палкой этой было исхожено немало троп: конец разлохматился, рогулька обломлена. Оглядев готовых попутчиков, Радим кивнул не то своим мыслям, не то соглашаясь с их внешним видом, будто произнес: «Идти будем быстро», и вышел на еще не проснувшуюся дорогу. Двое магов последовали за ним.

Некоторое время шли молча, приноравливая шаг друг к другу, потом Радим сообщил и без того известное:

— Меня зовут Радим.

— Меня зовут Дардейл, — ответил на незаданный вопрос любитель светлого пива.

— Меня — Влох.

Дальше шли молча. Дорога быстро распалась на несколько троп. Та, на которую свернули путники, заметно забирала вверх, хотя до лесистых Увалов было еще полдня пути. А здесь расстилались пологие холмы, служившие пастбищами, вытоптанные овечьи загоны, чахлые лиственные рощицы, куда можно загнать стадо в жаркий день. Унылые места, облюбованные лисами и сурками. Даже волки, совершающие набеги на стада, предпочитали селиться подальше от своих охотничьих угодий. Водопои здесь располагались в низинках, где когда-то били родники, а теперь все было перемешано копытами и воняло навозом. Городское богатство прирастало в этих загородных местах и пахло весьма непрезентабельно.

— Чего вы в ущельях-то потеряли, — спросил Радим, когда

его спутники уже решили, что весь путь так и пройдет в молчании.

Маги мгновенно переглянулись. В мимолетном обмене взглядами заключалось больше, чем в иной беседе. Уйти от ответа — проводник может обидеться и завести черт-те куда. Соврать — человек, чувствующий магические потоки, с полувзгляда определит ложь, если не прикрыть ее серьезным колдовством. Тратить силу на маскировку неразумно. Значит, лучше ответить правду.

— Видишь ли, мы волшебники, — осторожно проговорил Влох. — А по-вашему — колдуны.

— Это я и сам вижу, — отмахнулся Радим. — На охотников вы не похожи, на королевских соглядатаев тоже. Опять же, скарба у вас никакого. Значит — колдуны. Только, что колдунам в ущельях делать, ума не приложу.

— Мы готовим артефакты, — пояснил Дардейл. — Настоящие артефакты, которые обладают собственной волшебной силой. В дело годится все: клык оборотня, волос из гривы единорога, старое, вросшее в камень проклятие, деревяшка, опаленная ангельским взором.

— Что-то я таких не видал, — заметил Радим. — Это я о проклятиях и ангелах. Говорят, прежде такое бывало, а сейчас нет. А шерсть единорога видал и яд гидры тоже. Только они выдыхаются быстро. Однажды нашел крыло лугового эльфа. Оно на стрекозиное похоже, только побольше малость и воняет от него — страсть. Сколько уж оно там валялось, не знаю, но протухло. Сейчас, думаю, вы и этого не найдете. Я, всяко дело, давненько ничего подобного не видал. А хоть бы вы и нашли чего, все равно оно у вас протухнет. Это только в сказке Онеро умел драконьи головы коптить. Но и у него в конце концов все протухло.

— У нас не протухнет, — заверил Влох.

— Мы оправляем волшебную сущность в кокон заклинаний, примерно так же, как ювелирных дел мастер вставляет самоцветный камешек в кольцо. И тогда вместо магического кунштюка получается артефакт. — Дардейл, как и положено человеку с длинным именем, был куда разговорчивее товарища. — Артефакт — это волшебная вещь, которая не теряет силы, сколько бы времени ни прошло.

— И какая вам с того польза?

— Мы продаем амулеты. Видишь ли, магам тоже хочется есть, иногда три раза в день. В прежние времена встречались великие колдуны, мощью равные богам, а сейчас магия измельчала. Никто не учится древним искусствам и не учит других, войны темных и

светлых магов извели колдовскую силу. Нынешним чародеям уже никак не просуществовать без волшебного инструмента, поэтому они готовы платить за наши артефакты огромные деньги.

— Сами, что ли, не могут? — проворчал Радим.

— Не могут. Артефакты умеем готовить только мы.

— Понятно... В городе тоже, что ни мастер, то полная кошелка секретов. От гордости раздуваются, будто жаба перед ужом. У нас, мол, секреты! А сами старую цепку спаять не могут. У прежних мастеров тоже секреты были, да позабылись. Нет уж, где секрет, там толку нет.

— Правильно говоришь. Только у нас никаких секретов не водится. Чтобы волшебная вещица стала артефактом и перестала терять силу, ее должны заколдовать два мага. Причем один должен быть светлым волшебником, а второй — темным чародеем. Вот и вся хитрость.

— Темные же со светлыми воюют, — недоуменно протянул Радим. — Это всякий младенец знает.

— Мы не воюем, — веско произнес Влох.

— Более того, — поддержал напарника Дардейл, — мы компаньоны. Другие воюют, поэтому их сила падает, а наша растет.

— Дружно — не грузно, — согласился Радим.

Под это оригинальное заключение прошли еще часа два, так что Дардейл, привыкший не только завтракать по утрам, но и обедать в середине дня, начал обводить ищущим взором окрестности, выбирая местечко для привала. Конечно, маг, если захочет, может довольно долго обходиться без еды и питья, но для этого надо захотеть, к чему Дардейл был совершенно не готов.

— Вон Увалы, — словно поймав его мысль, произнес Радим, указав палкой на лиловеющие на горизонте вершины. — Там хорошие родники. Обычно я ночую где-нибудь в тех местах.

Фраза эта означала, что дневки не будет и шагать путешественникам без отдыха до самого вечера. Дардейл вздохнул, сорвал на ходу стебель кислицы, чтобы было чем занять скучающие зубы, и прибавил шагу.

К хорошим родникам добрались задолго до наступления темноты. Успели набрать хворосту, разжечь костер. Огонь у Радима, как и следовало ожидать, занялся с полуискры; такими приятными чудесами владеет всякий отмеченный толикой природной магии. Нашелся у бродяги и котелок для воды, которая на удивление быстро закипела. Странствующие маги могли бы вскипятить воду еще быстрее, прямо в своих кружках, но зачем тратить силы, если все готовится само. Черствый хлеб,

не успевший зачерстветь сыр и копченое мясо были с собой. Пучок душистых трав, собранных Радимом, кружился в кипятке, наполняя воздух ароматом.

— Хорошо бы подстрелить косулю, — сказал Дардейл. — Я люблю вареный язык.

— Хорошо бы, — согласился Радим, — но некогда. Ночь в засидке караулить, потом тушу разделывать — считай, день пропал. Вот когда через Увалы пойдем, там фазанов много и диких голубей. Охотники тут бывают редко, и на птицу они не размениваются.

— Фазана так просто есть не станешь, — поправил Дардейл. — Тушка должна созреть, ей сутки в тепле пролежать нужно, а то не разжуешь, да и запах у нее не очень...

— Голубей настреляем, — Радим дернул угловатым плечом, — а фазана, если попадется, на завтра. Пусть себе созревает, завтра тоже жрать захочется.

— Все бы вам жрать, — проворчал Влох.

— Не только, — постно произнес Дардейл. — До девок я тоже охоч.

— Спать давайте, — недовольно перебил Радим. — Через Увалы ровной дороги не будет.

* * *

Дорога через Увалы и впрямь оказалась не дорогой и даже не лесной тропой, а сплетением звериных троп, нарочито уводящих в, сторону и исчезающих в самый неподходящий момент. Как Радим умудрялся не заплутать в этом бездорожье, не очень, понимали даже маги. Впрочем, они и не старались понять, доверяя спокойной уверенности проводника. Радим знал, куда идет, а ведет ли его опыт или чутье деревенского дурачка — не так и важно.

Фазанов путешественникам не попалось, а два голубя, подбитых камнем, это не ужин для троих мужчин. Однако ни Радим, ни волшебники не жаловались. Радиму, казалось, все было без разницы, а маги, посовещавшись и поколдовавши на привале, занервничали и начали торопиться, как будто время, которого прежде было достаточно, вдруг начало поджимать. Весь следующий день путники спешили, не обращая внимания на голодное урчание в животах, которое, видимо, и распугало в окрестностях всю дичь. Провизию, захваченную с собой, доели и шли бы впроголодь, если бы Радим не сыскал в дупле трухлявого бука гнездо диких пчел. Нетерпеливого Дардейла пчелы

покусали, слегка досталось и Влоху, а Радима если и куснули пару раз, то не больно; во всяком случае, на внешности проводника это никак не отразилось. Зато вечером в котелок вместе с травами были кинуты соты, и путешественники пили сладкий, медвяный отвар. Сплавившийся воск Радим спрятал в котомку, задумчиво сказав:

— Свечек понаделаю, в карты играть буду дотемна.

С кем он собирался тут играть в карты, осталось неизвестным.

Зато на третий день путники разжились наконец мясом. Ночью в чащобе было непривычно шумно, слышались треск и громкий сверлящий визг, казалось бы, у самого потухающего костра. Маги всполошились, но звуки ночной трагедии вскоре затихли, а идти на ощупь в темноту никто не решился.

— Утром посмотрим, — лениво сказал Радим, и колдуны согласились с проводником.

С утра Радим посмотрел, что творилось в ночи, и пока наниматели продирали глаза, притащил к остывшему кострищу зашибленного насмерть, но не тронутого хищником поросенка. Тощенький и полосатый, был он тем не менее достаточно велик, чтобы накормить собой всех троих, оставив чуток и на ужин.

— Кто ж это его, — пробормотал Дардейл, недоверчиво оглядывая нежданную добычу.

— Волк, кому ж еще... — ответил Радим, достав нож и примериваясь к тушке. — А может, алмас, они тоже, бывает, охотятся, если с голодухи.

— Тут и впрямь алмасы есть?

— Тут они как раз и есть. Это в других местах их не встретишь.

— Чего ж он поросенка не слопал, раз голодный?

— Секач помешал, — охотно объяснил Радим. — Кто там кого одолел, не знаю, но, думаю, им обоим сейчас не до поросенка.

Радим говорил, ни на секунду не переставая действовать. Огонь на кострище ожил по единому мановению, поросенка Радим выпотрошил, опалил, промыл в ручье и начисто выскоблил шкурку ножом. К этому времени в котелке уже булькали потроха. Дардейл с Влохом, понимая, что тут они не помощники, не вмешивались, следили только, чтобы хворост возле костра не кончился. Дардейл наблюдал за чужой работой с улыбкой, а Влох, напротив, мрачнел с каждой минутой. Наконец он наклонился к товарищу и шепнул, не разжимая губ:

— Это не волк. Тут явно прощупывается колдовство. Я с таким прежде не сталкивался, но чувствую, что оно опасно.

— Возможно, алмас, — также неприметно ответил Дардейл.

— Некоторые считают алмаса магическим существом.

— Посмотреть бы... в жизни не видел алмаса.

— Так он небось удрал куда подальше, — не отрываясь от работы, громко произнес Радим. — Разве что секач его сильно помял. Сейчас с мясом разберусь, и можно будет сбегать, поглядеть, пока поросенок жарится.

— Время поджимает, — проговорил Влох, стараясь скрыть неловкость от мысли, что проводник, оказывается, прекрасно слышал их тайные разговоры. С природной магией никогда не знаешь, чего ожидать: ее носитель может быть полным идиотом, а может оказаться удивительно смышленым человеком, может быть глух на все пять органов чувств, а может видеть зорче ястреба и слышать лучше летучей мыши. И все это дается так просто, без каких-либо заслуг и упорной учебы.

— Поросенок не сгорит, пока мы гулять будем? — спросил Дардейл, в отличие от Влоха ничуть не смущенный.

— У меня не сгорит. А сбегать бы надо. Мне и самому интересно, что там случилось.

Поросенка на вертеле оставили на попечение утреннего ветерка и спорым шагом пошли смотреть, что приключилось ночью в неприятной близости от стоянки.

Следов на месте битвы обнаружилось сколько угодно, дерн был вспорот, словно на копанке, на взрытой земле отчетливо отпечатались следы кабаньих копыт, а вот с кем дрался секач, понять не удавалось. Рыхлая земля, но ни единого отпечатка хищной лапы. Колдуны разглядывали землю, коротко переглядываясь и раздувая ноздри, словно хотели выследить хищника по запаху. Однако след первым обнаружил Радим.

— Ты поглянь, медведь! — произнес он, указывая на случайно уцелевший отпечаток, удивительно напоминающий босую человеческую ногу, но чуть не вдвое большую и с отчетливо видными вдавившимися в рыхлую почву когтями. — Что ж он, дурак, посреди лета на кабана-то попер? Другой жратвы в лесу мало?

— Не медведь это, — тихо произнес Влох. — Это оборотень.

— Чего оборотню в такой глуши делать? — усомнился Радим. — И следы зачем затирать? Он в человека перекинется да уйдет. Я знаю, как они себя ведут.

— Где? — спросил Дардейл, стараясь не смотреть Радиму в лицо.

— Под городом лет пять назад объявился один. Только он в волка перекидывался. Вовкулак называется.

— И что с ним стало?

— Затравили его городские, потом просадили кольями и так

проткнутого закопали на Могилихе. Потом болтали, будто он все равно встает, но это уже брехня, детишек пугать. А тут просто медведь. Поросенка схватил и думал, что стадо побежит. А секач не стерпел и кинулся. Медведь его задрал, потом по земле повалялся, они это дело любят, а тушу уволок. Прикопает где ни на есть, а потом будет тухлятиной лакомиться.

— Гладко у тебя получается, — Влох не то Радиму говорил, не то себе под нос бормотал. — Только все равно это не медведь, а оборотень. Я их породу во всяком обличье чую.

— Чего тогда на меня смотришь? — напрямую спросил Радим. — Я не медведь и не оборотень, знать должен, раз это дело чуешь.

— Знать-то знаю, а на медведя твоего поглядеть хочу поближе.

— Я и сам хочу, но боязно. Ни медведя возле добычи, ни оборотня зря тревожить не стоит. Были бы вы охотники, я бы понял, а вы говорили, что амулетики делаете.

— Артефакты, — скрипучим голосом поправил Влох.

— И нам удивительно, — добавил Дардейл, — что земля взрыта, следы затерты, а ни одного клочка шерсти не видать. И потом, куда он тушу девал? След где, хоть медвежий, хоть человеческий?

— Землю кабаны взрыли еще прежде того. А где следы — не знаю. Сами говорите, нечисто тут. Так я вас и предупреждал, что в здешних краях нечисто. Уходить надо.

— Уйдем. Но сначала... — Влох вскинул руки и незнакомым гортанным голосом пропел заклинание.

Начиналось серьезное колдовство, которого путники до сих пор избегали, экономя силы для неведомой цели. Радим сморщился и попятился от мага. Видимо, заклятие больно стегнуло по изощренным чувствам проводника, привыкшего ловить чуть заметные токи природной силы. Влох продолжал выпевать слова незнакомого, давно сгинувшего наречия, и в ответ раздался не то треск, не то рев разъяренного зверя. Ясень, стоявший у самого края полянки, качнулся, сгибаясь немыслимым для дерева изворотом, кора вздыбилась шерстью, трухлявое дупло обернулось зловонной пастью. Чудовище рвалось к поющему чародею, но корни, слишком глубоко ушедшие в землю, покуда не пускали его.

Затем в дело вступил Дардейл. Короткое, словно вскрик, заклинание, и зверь, наконец высвободивший лапы из взрытой почвы, вместо того чтобы прыгнуть на врага, метнулся в сторону и, ломая кусты, исчез.

— Арбауэр! — выдохнул Дардейл. В голосе его было больше

восхищения, нежели страха. — А я-то не верил, что они есть на свете.

— Аюкла, — тихо произнес Радим. — Я думал, в здешней дуброве леший пошаливает, а это вон кто!

— Красавец! — восхищенно добавил Дардейл. — И ведь расскажешь кому — не поверят.

— Что ж ты его отпустил? — посетовал Влох. — Бить надо было.

— Ничего, мы свое возьмем... Не может быть, чтобы он нам корешка не отломил.

Чародей наклонился, начал разгребать многократно взрытую почву. Влох подошел, принялся помогать.

— Воняет, — недовольно произнес он.

— Это от кабана. Туточки он закопан. А вот и корешок!.. — Дардейл потянул из земли корень, обломленный спешащим оборотнем.

Почти сразу после того был найден второй корень, а затем и еще один, поменьше. Теперь и Влох оставил хмурый вид и излучал довольство.

— Нет там больше ничего, — напомнил о себе Радим, — а поросенок сгорит, если еще будете копать. Или съест его кто-нибудь. Придется тогда кабана выкапывать вонючего.

Угроза подействовала, и перемазанные землей волшебники поспешили обратно в лагерь, разглядывая на ходу свои находки.

— Из этих корней амулеты делать будете? — без особого интереса спросил Радим.

— Из них, — откликнулся Дардейл, даже не поправив проводника, который опять обозвал колдовской артефакт амулетом.

— Я знаю тут одну травницу, которая тоже амулеты готовит, так она бы корешок аюклы за версту обошла. Кто понимает, сразу видит: от этой штуки только порча, равно на всех, и на того, кого сглазить хотят, и на того, кто колдует. С аюклой шутки плохи, это тебе не майская трава и не мышиный череп. Так что вы там осторожнее.

— Почему ты его аюклой зовешь? — поинтересовался Дардейл.

— А вы почему кличете аюклу арбауэром? — не остался в долгу проводник.

— В книге монстров и магических существ, — наставительно произнес Влох, — арбауэром назван оборотень, в обычном состоянии имеющий вид дерева, но способный трансформироваться в медведя. Добычу он закапывает в земле, укореняется поверх нее и высасывает соки. Впрочем, никто из

ныне живущих магов не рассказывал, будто встречал живого арбауэра. Книга монстров написана не колдуном, а библиотекарем, так что сказок в ней больше, чем правды. Просто удивительно, что эта легенда оказалась истинной.

— У нас об аюкле тоже сказки рассказывают. Растет, мол, в лесу дерево-людоед, которое кричать детским голосом может: «Аю! Аю!..». А кто подойдет на крик, того схватит. Враки, конечно, вы сами видели: оно как дерево ничего не может.

— А кричать?

— Того не знаю. Сам первый раз аюклу видел. Вы уж его не трогайте, зверюга безобидная, пока в глуши живет.

Дардейл усмехнулся кривоватой улыбкой и согласно сказал:

— Нам самим твой аюкла живым нужен. Убили бы его сейчас, сила вот этих обломков вдесятеро бы упала. Так что пусть гуляет, покуда его корни носят.

В лагере колдуны, даже не глянув на завтрак, занялись добычей волшебной. Корни были вымыты в ручье, выпрямлены и обмотаны серой пряжей, добытой из мешков. Началось колдовское действо. Радим поморщился и, отломив свою долю свинины, отошел подальше. Глухо доносились голоса, волны чужой магии неприятно свербили разум, путая мысли. И зачем взял с собой таких попутчиков? Ведь знал, что так будет. Волшебники идут по волшебным делам, — значит, будут колдовать. А все равно взял. Похвастаться, что ли, захотелось? Или просто невмоготу стало одному быть? Ну, теперь терпи. Вот один гундосит, и пряжа, которая и не пряжа вовсе, закручивается по часовой стрелке, истаивая и впитываясь в живую древесину. Теперь второй начал крутить против часовой стрелки. Так и будут, один посолонь, другой противосолонь, пока на корешке не образуется прочный слой. И впрямь, никакой тайны, просто научились темный чародей и светлый волшебник вместе работать. Им хорошо, их двое. Интересно, играют ли они друг с другом в карты или каждый раскладывает свой пасьянс? Ну... вроде закончили. Можно возвращаться.

У костра на расстеленной тряпице лежали три бывших корня. Теперь они блестели, словно покрытые лаком, и даже на взгляд казались твердыми.

— Волшебные палочки, что ли? — спросил Радим.

— Совершенно верно, — отозвался Дардейл.

— А что они умеют?

— Покуда ничего. Чем их хозяин наполнит, то там и будет. Только сила заклинания, которое маг туда вложит, увеличится стократ. Сам по себе волшебник может быть ничтожным, сила в нем чуть теплится, а с такой палочкой — чудеса будет творить. И

мощь этого артефакта не выдохнется никогда. Понятно теперь, чем мы занимаемся?

Радим, не ответив, потер лоб и задал новый вопрос:

— Вы их на продажу, что ли, выставите?

— Не совсем. Эти две, что побольше, себе оставим. Нам прежде подобной редкости не попадалось, Причудливые вещицы, их из рук выпускать жалко. А эту, что поменьше, на продажу. Восточные маги за такую золота отсыплют — вдесятеро по весу.

— А не отнимут?

— Пусть попробуют, — Дардейл взял тот корень, что предназначался ему, и любовно огладил плавные изгибы древесины. — Мне даже охота, чтобы кто-нибудь попытался меня ограбить. То-то будет смеху!

— С этим не залежится, — пообещал Радим. — Уж на что в здешней округе мирный народ, но ежели чего спереть, то всегда пожалуйста. Так что палками своими зря не машите.

— Не будем махать, — произнес Влох, после чего разговор о делах волшебных затих сам собой.

* * *

Через день путешественники поднялись на водораздел, и с верхушки лесистых Увалов им открылся вид на настоящие горы, вздымавшие заснеженные вершины к самому небу. Долина, разграничивающая Увалы и горный хребет, была камениста, заросла нехоженым лесом, местами сужалась до размеров ущелья. Постоянного населения здесь не было, редкие охотники и старатели также не задерживались в диких местах. Рассказывали об этих долинах всякое, по большей части недоброе. Будто бы обитали в ущельях людоедские племена, бродил алмас — дикий человек, ужасающий несказанной силой и магической мощью, водились горные тролли, а подле них — всякая вредная мелочь. Что в этих рассказах правда, что враки, а что поэзия, знали немногие. Но одни помалкивали, а другие, остановившись в «Карловом венце», добавляли в общую копилку врак и поэзии. В любом случае, для Влоха и Дардейла нехоженый край обещал богатую добычу.

Трое путешественников долго стояли, глядя в просвет между деревьями на синеющий вдали склон.

— Мы много чудесного слыхали об этих местах, — задумчиво проговорил Дардейл.

— Ага, — согласился Радим. — Я тоже много слыхал. Всех слушать, так тут места для простого пня не останется, под каждой

коряжиной ухожор сидит.

— Кто-кто?

— Ухожор. Нешто вам Петерфикс про ухожоров не наплел? Если какая девица на выданье начинает подолом крутить, то непременно неподалеку объявляется этакий франтик, смазливый, галантный и по моде разряженный. То да се, ах, мамзель! — подарочки, конфетки... а потом девку найдут в овраге придушенной, и уши у ней будут отгрызены. Значит, ухожор постарался.

— А на самом деле?

— Да кто его знает, что там на самом деле... Это затеи городские, мне они неинтересны. А тут никаких ухожоров нету, они в этих местах с голоду перемрут. За кроликами им гоняться, что ли?

— А кто здесь есть? — вопрос задал Влох, и как обычно, после его вопроса повисла минутная тишина.

— Звери есть разные, — Радим явно не спешил с ответом, подбирая слова. — Алмас есть, но вам его трогать незачем. Волшебства в нем незаметно, но это и не зверь. Он больше на человека похож, хотя и звериного в нем много. Мелкая нежить раньше часто попадалась, а теперь нету — расползлась кто куда.

— Почему?

— Это у вас спрашивать надо. Вы колдуны, вам и карты в руки. Вот в горах на склонах камень-глядун попадается. Так его ковыряйте, не жалко. Никчемное создание.

— Что он делает?

— А ничего. Глядит. Так-то не видно, а я чую. Еще он под ногой подворачивается, если на него наступишь ненароком. Человек упадет, ногу попортит, а он глядит. Тьфу! Горные козлы на этот камень никогда не наступают, а люди — случается.

— Что за глядун? — недоумевающе произнес Дардейл, обращаясь к Влоху.

— Должно быть, подвертыш, — пояснил тот. — Окаменевший кобольд. А еще говорят, такими свойствами обладает камень, на который плюнул адский князь.

— Хорошо бы...

— Нет здесь никаких адских князей, — возразил Радим, — и на моей памяти не было. Кому он нужен этот ваш князь? Силы в нем меньше, чем у дракона, а гонору под потолок.

— Хорошо сказано, — усмехнулся Дардейл. — Можно подумать, ты каждый день с адским князем ручкуешься, а дракону за ухом чешешь и можешь сравнивать, с кем из них тебе приятнее.

— Мне это незачем... — обиженно прогудел Радим. — Это и

так все знают. Вы людей-то послушайте, они вам всё расскажут.

— Вот именно, всё — и много сверх всего. И что в этих рассказах сказки, а что присказки, ни один мудрец не разберет. Сам же говорил, всех слушать, так тут места для простого пня не останется.

— Так его тут и нет, простого пня. На этом склоне лес не рубят — некому...

Сказано было красиво, хотя два недавних утверждения по-прежнему не согласовывались друг с другом. Впрочем, Дардейл спорить не стал, а Влох и подавно.

Некоторое время все трое стояли молча, потом Радим спросил:

— И куда вы дальше хотите? Определяйтесь сразу, а то потом с выбранной тропы уже не свернешь. Это отсюда гладко смотреть, а там леса нехоженые, и склоны такие начинаются, что безо всякого подвертыша ноги переломаешь.

— Сам-то ты куда идешь? — осторожно спросил Дардейл.

— А вот туда, — Радим дернул головой, примерно обозначив направление.

— Ну, и мы туда.

— И чего вам там делать?

— Нам, в общем-то, без разницы, куда идти, — не слишком искренне сказал Дардейл. — Волшебные сущности встретиться могут повсюду. А вот тебя что понесло в глухомань?

— Я тут гуляю, — просто признался Радим. — Тут дышится легко, а в городе меня душит.

— Построил бы избушку и переселился сюда насовсем, — посоветовал Влох.

— Я вам что, отшельник? — в голосе Радима впервые зазвучала недовольная нота. — Без людей мне тоже тошно. Вот и мотаюсь тудой-сюдой. Так вот... пошли, раз вам все равно куда брести.

Двинулись вниз.

— Лет тебе сколько? — как бы между прочим спросил Дардейл.

— Много, — не оборачиваясь, ответил Радим.

— Много, это сколько?

— Да кто ж их считал? Мне глупостями заниматься некогда.

— А читать ты умеешь?

— Умею, учил меня один шутник. И читать учил, и писать. Только мне не надо, я уж все знаки, поди, перезабыл.

— Понятно... А родные твои в городе живут?

— Нет у меня родных. Я сыздетства сирота. Сначала в людях жил, потом меня один старичок к себе взял. Но он уже помер

давно, и с тех пор один живу.

— А на жизнь чем зарабатываешь? Живешь ты вроде не бедно, с нас, вон, гроша не стребовал...

— Ха!.. Взял бы с вас деньги, значит, подрядился бы в услужение. А так, я — вольный человек, вы — вольные люди. Идем на равных. Просто мне с вами веселее, вам со мной удобнее... А на жизнь я зарабатываю по-всякому. По времени охочусь, но больше знахарям и лекарям помогаю. Тут на склонах, случается, такие травки и корешки попадаются, что не меньше ваших амулетов ценятся. Опять же, в горах у самых снегов целебная смола бывает.

— Мумиё, что ли?

— Ну да... Тоже денег стоит. Другим до нее не добраться, а я умею. Раньше я еще по золоту и серебру старался, но теперь бросил.

— Чего так?

— Грязное дело. И не то беда, что много труда, а то горе, что бед море. Прослывешь удачливым старателем, так тебя и соследить пытаются, и ночью в проулке прирезать. Раз я самородок сыскал с баранью голову величиной, так такое поднялось! Думал богатства огребу на сто лет, а сам еле ноги унес. Это не здесь было, а в других краях. В этих горах я и знать не хочу, что в земле лежит. Мне спокойнее, и земле чище.

— Привираешь ты малость, — заметил Дардейл. — Самородок с баранью голову, знаешь, сколько весит? Одному человеку такой не снести.

— Может, и привираю, — согласился Радим. — Старателю положено.

— Заковыристый ты человек... — усмехнулся Дардейл. — Тебя хоть самого на артефакты переделывай.

— Не дамся, — серьезно ответил Радим и, не дожидаясь отклика, размеренной поступью пошел вниз.

* * *

Последнее гадание, которое устроили странствующие маги, показало, что Радим все-таки вывел их к тому месту, куда они так стремились. Магические потоки скручивались здесь в немыслимые смерчи, так что не только волшебник, но и всякий не вполне загрубелый человек мог почувствовать их бурление. Обычная добыча колдунов, всевозможная колдовская шушера бежала из этих мест или, напротив, самоубийственно сползалась отовсюду, чтобы сгореть в той вспышке, которая могла произойти

всякую минуту.

Радим подобрался и шел теперь целеустремленно, не отвлекаясь по сторонам и почти не обращая внимания на спутников. Видимо, и он был подхвачен ураганом, обещавшим сжечь всякого, кто окажется поблизости.

Маги переглядывались многозначительно, но ничего не произносили.

В последний день, не сговариваясь, остановились на луговом распадке у самого подножия пологого склона. Само собой было решено, что именно сюда и стремились все трое. Скинули невесомую поклажу, но не стали ни разводить костра, ни готовиться к ночлегу. Вместо этого Дардейл, поймав согласный кивок Влоха, подошел к Радиму и, глядя ему в глаза, произнес:

— Спасибо тебе. Довел. Вот только оставаться тебе здесь не надо.

— Ты, может быть, сам не понимаешь, что тебя сюда тащило, а мы видим. Тут с часу на час начнется что-то небывалое, и я тебе прямо говорю: ты не выживешь. Уходи, и как можно быстрее. Успеешь спрятаться за Увалами — останешься жив. Не успеешь... что ж, я тебя предупредил.

Влох молча стоял за спиной товарища, и весь его вид выражал согласие со сказанным.

— Чего это я должен уходить? — недоуменно спросил Радим. — Я в этом распадке тыщу раз бывал и никогда никакого зла не видел.

— Теперь увидишь, — хмуро произнес Влох. — Мы не знаем, что здесь случится, но это будет страшно. Уходи быстро.

— Вы-то уходить не собираетесь! А я чем хуже? Или вы сюда помирать пришли?

— У нас есть защита, — терпеливо объяснил Дардейл. — Нам ничего не будет. А на тебя защиты не хватит, даже если бы мы захотели поделиться.

— Что же, я сюда зря шел, что ли? У меня тут тоже дела. Это вы пришли на мои места, а не я к вам.

— Говорят тебе: сдохнешь ты тут! Может быть, уже завтра утром сдохнешь! И хоронить нечего будет. А так останешься жив, и мы потом тебя в городе отыщем и заплатим, как полагается.

— Нет, — Радим покачал головой. — Не пойду. И денег ваших мне не надо, я сюда сам по себе пришел.

— Ну, как знаешь. Мы тебя предупредили. Хочешь — оставайся. Только отойди малость, мы убежище будем строить, так нам не хотелось бы зашибить тебя прежде времени.

Радим согласно кивнул и, подхватив свою котомку, направился вверх по склону, в сторону противоположную от

спасительных Увалов.

Влох крякнул недовольно и поднял руки, готовясь набросить на поляну первую сеть оборонительных заклятий.

— Ты же хотел ему магического пинка дать, чтобы он убежал, — напомнил Дардейл.

— Хотел, да расхотел, — не разжимая губ, произнес Влох. — Не нравится мне тут. Не то место, чтобы силу тратить впустую. Сегодня парня пожалеешь, а завтра сам ни с чем останешься. Не думал я, что в мире этакие страсти бывают...

Маги еще раз оглядели мирную поляну. Ничто вокруг не обещало близящейся бури и прочих страстей, разве что кузнечики, которым в это время года на песню исходить надо, замолкли, и кругом висела совершенно ноябрьская тишина.

Нити защитных заклинаний, легких, почти неощутимых, опустились на траву. Всякий боевой маг, всякое волшебное воздействие разорвет их, не заметив. Но поверх этих заклятий ложатся защитные заклинания иной природы, тоже непрочные на вид, но сплетающиеся с первыми в подобие паутины. А это уже преграда стократ прочнейшая, нежели первая. Раз за разом маги накидывали на будущее убежище слои колдовской защиты. Темные, светлые... светлые, темные... заклинания все более мощные и изощренные. Поодиночке даже они не могли бы противостоять тому, что копилось в окрестностях, но, сплетясь воедино, обратились в панцирь, какого не знали даже великие маги минувших тысячелетий. Назидательные сказки о непобедимости единства обретали прямой наглядный смысл.

Если смотреть снаружи, фигуры волшебников истаивали, становясь невидимыми и неощутимыми, скоро и магический взор не смог бы проникнуть под покров созданной защиты. Поляна пуста, никого здесь нет, лишь смутное беспокойство ощутил бы прохожий чародей, словно камень-глядун таращится из-под груды обычных валунов. Но даже камня сыскать не получится, колдуй — не колдуй. Нет никого на поляне. Когда-то были, да куда-то подевались.

Оказавшись в защитном коконе, маги уже не двигались, замерли в искусственной оцепенелости, готовясь ожидать сутки, двое или трое, сколько понадобится, чтобы дождаться того неведомого, что копилось в окрестностях. Оба чувствовали, что ожидание не будет слишком долгим, хотя и не могли сказать, что именно обрушится на, пустынную долину между Увалами и Изумрудным хребтом. Пророчества, как всегда невнятные, обещали последнюю битву между силами Света и Тьмы, воинством Добра и Зла. Хотя тому, кто умел понимать, было ясно, что никакого армагеддона не случится по той лишь причине, что

магия вещного мира неуклонно слабеет, и давно уже на Земле нет никаких Света и Тьмы, никакого Добра и Зла, а есть лишь добро и зло, свет и тьма — понятия земные, не требующие особого придыхания от тех, кто произносит эти слова. И даже двое магов — светлый и темный — сумели прийти сюда не для того, чтобы вцепиться друг другу в глотку, но скромно желая поглядеть на небывалое зрелище и, может быть, попользоваться чем-нибудь.

Что поделать, время богов и демонов ушло, удивительные монстры — циклопы, ангелы и драконы — остались лишь в книгах, написанных библиотекарями, а в лесной глуши не встретишь никого волшебнее аюклы. И на зов великой битвы явится разве что деревенский дурачок Радим. А Темный Властелин, Пресветлая Владычица и их воинства останутся только в сказках и мечтах.

И все же Влох и Дардейл лежали, окаменев, обратившись в зрение и слух, ждали, боялись и надеялись.

Ожидание оказалось ненапрасным. Колдуны не успели соскучиться в заточении, когда, казалось, само мироздание хрустнуло, проломившись, как утренний ледок на лужах, и в свисте, грохоте, разрушении явилось исчадие минувших эпох, одетое в непробиваемую чешую, с острым гребнем вдоль спины, с крыльями нетопыря, до времени сложенными вдоль хребта. Оно стегнуло по камням шипастым хвостом, так что каменная крошка рассыпалась вперемешку с искрами, развернуло полотнища крыльев, черных, но словно тающих на периферии, отчего казалось, будто они сотканы из овеществленной антрацитовой мглы. Голова на короткой, но гибкой шее поворотилась, равнодушный взгляд раскосых глаз слепо скользнул по чародеям, сжавшимся в своем жалком убежище. Кокон, только что казавшийся несокрушимым, теперь не обещал никакой защиты. Но то ли дракон не заметил людишек, или жертва показалась слишком ничтожной, либо внимание чудовища привлек более достойный предмет, но смертельный взор не задержался на земле; дракон вскинул башку, гулко выдохнул в небесную синеву столб дымного пламени и безо всякого разбега прянул ввысь. И тут же оттуда, из бездонной синевы, где и жаворонку было бы не скрыться, ударил встречный огонь, ослепительно белый, подобный молнии, падающей на случайного путника, застигнутого грозой.

Вот когда пришлые ведуны пожалели, что не улеглись изначально ниц, и теперь, когда возможность двигаться покинула их, они вынуждены, не мигая, смотреть на то, чего человеческий взор вынести не в состоянии. Если бы не защитный кокон, они были бы давно мертвы, рассыпались пылью, серебристым пеплом,

что остается на месте сожженных городов. Но кокон, сплетенный из враждебных сущностей, противостоял напряжению стихий, а прямого удара по укрытию возомнивших о себе магов никто наносить не пытался. Противоборствующим силам было не до того.

Ярчайшее порождение света, радужный феникс, сцепилось в схватке с огнедышащим драконом, и Вселенная корчилась в судорогах, словно в день сотворения. Зарницы освещали небосвод в самых дальних городах и странах, а в ближних поселениях люди прятались по подвалам или бежали сломя голову. Завсегдатаи «Карлового венца» высыпали из уютного заведения и кричали, размахивая руками. Одни полагали, что в горах проснулся вулкан, другие вполне обосновано утверждали, что началось светопреставление и бежать все равно не имеет смысла. Если уж подошел конец света, то встречать его лучше в теплой компании за пивом.

Древние хроники утверждают, будто некогда такие существа во множестве населяли Землю, и лишь случайность и вмешательство великих магов не позволили вселенной погибнуть. Кто знает, как оно было в действительности, но сейчас, когда великие маги ушли из жизни, битва света и тьмы началась. Вернее, началась схватка между одним драконом и единственным фениксом. Тьма и свет тоже измельчали и уже не могли собрать настоящего воинства. Армагеддон состоялся, но мир не погибнет и будет дряхлеть в бесконечной старости.

Пораженные глаза не могли разобрать, что именно творилось в вышине. На мгновение обозначались две фигуры, тут же сшибались грудью в грудь, и снова один слепящий огонь метался в небесах. Немного сумеют увидеть любопытствующие маги и еще меньше смогут понять. Знали бы, прятались за Увалами, а за добычей пришли бы, как и положено мародерам, по окончании битвы.

Последний раз грохнуло в небесах, последний раз дрогнула земля, и тишина вернулась в ущелье. Медленно погасло сияние, окружающее защитный кокон, а это значит, что магическая буря стихла, и ничто не рвет больше крепко переплетенные волокна. Можно прийти в чувство, подняться с земли и постараться вспомнить, кто ты такой, как и зачем очутился в этом краю.

— Живы... — выдохнул Дардейл.

Влох как обычно промолчал, но и он думал о том же.

— Кто мог предполагать, что такие существа еще есть на свете?..

— Были, — обронил слово Влох.

— Как ты думаешь, кто из них победил?

— По-моему, они убили друг друга.

— Я тоже так полагаю.

Волшебники двинулись вверх по ущелью, туда, где предположительно могло упасть то, что осталось от погибших бойцов.

Само ущелье почти не изменилось. Та же трава, местами выжженная огненным ударом, те же деревья, лишь в одном месте вывороченные, словно здесь узкой полосой прошел смерч. Божья коровка взобралась на травину, разломила испятнанную спинку и полетела, ничуть не беспокоясь о том, что несколько минут назад в этой же синеве сражались чудовища, превосходящие все мыслимые пределы. Казалось бы, ничего не изменилось... А вот раздувшееся тельце жабы валяется меж камней. Толстунья оказалась чувствительнее насекомых и погибла, хотя никто ее специально не убивал. И еще скрипит на зубах тонкая пыль, и воздух чуть заметно пахнет, как случается в старом склепе, куда сто лет никто не спускался. Магическая круговерть в пыль растерла тех, кто мог понять или хотя бы испугаться происходящего. В прах обратились мыши, птицы и смышленый дурачок Радим, пришедший на магический зов и сгинувший ни за понюх табаку.

А Влох и Дардейл живы. Они ничуть не пострадали и теперь ищут хотя бы малую толику, ничтожный остаточек бойцов, не сожженный колдовским пламенем. Тела дракона и феникса пропитаны магией, темной или светлой, для артефакта это не имеет значения. В одном перышке, в единой чешуйке магии больше, чем у любого колдуна из ныне живущих. Если, конечно, хоть что-то сохранилось нетронутым и будет найдено прежде, чем страшная сила бесследно рассеется. «Стухнет», — как сказал бы Радим.

Сейчас волшебники действовали как самые простые люди. Применять особые возможности не просто неосмотрительно, а смертельно опасно. Ищущие заклинания в данном случае не помощники, коснешься ненароком уцелевшего фрагмента, и истекающая энергия испепелит тебя, прежде чем успеешь сказать «Ой!». Поэтому колдуны просто прочесывали местность, особо внимательно оглядывая места, выжженные колдовским пламенем.

Находку они углядели почти одновременно. Изогнутый черный коготь почти пол-локтя длиной торчал из оплавленного камня. Должно быть, здесь бойцы ударились о землю, но еще нашли в себе силы подняться и продолжить бой в вышине. А коготь, случайно вонзившийся в камень, был оторван и потому уцелел.

Долгую минуту волшебники стояли возле находки, не смея

поверить удаче. Стояли молча, хотя и понимали, что время идет, и сила истекает из будущего артефакта, бесцельно превращаясь в скверну. Сейчас надо извлечь коготь из камня, залечить рану, окутав туманом темных заклятий. Сверху лягут светлые заклинания, потом опять темные... Неутомимо, раз за разом, пока небывалый раритет не будет окончательно законсервирован. А потом придет время решать, как распорядиться немыслимой удачей. Только потом, ибо иначе коготь попросту изноет и бесследно исчезнет, как исчезла легендарная коллекция рыцаря Онеро, от которого не осталось ничего, кроме сказочных историй.

И все же колдуны стояли и думали о том, что произойдет после окончания совместного труда.

— Эту вещь отдавать на сторону нельзя, — произнес Влох.

— Согласен.

— И принадлежать она должна только одному.

— Так, — на этот раз Дардейл оказался лаконичнее товарища.

— Но сначала артефакт должен быть изготовлен.

— Это тоже верно.

— А потом...

— Потом наш договор будет расторгнут, и мы сразимся за право владеть когтем.

— Если победа окажется за мной, я постараюсь оставить тебя в живых.

— Не получится. Не знаю, кто из нас победит, но второй будет сражаться до конца и погибнет наверняка. Так что не стоит обольщать друг друга ложными надеждами. Все должно быть честно и договорено до конца.

— Хорошо. Пусть так и будет. А теперь — за дело!

Маги разошлись, встав по разные стороны от находки, и приготовились раскалывать камень.

Чужеродный звук привлек их внимание. В окружающей тишине, когда всякое существо крупнее божьей коровки, было мертво, человеческие шаги по каменистой осыпи звучали резко и угрожающе. Волшебники обернулись и увидели Радима, который неспешной походкой приближался к ним.

— Ты жив? — нелепо произнес кто-то.

— Сами, что ли, не видите? — переспросил Радим. — Чего мне умирать-то?

Он шагнул вперед, наклонился над когтем.

— Стой! — заорал Дардейл. — Сгоришь!..

— Это вы уже говорили... — возразил Радим и одним рывком выдернул впаявшийся в камень коготь.

— Верни назад... — на выдохе произнес Влох. — Это наше!

Радим медленно покачал головой.

— Ты хоть понимаешь, что это?! — выкрикнул Дардейл. — Это будет величайший из артефактов, если, конечно, не загубить его сейчас! Для тебя эта вещь бесполезна, а мы искали нечто подобное всю жизнь.

— Без этого когтя дракон не сможет ожить или воскреснет калекой, — негромко произнес Радим. — Неужто вы думаете, что ради ваших артефактов я пожертвую своим последним драконом? Корешки аюклы вы получили, а дракон останется у меня.

— Как это, твоим драконом? — выдавил Влох сквозь перехваченное горло.

Дардейл, понявший все раньше, медленно опустился на колени.

— Темный Властелин...

Радим, не отвечая, сел на горячий камень. Долго молчал, поникнув головой. Потом мучительно произнес:

— Какой я, к бесу, властелин... Над чем?.. Властелин должен быть во дворце, среди слуг и подданных. Музыка, яркий свет, красивые люди... А я — я один, уже не помню сколько времени. Всегда один, даже когда выхожу к людям. Раньше хотя бы была сила. Я создавал удивительных существ и отпускал их на свободу. Я создавал семена и расшвыривал их, не зная, что вырастет там, куда упало семя. Вы сами видели аюклу, она все еще растет, хотя я давно не занимаюсь подобными играми. Герои бились с моими созданиями и, случалось, побеждали их. Но сила возвращалась ко мне, чтобы я мог творить новое. Я думал, этому не будет конца. Я ошибался. Сила иссякла, и я не знаю, куда она делась. Может быть, ее сгубили твари вроде той, с которой сражался Гарр — так зовут моего последнего дракона. Не думайте, что его сейчас убили, я непременно оживлю его, и вы не сможете мне помешать. Ни единой чешуйки, ни одной искры вы не получите для своих амулетов. Вы поняли? А теперь уходите. Оба.

Волшебники, темный и светлый, на карачках отползали от человека, в котором и сейчас не могли прощупать никакой мощи. Но этот человек держал в руках коготь дракона, который испепелил бы всякого, кто коснется его, не прикрывшись магической броней, и правдиво рассуждал о вещах, о которых другие могут лишь сочинять сказки.

Радим не поднял головы, не глянул вслед убегавшим. Они ничего не стащили здесь, а, вернувшись к людям, будут молчать о том, что видели. Ну, так и пусть бегут. Они подобны полевкам, пришедшим по осени в жилой дом: шуршат за стеной, что-то грызут, что-то утаскивают в норку, но серьезного ущерба не приносят. Пускай уносят отгрызенные корешки и вспоминают

единственное настоящее приключение в своей не слишком длинной жизни.

Коготь Гарра обжигал тело сквозь тонкую рубашку. Колдовская суть прекратила истекать из него, но он оставался горячим, словно живой. В округе все было залито темной силой, расплескавшейся из тела погибшего гиганта, но эту энергию можно собрать, придать ей прежнюю или какую-то иную форму. Если бы от дракона не осталось ни единой целой части, то о прежней форме можно было бы забыть. Но найденный коготь позволит восстановить не просто порождение тьмы, а именно Гарра, с которым Радим успел сродниться.

Между пятен мрака, расплывшихся по камням, тускло мерцали белесые лужи благодати, вылившейся из тела издыхающего феникса. Создание света не пережило своего противника и нашло здесь свой конец. Душные испарения благодати мешались с тонким ароматом зла. Не так просто будет разделить эту смесь, но он справится, и уже через неделю в ущелье не останется ничего. Можно представить, что здесь будет твориться, ежели в этом краю появятся люди. Люди должны быть злы или добры сами по себе, без помощи магических сущностей. Человек, напитавшийся благодатью, есть такое же чудовище, как и его собрат, исполненный скверны. Жаль, что Радим может собрать и унести только черную силу, а лужи бессмысленной светлой мощи останутся здесь навеки. Зато теперь ничто не сможет угрожать возрожденному Гарру. Впереди много труда, но потом можно будет жить спокойно.

Радим встал, направился вдоль берега речушки. Вода в ней только что кипела, но зелень по берегам оставалась свежей. Есть у мха и травы такая особенность: магический удар не вредит зеленой плоти. Будь иначе, никакая земная жизнь не сумела бы уцелеть в магических поединках прошлого. А так, ушли колдуны и гиганты, и могилы их укрыл зеленый ковер. Незабудки цветут на забытых могилах.

У самого уреза воды ярко светилось пятно. Глядеть на него было больно, и никак не удавалось сфокусировать глаза, чтобы рассмотреть, что же это там валяется. Радим прищурился, шагнул ближе… Золотая корона, погнутая, искореженная жаром драконьего пламени. Должно быть, она венчала голову феникса, а теперь валяется, закопченная и бессмысленная. Вот была бы находка для недавних Радимовых спутников! Силы в ней осталось, пожалуй, больше, чем в когте, и эту штуку Радим с удовольствием отдал бы собирателям падали. Жаль, что здесь, среди разливов скверны и благодати, Влох и Дардейл не смогли бы сохранить свою непрочную дружбу, и создание артефакта

закончилось бы сварой за право владеть им. Так что пусть корона остается ненайденной. Чем скорее она стухнет, тем будет лучше.

Радим поддал золотую безделушку ногой. Корона отлетела на середину речки, солнечные блики, играющие на поверхности воды, скрыли ее, растворив золотое свечение.

Вот так. Теперь пора приниматься за дело. Ему предстоит отделять свет от тьмы, возвращать чистой сущности призрак жизни. Вряд ли кто-нибудь скажет, зачем это нужно, но другой задачи у него нет. Каждый живет, чем умеет.

Мелкая галька посыпалась по склону. Радим вскинул голову. К ручью, легко ступая по ноголомному бездорожью, спускалась девчонка. Нелепо она выглядела здесь, босая, в ветхом платьишке с чужого плеча. Распущенные волосы редкими прядями падали на плечи. Невыразительное лицо: глаза прищурены так, что цвета их не разобрать, тонкие, плотно сжатые губы, слишком длинный нос и брови, изломленные под нелепым трагическим углом.

— Ты... что... здесь... делаешь... — ломко, в четыре слова произнесла она.

— Это, что ты здесь делаешь? — потребовал ответа Радим, глядя в неприятное лицо.

Пожалуй, это все же не девчонка, а взрослая девушка, но оставшаяся недомерком, худая, с нездоровым цветом лица, с головой, втянутой в сутулые плечи, как бывает у служанок, ежеминутно ждущих тычка от недовольной хозяйки. Но каким чудом это домашнее животное, иначе его и не назвать, попало сюда, в безлюдную пустынь, где только что отгремела ужаснейшая битва? Как ее не разнесло в пыль, что до сих пор скрипит на зубах? Или она оказалась ничтожнее жабы и мальков форели, что кверху брюхом плывут по ручью?

— Так это ты убил Айра?

Радим сразу понял, о чем она говорит, но почему-то переспросил:

— Ты это чего?

— Сам знаешь! — огрызнулась девица. — Только учти, я его все равно воскрешу, и тогда тебе не поздоровится.

Она протянула руку, не глядя, зачерпнула опалесцирующую жижу благодати, пятнающую камни. Фигурка девушки, и без того не слишком плотная, стала едва ли не прозрачной, зато на ладошке возник сначала сияющий ореол, а затем крошечное существо со стрекозиными крыльями. Луговой эльф еще не успел сформироваться, когда незнакомка сжала кулак, остановив волшебство. Но и того, что Радим увидел, было достаточно. В девчонке и сейчас не заметно магической силы, вроде той, что тугими узлами сплеталась в душе Влоха, Дардейла и великого

множества других чародеев, которых повидал на своем веку Радим, но мертвая благодать слушалась ее, услужливо подстраиваясь под самые причудливые фантазии. Хотя не слишком верилось, что замухрышка сподобится восстановить сожженного феникса. Если уж собственная способность к регенерации не спасла светлую птаху, ее ничто не восстановит.

— Дура ты, — почти ласково сказал Радим. — Во-первых, ничего у тебя не получится, а во-вторых, на черта ты возишься с этой грязью?

— Все у меня получится, потому что я всю жизнь с грязью вожусь! — сорванным голосом закричала девчонка. — Ты вон чистенький и ухоженный, мамочкин любимчик — что ты можешь знать? А я всю жизнь в услужении, в приживалках! И у кого? Хозяйка — дура, свинья самодовольная. У нее ни рода, ни души — одни червонцы! Это ее муженек пустил нашу семью по миру! Отец погиб, мама умерла, а эта свинья взяла меня в служанки... из жалости! Ты хоть знаешь, что это такое, терпеть придирки и ждать, когда ж появится кто-то добрый и прекрасный и заберет меня от них! Сперва я надеялась, что приедет кто-то из родных, а потом узнала, что весь род вымер и мне остается надеяться только на добрую фею. Знаешь, что это такое, когда в двенадцать лет не во что верить, кроме придуманной феи, потому что в настоящей жизни нет ничего, кроме выволочек и головомоек... Даже веру в бога эта тварь присвоила себе. Тебе когда-нибудь приходилось молиться под угрозой порки? Ты знаешь ли вообще, что такое порка?!

— Знаю, — Радим выпрямился и расправил сутулые плечи. — Это когда ты бегаешь, как проклятый, и вместо «спасибо» каждый норовит дать тебе подзатыльник. И за каждый просчет хозяин дерет вожжами. Не понимаю, с чего ты решила, будто я был мамочкиным любимчиком. Я не помню родителей и всю жизнь был в услужении. Мальчик на побегушках, на постоялом дворе — такое тебе не приходилось пробовать? День за днем пинки и колотушки, и никакой надежды даже на придуманную родню и добрую фею. Но я... — Радим наклонился, зачерпнул темную силу, и на ладони привычно возник источающий яд паук, — я создал из окружающей грязи вот таких пауков и отправил всех обидчиков туда, где они должны быть.

— А я, — тихо произнесла девушка, — создала из умершей благодати птицу и улетела от людей навсегда. Мне было нетрудно сделать птицу, ханжество разливалось вокруг нашего дома толстым слоем, словно взбитые сливки на хозяйкином пироге. Говорят, когда-то злые чародеи убили там архангела. Но ведь это страшно — жить там, где кого-то убили! А они

стремились окунуться в чужую смерть и видели в том счастье. Даже если бы они не были столь бесчеловечны, я не смогла бы быть с ними рядом. Поэтому я улетела от людей, с тех пор живу одна и делаю из мертвого живое.

— Значит, ты Эстель, светлая владычица и мой главный враг, — произнес Радим.

— А ты — темный повелитель, чье имя неназываемо, — без тени боязни проговорила Эстель.

— Меня зовут Радим.

— Мне плевать, как тебя зовут. И мне плевать, как звали меня прежде те люди. Они давно умерли, их больше нет. А меня зовут Эстель, и я тебя не боюсь.

Она опустилась на корточки, провела ладонью над самой землей, собирая расплескавшуюся благодать — кровь погибшего феникса. В самой Эстель и сейчас не добавилось мощи, но Радим знал, что девушка, несчастная и забитая, может в любую секунду создать из собранного света нечто, способное справиться с любым врагом. Радим знал это потому, что сам мог выпустить на худенькую девчонку звероподобную тварь, напоенную темной силой.

— В мире не осталось чудесного света, — не поднимая головы, произнесла Эстель, — но я все равно воскрешу Айра, и тогда тебе придется худо.

— Я прежде оживлю Гарра, — возразил Радим, — и мы посмотрим, кому будет хуже.

Эстель не ответила. Возможно, она была полностью поглощена своим делом, а может, ей нечего было возразить. Коготь дракона в хозяйских руках излучал черное сияние, владычица света чувствовала его и понимала, что в гонке творения противник и впрямь обгонит ее.

Радим стоял, сверху вниз глядя на своего извечного врага. Потом отвернулся и ступил в реку. Теплую воду вместе с погибшей рыбой давно снесло течением, поток, берущий начало в ледниках, снова был до судорог холодным. Вода ощутимо сбивала с ног, идти приходилось очень осторожно. Радим зашел по колено, наклонился, нашарил на дне искореженную корону. Холодное золото жгло пальцы волшебным огнем, но Радим не выпустил находку и с короной в руках выбрался на берег.

— Вот, держи.

Эстель выхватила из рук Радима корону, прижала к груди. Потом медленно выдавила одно слово:

— Спасибо.

На этот раз не ответил Радим.

Некоторое время они молча занимались каждый своим

делом. Свет и тьма, смешавшиеся в недавней битве так, что их, казалось, вовеки не разделить, почувствовав присутствие хозяев, незримыми потоками стремились каждый в свою сторону. Веками здесь было чисто: ни скверны, ни благодати. Так же чисто стало и теперь.

Можно уходить.

Радим последний раз окинул взглядом ущелье, потом приблизился к Эстель и спросил:

— Ты придешь сюда еще?

Эстель осталась неподвижна, только рука ее продолжала оглаживать камень, словно собирая остатки света.

— Я приду сюда завтра, — сказал Радим.

— До завтра я не успею воскресить Айра...

— Гарр тоже еще не успеет родиться. Но я все равно приду и буду ждать.

ШОН МАКМАЛЛЕН
СКРУЧЕННЫЕ В СПИРАЛЬ

Иллюстрация Виктора БАЗАНОВА

Шел год 1449 от Рождества Христова, и мир вот-вот должен был измениться. Перемены приближались незаметно; во всяком случае, в небольшом торговом городке Кесуике, стоявшем в холмах близ озера Дервентуотер, никто не подозревал об

открытии, которое сначала назовут *La Hachette*. Но и это было далеко не все...

Брат

Вот уже семь лет сэр Джеральд каждый день вставал за полчаса до рассвета и отправлялся на берег Дервента. Там он взбирался на огромный валун и неотрывно смотрел на воду и на длинный деревянный мост, соединявший левый и правый берега реки. Утро неизменно заставало его сидящим на скале, которую в Кесуике прозвали Сторожевым Камнем Джеральда.

Все жители города прекрасно знали, что рыцарь терпеть не может, когда кто-то мешает ему во время его одиноких предутренних бдений. Именно поэтому сэр Джеральд не на шутку рассердился, когда заметил в серых сумерках чью-то движущуюся фигуру. Сначала он признал в ней мужчину с ребенком на руках, но потом обратил внимание, что сверток, который незнакомец прижимает к груди, как-то странно светится. Не доходя нескольких шагов до того места, где сидел Джеральд, человек остановился, и рыцарь разглядел блеск кольчуги и очертания стального шлема у него на голове.

Прежде чем спуститься к воде, Джеральд натянул тетиву лука. Пришелец выбрал для своего появления крайне неудачное время, и рыцарь уже собирался объявить ему об этом, когда заметил на речной глади небольшую лодку. Любопытство пересилило гнев, и Джеральд опустил лук. Осторожно ступая по сырой от росы траве, рыцарь спустился к воде.

При ближайшем рассмотрении лодка оказалась не больше полуярда длиной. На дне ее горели шесть толстых свечей. Над ними было установлено бронзовое подобие длинной, поджарой собаки: лапами она упиралась в борта, голова с открытой пастью была обращена к корме, а поднятый хвост и зад смотрели как раз в ту сторону, в какую лодка должна была двигаться.

— Вам известно, сэр, кто я такой? — проговорил Джеральд. Он чувствовал себя заинтригованным и решил говорить вежливо.

— Вы — храбрый рыцарь Джеральд Эшдейлский, — послышался в ответ негромкий, но уверенный голос. — Каждое утро вы сидите на этом камне и грезите о мести.

— В таком случае, назовите свое имя.

— Мое имя Тордрал, сэр.

— Как, сам знаменитый мастер-оружейник?!..

— К вашим услугам, сэр. — Пришелец слегка поклонился.

— Какое же дело привело тебя сюда, мастер Тордрал?

— Вы правы, сэр, у меня есть к вам дело, и, может статься, очень важное дело... Взгляните-ка на эту лодку. Как вам кажется, что это такое?

Джеральд уже собирался приказать Тордралу идти своей дорогой, но не удержался и бросил взгляд на странное сооружение.

— Это медная или бронзовая собака, под брюхом которой горят шесть сальных свечей. Из головы, насколько я вижу, торчит кран. Он... ага, понятно! Пародувные мехи! Я видел такие во Франции.

— Вы не ошиблись, сэр. Стоит повернуть кран, и из пасти собаки ударит струя пара.

Джеральд вдруг вспомнил, для чего он пришел на берег, и нахмурился.

— Если тебе известно, кто я такой, ты должен знать также, что меня нельзя беспокоить, — проговорил он строго. — Во всяком случае, не по утрам. Если у тебя действительно есть ко мне дело, приходи в мой замок, скажем, после обеда.

— А вам известно, как действуют и для чего используются пародувные мехи? — спросил Тордрал, пропустив слова! рыцаря мимо ушей.

— Я... Ну конечно, известно!.. Бронзовый или медный котел до половины наполняют водой, а потом разводят под ним огонь. Пар, который начинает вырываться из специальной трубки, как только вода закипит, направляют в топку, чтобы сильнее раздувать огонь, особенно если дрова сырые.

— Все правильно, сэр. А теперь — глядите!..

Тордрал повернул кран, и из собачьей пасти вырвалась тугая струя пара. Она так громко шипела, что Джеральд машинально отпрянул и одним быстрым движением положил стрелу на тетиву лука.

— Все в порядке, сэр, опасности нет! — успокоил его Тордрал, с трудом перекрывая свист пара.

Потом оружейник развернул лодку носом к противоположному берегу и слегка подтолкнул. Окутанная клубами пара, лодка быстро двинулась вперед.

Джеральд перекрестился.

— Если б я не видел этого собственными глазами, ни за что бы не поверил, — сказал он с дрожью в голосе.

— Еще ребенком я заметил, сэр: если человек, стоящий на корме лодки, бросит назад тяжелый камень, сама лодка продвинется вперед, — пояснил Тордрал.

— Но твоя лодка не мечет никаких камней, — возразил рыцарь.

— Зато она мечет пар.

Джеральд задумчиво посмотрел лодке вслед. Та скользила по воде уже со скоростью пешехода, и было видно, что это еще не предел.

— Похоже, твоя игрушка способна пересечь реку, — сказал он, снова вспомнив, что Тордрал нарушил его уединение. — Я что, должен удивиться или... Эй, она исчезла!

— Вы очень наблюдательны, сэр.

— Лодка пропала примерно на середине реки. Но как? Куда она девалась?! Я внимательно за ней следил и видел: она не утонула. Она просто... просто исчезла!

— Вы наверняка слышали о границах между мирами, сэр Джеральд. И о вратах или порталах, через которые можно перейти из нашего мира в соседний. Проблема заключается в том, что порталы эти встречаются исключительно редко, да и перейти из одного мира в другой гораздо сложнее, чем, скажем, перебраться с одного берега Дервента на другой. Переход возможен, во-первых, только в тех местах, где граница существует одновременно в обоих мирах, а во-вторых, только в определенное время суток, например, в вечерних или в предрассветных сумерках, когда ночь закончилась, а день еще не настал. — Тордрал немного помолчал и добавил: — Этот участок реки — особенный, он существует и в нашем, и в соседнем мирах. И именно здесь находится один из немногих известных мне порталов.

Джеральд хмыкнул.

— Ты хочешь сказать, что твоя игрушка попала в другой мир?

— Я этого не говорил, сэр. Доподлинно мне известно только одно: *наш* мир она покинула.

Джеральд немного подумал, потом взошел на середину моста и стал пристально смотреть на медленно текущую воду, но никаких следов игрушечной лодки не обнаружил. Это было странно. Тордрал не прочел ни молитвы, ни заклинания, а между тем нечто удивительное и невероятное все же произошло, и рыцарь почувствовал, как его удивление выросло еще больше. Он, однако, постарался взять себя в руки. Повернувшись, сэр Джеральд спокойным шагом возвратился на берег и окинул мастера внимательным взглядом. На том не было ни камзола, ни плаща, как обычно одевались воины; можно было подумать, что кольчужная рубашка заменяет оружейнику тунику и панталоны из ткани. Стальной шлем, который носил Тордрал, принадлежал к устаревшему типу: он оставлял открытой нижнюю половину лица, даже когда забрало было опущено.

— Чего ты хочешь? — без обиняков спросил Джеральд.

— Вы — рыцарь, я — оружейник, однако я не только изготавливаю традиционное оружие, но и изобретаю новые его разновидности. Одну из них я только что вам продемонстрировал.

— Эта твоя игрушечная лодка — оружие?

— Да, сэр, — твердо ответил Тордрал. — Вы сами видели: она способна добраться до ваших врагов, даже если они находятся в другом мире.

— Тордрал... Как твое полное имя?

— Зовите меня просто Тордрал, сэр. У меня, видите ли, есть прошлое, о котором лучше не упоминать.

Джеральд кивнул.

— Что ж, просто Тордрал, ступай за мной, если хочешь. Уже светает, и на сегодня мое бдение закончено.

Оружейник

Тордрал прекрасно понимал, что ему пока не удалось убедить сэра Джеральда в искренности своих намерений, да и демонстрация чудесной лодки вряд ли была способна произвести на него достаточно сильное впечатление. В конце концов, Джеральд был рыцарем, а рыцари всегда отличались подозрительностью и консерватизмом, когда дело касалось нового оружия. Завоевывать его доверие следовало постепенно, не торопясь; слишком сильный нажим мог все испортить.

— Твоя манера одеваться кажется мне странной, — заметил Джеральд, когда они оба шагали по направлению к городу. — Ведь сейчас не война, зачем же ты носишь шлем и кольчугу?

— Я ношу их постоянно, добрый сэр. Шлем и кольчуга скрывают мою плоть, изуродованную нашим общим врагом.

Джеральд улыбнулся. Тордрал сделал вид, будто ничего не заметил.

— В таком случае, позволь мне называть тебя моим другом. Могу я спросить тебя о твоей лодке?

«Он притворяется, — понял Тордрал. — Притворяется, чтобы я сделался беспечным и скорее выдал себя. Значит, нужно быть особенно осторожным».

— В ней нет никаких секретов, сэр. Просто в своей конструкции мне удалось объединить все четыре стихии: огонь, воду, землю и воздух. Как видите, моя лодка ничем не отличается от любых живых существ, за исключением одного факта: она не живая.

— Уму непостижимо!

— Именно благодаря своей непостижимости эта лодка способна преодолеть границу между мирами. К моему изобретению не приложимы ни законы естественной философии, ни законы философии сверхъестественного.

— А ты способен сделать достаточно большую лодку, чтобы... чтобы на ней можно было перевозить солдат?

— Нет, мой добрый сэр.

Джеральд удивленно крякнул. Он был уверен: человек, который рассчитывал убедить его расстаться с энным количеством золота, конечно, заявил бы, будто построить судно для транспортировки войск — пустяк.

— Но ведь твоя лодка — просто уменьшенная копия большой, не так ли?

Тордрал сознавал, что они снова ступают на зыбкую почву. Понимание принципов действия его модели требовало наличия интеллекта или, по крайней мере, кое-каких специальных знаний, тогда как большинство рыцарей обычно не отличалось ни тем, ни другим. Джеральд, однако, происходил из рода, ценившего ученых и ученость, следовательно, для него еще не все было потеряно.

— Всемогущий Господь создал закон соответствия количества и качества, который ограничивает пределы пропорционального масштабирования, сэр Джеральд. Вы сами знаете: чтобы сдвинуть с места телегу обычных размеров, требуется одна лошадь, но в телегу вдвое большую запрягают уже не пару лошадей, а пару быков. Также и с лодкой. Чтобы сдвинуть с места даже небольшую барку или баркас, понадобится паровой движитель во много раз больших размеров, чем тот, который вы видели. Между тем из опыта мы знаем, что если построить пародувные мехи размером всего лишь с бочонок, они просто взорвутся.

— Почему? — удивился Джеральд.

— Этого я не могу вам сказать, добрый сэр. Возможно, дело в свойствах металла, а возможно — в неспособности наших кузнецов обработать его должным образом. К сожалению, баркас, приводимый в движение паровыми мехами наибольшего работоспособного размера, вряд ли сумеет обогнать даже плывущую утку. Я уже не говорю о том, что любой, даже самый слабый ветерок или течение станут для такого судна серьезной помехой.

— А между тем, просто Тордрал, я совершенно уверен, что ты явился сегодня на берег не случайно. Ты явно ищешь моего покровительства. Хватит играть в прятки, оружейник. Что ты хочешь мне предложить?

— Бомбарду[1], сэр. Бомбарду, которая сможет метать

чугунные ядра при помощи силы огня, воды, земли и воздуха.

Джеральд покачал головой и разочарованно фыркнул.

— Я пытался стрелять через реку и из лука, и из пороховой ручницы. Я делал это и в вечерних, и в предрассветных сумерках, но ядра и стрелы просто падали на противоположном берегу. Они не попадали в другой мир.

— Так и должно было быть, добрый сэр.

— Но что такое ручница, как не маленькая бомбарда? Объясни мне, мастер Тордрал!..

— Ручницы, как и обычные бомбарды, мечут ядра при помощи черного пороха. Иными словами, земля приводится в движение с помощью воздуха и огня. Четвертый элемент — вода — в этом никак не участвует. Я же предлагаю построить паровую бомбарду, в которой будут использоваться все четыре стихии, ведь пар — это не что иное, как вода, превращенная в воздух силой огня, который, в свою очередь, получается при сжигании дров. Такое устройство сможет перебрасывать ядра из одного мира в другой.

— Да, все четыре стихии налицо, — согласился Джеральд. — А ты уверен, что сумеешь построить такую бомбарду?

— Вы сами видели, что я способен создавать подобные механизмы.

— Какую же плату ты намерен потребовать?

— Никакой платы мне не нужно.

— Никакой платы?!

— Позвольте напомнить, добрый сэр, что меня искалечил наш с вами общий враг. Отомстить — вот все, чего я хочу. Вам, однако, придется оплачивать металл, строевой лес и другие необходимые материалы, а также содержать в течение трех месяцев два десятка моих подмастерьев и помощников. Кроме того, мне понадобится новейшая казнозарядная бомбарда с бронзовым стволом такого калибра, чтобы в него свободно проходил мужской кулак в латной рукавице.

— Довольно странный список, — заметил Джеральд. — Все это мне обойдется недешево, но ты, кажется, не требуешь ничего лишнего.

— Новое оружие существует пока только в моей голове. Чтобы извлечь его оттуда, понадобится много золота и еще больше труда, — почтительно ответил Тордрал, который прекрасно понимал, что еще больше труда потребуется, чтобы окончательно завоевать доверие рыцаря.

За разговором Тордрал и Джеральд незаметно добрались до небольшой крепости на окраине Кесуика. Рыцарь достал ключ и отпер небольшую дверцу в стене. Сразу за стеной находился

очаровательный, но довольно запущенный сад. Его скамьи, беседки и гроты были почти скрыты разросшимися кустами и плющом.

— Если мое предложение вас не заинтересовало, позвольте мне пойти своей дорогой, — сказал Тордрал, опуская глаза.

Момент был выбран верно.

— О нет, прошу тебя, останься! — с горячностью воскликнул Джеральд. — На протяжении семи лет меня осаждали продавцы глазных снадобий, якобы делавших фейри видимыми, мерзавцы с капканами для гоблинов, а также шарлатаны, предлагавшие заколдованные сети для уловления эльфов. Все они требовали золота, золота, золота, но ни один не смог доказать, что их приспособления действительно работают. Ты представил доказательства, но не потребовал платы. Признаюсь честно — это меня заинтересовало.

— Для меня это большая честь, сэр Джеральд, — Тордрал слегка поклонился.

— Ты говоришь, что тебя изуродовал наш общий враг, а между тем само твое имя восходит к французскому слову, означающему «скрюченный»...

— Вы совершенно правы, сэр, но я не всегда носил такое имя... — Тордрал немного помолчал. — Значит, вы все-таки решились заключить со мной военный союз?

— Ты искушаешь меня, Тордрал! На протяжении семи лет я каждый день нес утренний и вечерний дозор на берегу у моста. Я видел глаза, которые плыли в воздухе и, в свою очередь, наблюдали за мной; я посылал стрелы с коваными наконечниками в иллюзий, которые рассеивались как дым; однажды я задремал, а когда очнулся, то увидел, что кто-то перерезал тетиву моего лука. Много раз я слышал, как невидимые губы смеются надо мной, но не перестал выслеживать своих врагов, потому что... потому что... Зайди, я хочу что-то тебе показать.

Рыцарь и оружейник вошли в сад, где росло множество прекрасных цветов, а воздух был насыщен густым, сладким ароматом. Остановившись на тропинке, Джеральд несколько раз повернулся, вытянув руки перед собой.

— Красиво, не правда ли? Иллюстрации в святых книгах изображают рай как огромный храм, но я думаю — он похож на сад.

— Как странно... — проговорил Тордрал, медленно шагая по тропинке, ведущей к центру сада. — Я никогда не видел, чтобы стебли роз были закручены спирально. И практически у всех кустов, за исключением того, что растет в самой середине...

— Моя бабушка была из тех женщин, которые умеют приказывать людям, зверям и даже растениям. Это она сделала так, что дикий, непривитый шиповник начал закручиваться в спираль. После ее смерти моя сестра Мейлиен попыталась выпрямить несколько стеблей, но они попросту переломились у корня и погибли. Тогда она посадила на их месте новый куст роз и не трогала его, пока он не вырос.

— Это тот, в середине? — Да.

— Он похож на символ свободы, — кивнул Тордрал. — Особенно по сравнению с остальными, смирившимися и утратившими всякую надежду...

Сэр Джеральд крепко сжал губы и несколько раз глубоко вдохнул через нос, словно пытаясь подавить рыдание. Ему это почти удалось. Рыцарь умел скрывать свои чувства, но на сей раз его выдала скатившаяся по щеке одинокая слеза.

— Я согласен, мастер Тордрал. Скажи моему сенешалю, что тебе нужно — он обо всем позаботится.

— Вы действительно... решили? — переспросил Тордрал, удивленный столь внезапной переменой в настроении рыцаря.

— Ты и моя сестра... вы чем-то очень похожи. Думаю, ты бы понравился ей, оружейник. И она тебе тоже понравилась бы.

Джеральд жестом указал на увитую плющом каменную скамью.

— Когда-то это было ее любимое место, мастер Тордрал. Здесь Мейлиен любила посидеть с книгой, подумать, помечтать. Она знала пять языков и читала Аристотеля так же свободно, как и любой французский **roman courtois**[2]. Четырнадцать лет назад она тоже сидела здесь с какой-то книгой, а я отдыхал на траве примерно в четырех ярдах от нее. Внезапно на меня напал какой-то странный сон: глаза мои были открыты, но я не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Беспомощный, парализованный, я наблюдал, как некий эльфийский лорд появился в саду и попытался увлечь Мейлиен в Страну Фейри... Тебе это кажется выдумкой, оружейник? Тогда можешь смеяться.

— Я верю вам, сэр. Пожалуйста, продолжайте, — ответил Тордрал, стараясь, чтобы его голос звучал как можно бесстрастнее. Момент был очень важным. Обманщик на его месте поспешил бы выразить сочувствие, поэтому Тордрал постарался спрятать свои эмоции.

— Мейлиен не согласилась...

— Храбрая девушка! Эльфы терпеть не могут, когда смертные им отказывают.

— Да, я знаю. Эльф отомстил, отомстил коварно и жестоко. Очень скоро он наслал на Мейлиен болезнь, которая исковеркала

всю ее жизнь. Нам пришлось отослать ее в монастырь, поскольку моя сестра превратилась практически в инвалида. Семь лет она прожила в монастыре, а потом исчезла. Монахини нашли только ее следы — они вели к берегу реки и там обрывались. Я в это время воевал во Франции. Вернувшись домой, я сразу отправился сюда, в наше летнее поместье. С тех пор я каждый день прихожу на берег реки, но до сих пор мои бдения не принесли никаких результатов.

— Вы ошибаетесь, сэр. За несколько лет я подружился со множеством людей, которые, как и ваша сестра, были прокляты фейри. А когда до меня дошли слухи о ваших дежурствах, я поспешил к вам, чтобы предложить... союз. Нет, сэр Джеральд, ваши одинокие бдения не были бесплодными!

— Пожалуй, ты прав, оружейник, — медленно проговорил рыцарь. — Если ты добьешься успеха, значит, семь лет моих ежедневных дежурств не пропали зря!

Кузнец

Оглушительный грохот эхом раскатился меж холмами и докатился до Кесуика. На несколько мгновений шум и суета, царившие на городском базаре, стихли, но потом снова стали набирать силу. Торговцы продолжали расхваливать свой товар, пастухи, бранясь, собирали разбежавшихся в панике овец.

Когда прозвучал взрыв, Джеральд ехал к Тордралу. Его боевой конь, привычный к шуму битвы, и ухом не повел, но лошадь, тащившая следом за рыцарем небольшую тележку, попятилась и едва не понесла. Вознице пришлось приложить немало усилий, чтобы сдержать напуганное животное.

Лагерь, в котором работал Тордрал, расположился на берегу озера на расстоянии четверти мили от Кесуика. Стоявший там старый амбар был превращен в кузню, где день и ночь кипела работа. Из окон и дверей кузни валил густой дым, так что со стороны могло показаться, будто в старой постройке начался пожар.

Кузнец Джон как раз выносил на улицу тело своего погибшего подмастерья, когда заметил подъезжающего к амбару Джеральда. Передав труп работавшим с Тордралом женщинам, Джон почтительно приветствовал рыцаря.

— Что у вас случилось? Что-нибудь серьезное? — поинтересовался Джеральд.

— Ничего серьезного, сэр. Парнишка — глупец. Все спрятались, а он решил разыграть героя, которому все нипочем.

Чистая душа, но дурак, прости Господи.

— Вот тебе итальянский золотой флорин, — сказал Джеральд, бросая кузнецу монету. — Это из моих французских трофеев. Отдай его родственникам погибшего да передай мои соболезнования.

— Будет сделано, сэр. — Джон поклонился.

— Значит, говоришь, ничего серьезного? — снова спросил рыцарь.

— Ничего, сэр, — повторил кузнец. — Очередные испытания.

Кузнец намеренно говорил короткими, отрывистыми фразами, тщательно обдумывая каждое слово. Согласно всеобщему мнению, кузнецы, изготовляющие оружие и другие предметы из неподатливого железа, должны быть суровыми и немногословными, и Джон изо всех сил старался соответствовать этому образу. Кроме того, в его речи то и дело прорывался необычный и довольно подозрительный акцент; кузнец знал об этом и старался пореже открывать рот.

— Сдается мне, смерть твоего подмастерья мало тебя трогает, — с упреком заметил Джеральд.

— Мертвые мертвы, сэр. Живым нужно жить дальше. И исполнять свою работу.

— Мне нравится твой взгляд на вещи, хотя его и не назовешь чересчур жизнеутверждающим. Тебе бы рыцарем быть.

— Я был им.

Но Джеральду нелегко было постичь, как мог рыцарь оставить свое высокое положение и привилегии и стать простым ремесленником. Молча спешившись, он передал поводья вознице и вслед за Джоном вошел в амбар.

— А где Тордрал? Что-то я его не вижу, — сказал Джеральд, с беспокойством оглядываясь, так как, по словам кузнеца, в амбаре было небезопасно.

— Мастер Тордрал уехал на озеро измерять глубину.

— Зачем?

— Он не сказал.

Джеральд споткнулся о какой-то обломок и чуть не упал.

— Можно подумать, здесь поджаривали на вертеле железного дракона, который в конце концов взорвался, — сказал он, указывая на изломанные, скрученные полосы металла, загораживавшие проход.

— Испытания принесли результат, сэр, — ответил Джон. — Вот, взгляните сюда. Видите?..

И кузнец показал на стальной осколок, который застрял в толстых, грубо отесанных бревнах, из которых была сложена дальняя стена амбара. Джеральд потрясенно ахнул. Осколок

длиной в руку пробил четырнадцатидюймовое бревно и вышел с другой стороны.

— Клянусь небом! — воскликнул рыцарь. — Как вы этого добились?

— С помощью пара, сэр.

— Значит, пар так же силен, как и порох?

— Еще сильнее, сэр. Мы провели несколько испытаний устройства, в котором вместо пороха взрывался пар, и убедились в этом.

— Да, я знаю об этих испытаниях, — кивнул рыцарь. — Думаю, все, кто живет в округе, тоже слышали взрывы.

— Взрывы бывают разные, сэр.

— Вот как? А на мой взгляд, грохот и есть грохот.

— Звук и вправду получается громкий, сэр, но что поделать: то котел взорвется, то труба... В последнее время я стал делать трубы тоньше. Сами понимаете — проще заменить лопнувшую трубу, чем склепать новый котел. А потом мастер Тордрал придумал, как сделать, чтобы трубы сами себя чинили. Все-таки голова у него отлично работает.

— Чтобы трубы сами себя чинили? — удивленно переспросил Джеральд. — Как это?

— Мастер Тордрал сверлит в трубе дыру, вставляет в нее притертую коническую пробку, а сверху прижимает длинными ясеневыми планками, привязанными у концов. Когда пару в трубе становится слишком тесно, он приподнимает пробку, и излишек вырывается наружу. Потом давление падает, пробка под действием планок возвращается на место, и труба снова как целая. Мастер Тордрал называет это «стравить пар».

— Все равно не понимаю, — признался рыцарь.

— Я тоже. Зато это работает. — Кузнец, в свою очередь, пожал плечами.

Джеральд почел за благо переменить тему.

— Пародувные мехи, когда взрываются, производят огромные разрушения, — заметил он, снова указывая на груду металлических обломков.

Джон коснулся засевшего в стене осколка.

— Мы сделали это намеренно, — объяснил он. — Хотели проверить, с какой силой можно метать металлические и стальные снаряды.

Джеральд покачал головой.

— Я вижу, но не понимаю. Скажи, как...

— При всем уважении к вам, сэр, думать и понимать я предоставляю мастеру Тордралу.

— И все-таки объясни... Паровая бомбарда, как говорил

Тордрал, объединяет в себе все четыре стихии: воздух, воду, огонь и землю. Но ведь снаряды, которые мы собираемся метать с ее помощью — это не его игрушечная лодка! Они состоят только из одного элемента — земли. Как же тогда они преодолеют границу между мирами?

— Вы совершенно правы, милорд, — ответил кузнец, вовремя заметив, что рыцарь пытается заманить его в ловушку.

— Тогда почему Тордрал тратит твое время и мое золото на взрывы труб и котлов?

— Мастер Тордрал говорит, что чугунные ядра, если стрелять ими из паровой бомбарды, почти наверняка уничтожат врата между нашим миром и Страной Фейри.

— Уничтожат?

— Да.

— Не пролетят сквозь них, а уничтожат?

— Именно так, сэр.

— Но ведь он обещал мне нечто совсем другое!

— Так показали опыты. К несчастью, результаты испытаний не всегда совпадают с нашими расчетами.

Тордрал всегда оставлял Джона за главного, когда куда-то отлучался. Кузнец говорил мало, тщательно обдумывая каждое слово, поэтому любая ложь звучала в его устах на редкость солидно и правдоподобно.

— Пожалуй, уничтожить врата, ведущие в Страну Фейри, — это даже лучше, чем пытаться пройти сквозь них, — решил Джеральд. — Но когда же все будет готово?

— Трудно сказать, сэр. Ведь никто никогда не делал ничего подобного.

— Это верно, но... К сожалению, я не в состоянии оплачивать вашу работу бесконечно, как бы мне этого ни хотелось. Мои братья считают, что я расходую отцовское наследство на пустые прихоти, да и король недоволен, что мы плохо поддерживаем его в войне с французами.

— В таком случае, добрый сэр, вам остается только прибегнуть к старинным методам: заклинаниям, загадкам, проклятиям, оберегам, магическим амулетам, заколдованным камням и сумеречным бдениям.

— Хорошо, хорошо, я согласен, что смертные неспособны сражаться с фейри их оружием. И все-таки рано или поздно придет день, когда я больше не смогу обеспечивать вас всем необходимым.

— Мы понимаем, сэр. Именно поэтому мы работаем бесплатно.

— Поверь, Джон, я это знаю и высоко ценю вашу

самоотверженность. Давай вернемся к повозке — я как раз привез одну вещь, которая может послужить знаком моего... благорасположения.

У повозки, которую охранял оруженосец Джеральда, уже собрались несколько мужчин и женщин. Джон заглянул в кузов, и брови его удивленно поползли вверх.

— Роза в горшке! — воскликнул он. — Роза, стебель которой закручен спиралью!

— Да, Джон. Это живой символ, который вполне достоин того, чтобы красоваться на знамени или на рыцарском гербе. Глядя на него, каждый из нас должен стараться подражать этим отважным растениям.

— Что же они символизируют?

— Они символизируют людей, которые еще в нежные годы были жестоко искалечены, но не погибли, а наоборот — стали крепкими и очень, очень колючими.

Кузнец медленно кивнул. Множество образов промелькнуло в эти мгновения перед его мысленным взором, но ни один из них не принадлежал миру людей.

— Прекрасные цветы растут на изуродованных стеблях, — сказал он, ни к кому в особенности не обращаясь, и положил руки на пояс. — Что ж, эти розы действительно будут напоминать нам, кем мы были и на что способны.

— Значит, ты тоже потерял дорогого тебе человека? — догадался Джеральд.

— Когда-то, милорд, я был юным, прекрасным рыцарем. Неловко говорить так о себе, но Господу действительно было угодно наделить меня редкостной красотой. Я был настолько хорош собой, что сама королева Элеонора Аквитанская сочла меня достойным своей любви.

— Элеонора Ак... Но ведь она умерла два с половиной столетия назад!

— Вы не ошиблись, милорд. Увы, королева эльфов тоже сочла меня достаточно красивым...

Плотник

Корабль, строившийся на берегу озера Дервентуотер, напоминал древние норманнские когги. Он был низким и широким, как барка, обладал крепкой палубой, но имел низкий, срезанный нос. В центре палубы располагалась невысокая дощатая рубка, пол которой был выложен глиной и камнями для устройства очага. Судно было почти готово, когда Тордрал

приехал на побережье со своей еженедельной проверкой.

— Сдается мне, мастер, что ты намерен добиваться благой цели негодными средствами, — заметил корабельный плотник Ивейн, когда они С Тордралом и его подмастерьем Харальдом осматривали корпус судна.

— Объясни, что ты имеешь в виду, — потребовал оружейник.

— Я имею в виду размеры, понятно? Ведь Дервентуотер — это просто большая лужа, так зачем строить здесь корабль, способный перевозить лошадей? Объехать озеро верхом будет и проще, и быстрее!

— Зачем — это мое дело, Ивейн. Твое дело — построить такое судно, какое мне нужно.

— Я сделал все, как ты сказал: двадцать ярдов в длину, пять в ширину, а на воду можно спускать хоть сегодня. И все же...

— Что?

— Все же я кой-чего не понимаю. Например, вот этот низкий нос... Чтобы ходить по бурным морям, такая посудина не годится — ее зальет первой же волной!

— Ты сам только что сказал: Дервентуотер — просто большая лужа. Его длина не достигает и трех миль; что касается волн, то при самом сильном ветре их высота не превышает нескольких дюймов. Низкий нос нужен мне, чтобы стрелять из бомбарды, которая будет установлена на носу.

— Собираетесь поставить на палубе пушку? Не-ет, от этого никакого прока не будет!

— Почему же не будет?

— Да потому что об этом новшестве скоро все прознают. Морякам ведь рот не заткнешь, верно? А стоит им опрокинуть пару кружек, так разум и вовсе их покидает, и...

— Давай-ка ближе к делу, приятель.

— Я вот что хотел сказать, мастер Тордрал. Очень скоро все суда будут вооружены бомбардами, а коли два таких судна сойдутся в бою... Они же потопят друг дружку с первого выстрела! Бомбарда — дьявольски мощное оружие, перед которым не устоит никакая обшивка, так что преимущества вы не получите.

— Пусть тебя это не волнует. Мой корабль должен иметь на борту бомбарду. Что еще тебя смущает, плотник?

— Да эти четыре дырки, которые ты велел просверлить на носу и на корме.

— Ну и что тебе не нравится?

— Те два отверстия, что на носу, находятся на ладонь ниже ватерлинии...

— Да, я так и хотел.

— А те, что на корме, находятся под водой на целых пол-

ярда!

— Ты хорошо потрудился, плотник. Именно в этих местах я и велел тебе просверлить эти отверстия!

— Но ведь судно с дырой в обшивке сразу пойдет ко дну!

— Ты же знаешь: я приказал делать не сквозные отверстия. Те, что на носу, будут соединены с отверстиями на корме при помощи длинных труб, по которым потечет вода.

— Вы хотите, мастер, чтобы вода текла сквозь судно?

— Совершенно верно.

Плотник проворчал что-то на непонятном языке и поскреб затылок.

— Это — судно моей мечты, — пояснил Тордрал. — Я его выдумал, а ты должен построить.

Ивейн сложил руки на груди и, окинув быстрым взглядом почти готовый корпус корабля, покачал головой. Плотник понятия не имел, что же он сотворил, но Тордрал казался довольным, и ему было этого достаточно.

— Пусть твои мечты обратятся кошмаром для фейри, — сказал он. — Кстати, я сделал специальный ящик, в который как раз поместится горшок с нашей спиральной розой. Ведь мы возьмем ее с собой, правда?

— Конечно. Она — одна из нас. Негоже оставлять ее на берегу.

— Мастер...

— Что?

— Мы все — все, кто у тебя работает, — искалечены магией фейри. Возьмите хоть меня... они ведь забрали меня к себе. А когда я вернулся из ихней Страны-под-Холмом, оказалось, что корабли, которые я умею строить, уже сто лет никому не нужны.

— Мне, как видишь, понадобился именно такой корабль.

— Я знаю, но... Скажи, мастер, что они сделали с *тобой?*

— Фейри обесценили твое мастерство. У меня они отняли зрение. Я вижу достаточно отчетливо только то, что находится перед самым моим носом. Чтобы различить что-то на большем расстоянии, мне приходится использовать вогнутые линзы наподобие изумрудных стекол императора Нерона.

— И они вделаны в забрало твоего шлема?

— Совершенно верно.

— Ха, вот это дело! У фейри есть магия, но никто из них не сведущ в науке, как ты. А наука всегда победит магию. Позволь задать тебе еще один вопрос, мастер...

— Только последний.

— Хорошо... Как ты назовешь это судно?

— В моих мечтах оно носило имя *La Hachette*.

— *La Hachette*? Ах да, теперь понимаю... Красивое имя. Красивое и... сильное. Коли так, я сам нарисую на носу корабля боевую секиру.

— Уверен, это изображение его украсит.

Сержант

Сержант Ренар распорядился провести испытания бомбарды на пустошах к югу от озера Дервентуотер. Вопреки советам своих английских помощников-канониров он также приказал оставить ствол орудия на деревянной тележке, на которой его доставили в Кесуик. Мишенью для испытательных стрельб служила бревенчатая башенка, наскоро возведенная на берегу озера в четверти мили от огневой позиции.

На первой стрельбе должны были присутствовать Тордрал и сэр Джеральд; Ренар ждал их, но думал, что они будут одни. Вот почему он был весьма удивлен, когда увидел, что вместе с ними приехали четыре монахини. Они сидели в тележке, запряженной парой быков. Быками правил городской священник.

Сэр Джеральд представил прибывших. Три монахини и аббатиса оказались насельницами монастыря, расположенного к северу от Бейсинуотера.

— Мы в нашем уединении прослышали о вашей бомбарде и решили на нее взглянуть, — сказала Ренару аббатиса, трепеща длинными ресницами. — Мы еще никогда не видели ничего подобного!

Француз сразу заметил, что аббатиса молода, хороша собой и отличается не свойственной ее сану жизнерадостностью. Вряд ли такая женщина способна править своим маленьким королевством железной рукой. Скорее всего, решил Ренар, некое многочисленное и богатое семейство решило избавиться от одной из младших дочерей, сделав бедняжку невестой Христовой.

— Бомбарда — страшное оружие, — предупредил он. — Вы уверены, что ваше бедное маленькое сердечко выдержит близкое знакомство со столь грозным устройством?

— Я уже встречалась с грозными и страшными устройствами, — парировала аббатиса. — Ваше орудие меня не испугает.

— «Интересно, что она имеет в виду?» — подумал Ренар, плавный движением руки указывая на массивный бронзовый ствол длиной около трех ярдов, который с помощью толстых стальных полос крепился к тяжелой дубовой колоде, снабженной цельными деревянными колесами.

— Выглядит довольно неуклюже, — сказал он, приподняв

бровь, — но уверяю вас: когда вы увидите это орудие в действии, вы будете потрясены до глубины души.

— Многие механизмы кажутся уродливыми, но служат отменно, — сказала аббатиса, лукаво улыбнувшись французу.

— Две монахини захихикали, третья подозрительно нахмурилась. Пока Ренар объяснял священнику назначение запирающего клина в казенной части бомбарды, монахини продолжали обмениваться шуточками по поводу формы орудия.

— А зачем ваша пушка украшена розами с закрученными стеблями? — спросила аббатиса.

— Они должны напоминать нам, что даже уродство способно сражаться за красоту, — объяснил Джеральд, который как раз начал объяснять гостям принцип действия огнестрельного оружия.

— Зачем вы притащили сюда этих баб?.. — шепотом осведомился Ренар, отозвав Тордрала в сторонку.

— По городу поползли слухи о каком-то волшебном оружии. Люди в Кесуике постоянно слышат мощные взрывы, вот они и решили, будто мы — колдуны, пытающиеся обуздать молнии. Я хочу, чтобы все знали, что на самом деле мы стреляем из самой обычной пушки, которая снаряжается черным порохом и ядрами. Идем, пора начинать испытания...

Они вновь подошли к орудию. Джеральд увлеченно расписывал гостям его достоинства:

— ...Бомбарду привезли к нам из Франции, но сделали ее в Богемии, — говорил он. — Это лучшее оружие, которое только можно достать с помощью взяток и подкупа. Быть может, это даже лучшее оружие в мире!..

— Оно меньше, чем я думала, — разочарованно вздохнула аббатиса.

— Ах, эти женщины, вечно они недовольны размером! — покачал головой Ренар, и две смешливые монахини снова прыснули. — Действительно, — добавил француз, — бомбарды, мечущие каменные ядра, отличаются более толстым и длинным стволом, но это орудие совершенно нового типа. Оно мощнее и отлито с особым тщанием. Наша бомбарда стреляет чугунными ядрами и отличается замечательной точностью.

— При выстреле следует стоять с наветренной стороны, чтобы дым не мешал видеть результаты стрельбы, — вмешался Джеральд, стремясь, в свою очередь, завладеть вниманием аббатисы. — А теперь не угодно ли взглянуть вон туда... Это наша мишень.

— Неужели вы будете стрелять вон в ту башенку на берегу озера? — удивилась аббатиса. — Но она же ужасно далеко!

— Вы совершенно правы, сестра, но не беспокойтесь: для нашей бомбарды такое расстояние — сущий пустяк. Да вы сейчас все увидите... Можете даже сами произвести выстрел, если хотите.

— Конечно, хочу! А как?

— Месье Ренар даст вам копье, на которое насажена пропитанная бараньим жиром горящая ветошь. Когда я скажу: «Пли!», вы должны будете только поднести огонь вон к той кучке пороха у основания трубы.

— Нет, что вы! Я не сумею! — воскликнула аббатиса, сопроводив свои слова жеманным жестом.

— Сумеете. Я вам помогу, если позволите.

— О нет, что вы!.. У меня все равно ничего не выйдет.

— Выйдет, обязательно выйдет. Это же так просто!.. Ренар, дайте копье. Вот... Возьмитесь за древко...

— Я такая неловкая! — рассмеялась аббатиса, едва не уронив копье. — Мне нельзя доверить даже нарезать овощи.

— Я вам помогу, — повторил сэр Джеральд. — А Ренар скомандует.

Его рука легла на древко копья рядом с маленькими ручками аббатисы, и зажженная ветошь повисла в воздухе над затравочным отверстием. Оставалось только поднести к нему огонь, но Ренар, как истинный француз, медлил, давая Джеральду и аббатисе возможность сполна насладиться моментом. Наконец он воскликнул:

— Пли!

Факел опустился, громко зашипел затравочный порох. Потом раздался звук, похожий на мощный удар грома. Полыхнула яркая, как молния, вспышка, и все вокруг заволокло плотным белым дымом, остро пахнущим серой. Аббатиса, взвизгнув от ужаса, повисла на Джеральде, обхватив его шею обеими руками. В следующую секунду порывом ветра дым отнесло в сторону, и все увидели, как какая-то сила словно ножом срезала верхушку башни-мишени, а еще через мгновение в озере довольно далеко от берега поднялся и опал фонтан воды.

Только потом Ренар заметил, что одна из монахинь лежит в глубоком обмороке, а две ее товарки со всей возможной скоростью мчатся по направлению к городу. Священник намного опередил их, но монахини быстро нагоняли. Быки, не разбирая дороги, понеслись прочь прямо через поля, волоча за собой опрокинутую повозку. Спиральные стебли роз, которыми был обвит ствол бомбарды, лишились всех цветков и большей половины листьев, а те, что остались, почернели и скрючились от жара.

— Вот не знал, что быки могут бежать галопом, — заметил Ренар.

— А я не знал, что галопом могут бежать монахини, — отозвался Джеральд.

— А я все-таки попала в эту башенку! — с гордостью сказала аббатиса.

— Отличный выстрел, сестра, — галантно ответил Джеральд.

— Прекратите обниматься, — проворчал Ренар. — Не думаю, что месье священник скоро вернется, но все же...

Рыцарь и аббатиса разжали объятия. Оруженосец Джеральда Уорд сжал правую руку в кулак, левой хлопнул себя по бицепсу и улыбнулся хозяину.

— Что означает этот жест? — осведомилась аббатиса.

— Это... это традиционное поздравление с удачным выстрелом, — смущенно пробормотал рыцарь.

— Принятое среди артиллеристов, — подтвердил Ренар и, скрестив руки на груди, слегка наклонил голову набок.

— Правда? — Аббатиса в точности повторила жест оруженосца. Уорд покраснел, а Ренар спрятал лицо в ладонях.

— Спасибо, сэр, что позволили мне позабавиться с вашим орудием, — сказала аббатиса. — Я чувствовала себя настоящим Зевсом-громовержцем.

— Вы гораздо красивее Зевса, сестра!

— Это было очень любезно с вашей стороны, сэр Джеральд. Могу я чем-то отплатить за вашу доброту?

— Н-нет, то есть наоборот... Конечно же, можете! Видите ли, с тех пор как погибла моя сестра, сад спиральных роз в нашем поместье в Кесуике пришел в некоторое запустение. Мой сенешаль делает все, что в его силах, но он стар, и результаты не такие уж блестящие. Не могли бы ваши монахини за ним поухаживать — за садом, я имею в виду?

Аббатиса задумчиво провела кончиками пальцев по плечу рыцаря.

— Это хорошая идея! А мы с вами могли бы вместе наблюдать за работами. Скажем, из окна какой-нибудь башни или... словом, откуда лучше видно.

И аббатиса занялась последней оставшейся монахиней, пытаясь привести ее в чувство, а Джеральд и Ренар подошли к Тордралу, стоявшему с другой стороны орудия.

— Ну, что скажет мастер-оружейник? — весело поинтересовался рыцарь.

— Он скажет, что вы не только прекрасно стреляете из бомбарды, но и умеете направить беседу в нужное вам русло, — невозмутимо ответил Тордрал.

— Да, сэр, — подтвердил Ренар. — Уж поверьте моему опыту: вид на стропила, которые поддерживают потолок в вашей спальне, интересует эту дамочку куда больше, чем вид из окна.

— Я имел в виду результаты испытания, — отрезал Джеральд.

— Результаты превзошли самые смелые мои ожидания, — серьезно ответил Тордрал. — Только одно мне непонятно... — Он повернулся к французу. — Почему, Ренар, ты не стал снимать бомбарду с колесной тележки?

Ренар слегка приосанился.

— Это наше французское изобретение, мастер. Лучше дать бомбарде немного откатиться назад, чтобы погасить отдачу, чем приковывать ее цепями к палубе корабля. Таким образом снижается нагрузка на деревянные части судна.

— Тогда нам тоже следует поступить подобным образом. Я сейчас же отправлюсь к месту стоянки нашего судна и распоряжусь, чтобы его перегнали на веслах сюда. Установи бомбарду на носу и сделай еще несколько выстрелов, чтобы отточить свое мастерство.

— Как прикажете, мастер.

Когда Тордрал удалился на достаточное расстояние, Джеральд повернулся к Ренару.

— Я хотел кое-что спросить у нашего оружейника насчет «Секиры», но позабыл, — проговорил он небрежно. — Однако, быть может, ты сумеешь утолить мое любопытство.

— Спрашивайте, сэр. Если смогу — отвечу.

— Зачем Тордралу понадобилось строить для бомбарды целый корабль? Разве нельзя вести огонь с земли?

Ренар жестом указал на дальний, северный берег озера.

— Противник следит за нами, сэр. Он что-то подозревает.

— Откуда ты знаешь?

— Прошлой ночью фейри забрали Ивейна.

— Плотника?! Что же, они увели его с собой?

— Не совсем. Утром, вскоре после того, как рассвело, его нашли в лесу довольно далеко от побережья. Он ничего не объяснил, только бормотал что-то об эльфийской леди неописуемой красоты.

— Он был зачарован? — Джеральд невольно сжал кулаки.

— Да, сэр. Фейри умеют это делать, к тому же некоторые люди особенно чувствительны к их чарам. Несомненно, некая эльфийская красавица действительно явилась Ивейну в предрассветных сумерках и пообещала ему вечную молодость, счастливую жизнь в каком-нибудь волшебном дворце — и себя в придачу. Парень почти наверняка выболтал ей все, что знал,

после чего она тут же исчезла, а бедный безумец остался бродить в лесу один.

— Все, что знал... — с горечью повторил Джеральд. — Хотелось бы знать, что именно?

— Ничего важного, я полагаю. Или почти ничего. Вряд ли фейри в состоянии понять, каким образом может угрожать им странный корабль с отверстиями ниже ватерлинии, земляной подушкой для очага, палубой, способной выдержать вес бомбарды, закрученной в спираль розой в горшке и экипажем из двух дюжин жаждущих мести калек.

— Что ж, пожалуй ты прав. Даже мне это мало что говорит.

— В том-то и заключается главная опасность! — прошептал Ренар, заговорщически понизив голос. — Фейри ничего не поняли, значит, они вернутся.

— Кажется, я уловил твою мысль. И все-таки почему — корабль?

— Пока «Секира» движется туда-сюда по озеру, мы можем скрывать нашу работу от чужих глаз. Дервентуотер для этого достаточно велик.

— Разве работа еще не завершена?

— Мастер Тордрал закончил изготовление деталей, необходимых для того, чтобы стрелять из бомбарды при помощи пара. Осталось собрать сам механизм и как следует его отладить. Как раз над этим мы сейчас работаем.

Джеральд кивнул и стал собираться назад в Кесуик, оставив оруженосца в распоряжении сержанта. Ренар и Уорд долго смотрели рыцарю вслед, потом француз тихонько вздохнул.

— Он улыбается и шутит с дамами. Приятно видеть его счастливым.

— Как раз это меня и тревожит, — возразил Уорд. — Счастливые люди не способны думать о мести. Или, точнее, не способны тратить золото на осуществление своих мстительных планов.

— Ты предпочел бы видеть его несчастным? Искалеченным, израненным, как эти скрюченные розы?

— Конечно, нет, но... но ведь он нам нужен. Не будет Джеральда — не будет и золота.

— Мы солгали ему, пообещав построить паровую бомбарду. Когда Джеральд об этом узнает, — а он узнает, и довольно скоро, — поток денег все равно иссякнет.

— И что нам тогда делать? Неужели мы проиграли?

— Нет, мой друг, Детали уже изготовлены. Чтобы собрать механизм, нам нужно не золото, а только немного смекалки. Почему бы нам, в таком случае, не оставить сэра Джеральда в

покое? Пусть радуется жизни.

— Если механизм не заработает, на изготовление новых деталей снова понадобятся деньги.

— Не стоит беспокоиться об этом сейчас. Подумаем об этом позже.

Часовщик

Часовых дел мастер Гай был известен далеко за пределами Кесуика. Епископы, священники, лорды и пэры частенько посылали за ним с просьбой построить или починить городские часы, служившие предметом гордости целых городов, поэтому Гай мог позволить себе держаться независимо. Тордрал был одним из немногих, к чьему мнению часовщик прислушивался, однако самолюбие не позволяло ему безоговорочно подчиняться приказам такого же ремесленника, каким был он сам. Вот почему часовщик продолжал всюду ходить один, хотя Тордрал и распорядился, чтобы работавшие с ним мастеровые держались Парами.

Этим вечером у Гая было что сообщить Тордралу. Война началась, хотя противник об этом еще не подозревал. Мастер-оружейник, насколько было известно Гаю, ночевал в небольшой хижине неподалеку от амбара, где экспериментировал с котлами и трубами кузнец Джон. Сквозь щели в стенах хижины часовщику был хорошо виден свет горящей внутри лампы. Несомненно, Тордрал был дома и, скорее всего, не спал. Гай уже поднял руку, чтобы постучаться, как вдруг почувствовал у горла лезвие кинжала.

— М-мастер?.. — испуганно пробормотал часовщик.

— Почему ты один? — сердито спросил Тордрал.

— Я...

— Не смей нарушать мои приказы! Если я сказал, чтобы мои люди всюду ходили по двое, значит, нужно ходить по двое, и никак иначе.

— Хорошо, мастер, но ведь ты... ты же работаешь один!

— Только потому, что я неуязвим для чар фейри, — с легкой насмешкой сказал Тордрал, опуская кинжал. — Что касается тебя, то эльфийским владыкам хорошо известно, каковы твои самые уязвимые места. Со мной им не справиться, ведь я — скрученная в спираль роза, и мой стебель тверд, как дерево, и покрыт острыми шипами. Фейри боятся связываться со мной, поэтому охотятся за моими людьми. Ивейн был первым. Ты можешь стать следующим.

Гай кивнул.

— Примите мои искренние извинения, мастер.

— Так-то лучше, — кивнул Тордрал. — А теперь скажи, что привело тебя ко мне в столь поздний час?

— Мост через Дервент горит. Огонь виден даже от...

— Это сигнал! — воскликнул Тордрал. — Я так и думал! Ведь сегодня канун древнего Праздника урожая!

— С этими словами он распахнул дверь хижины и, ворвавшись внутрь, швырнул об стену горевшую на столе масляную лампу. Яркие языки пламени тотчас взметнулись до потолка, охватив соломенную крышу, и Гай невольно попятился.

— Что все это значит, мастер Тордрал? — спросил он, когда оба они быстрым шагом двинулись к озеру.

— Это значит, что наш тайный союзник поджег мост, заперев эльфийского лорда в нашем мире.

— Как это может быть? — удивился механик.

— Эльфийский лорд может вернуться в свою страну только через портал, с помощью которого он попал к нам. Нашему мосту соответствует точно такой же мост в Стране Фейри. Сожги один, и другой будет бесполезен. И тем не менее надо спешить — времени у нас совсем мало.

— Но ведь «Секира» еще не готова вступить в бой. Механизм...

— Эльф, который проник в наш мир, способен заколдовать жителей Кесуика и заставить их напасть на нас. Нужно как можно скорее отвести «Секиру» в безопасное место.

Меньше чем через четверть часа корабль отошел от берега. Позади весело пылала старая хижина и занявшийся от нее амбар. Несмотря на то, что за весла взялась почти вся команда, «Секира» двигалась медленно. Тордрал воспользовался этим, чтобы рассказать непосвященным, что же на самом деле представляет собой его судно и куда оно направляется.

— На озере есть несколько островов, — закончил он свою небольшую речь. — «Секира» встанет на якорь, только когда мы доберемся до одного из них.

— Но, мастер, — возразил кто-то, — наше судно имеет целых двадцать ярдов в длину. На озере протяженностью в три мили его довольно скоро обнаружат!

— Не беда. Для нас главное — отыграть у Госпожи Фортуны еще немного времени.

Почти одновременно с этими словами далеко на северо-востоке что-то вспыхнуло, в ночное небо взметнулся столб огня, а еще через несколько мгновений до слуха гребцов донесся грохот взрыва, долго отдававшийся в холмах.

— Эта бочка с порохом, которая там взорвалась, никого не обманет, — проворчал Уорд. — Кто поверит, что у нас произошло ужасное несчастье, если в развалинах нет ни одного трупа? Да и «Секиру» примутся искать.

— Будем надеяться, наши враги подумают, что «Секира» затонула вместе со всем экипажем, — сказал Тордрал. — Не забывайте: каждая выигранная секунда дает нам время для дополнительных испытаний.

Гай насупился — он только сейчас осознал всю сложность стоящей перед ними задачи.

— По моим расчетам, — проворчал он, налегая на весло, — нам предстоит испытать еще восемьдесят шесть вариантов регулировки рычагов. До сих пор на проверку каждого варианта у нас уходил час, следовательно, работы осталось чуть меньше чем на неделю. Хватит ли у нас продовольствия, чтобы продержаться столько времени?

— Возможно... Сержант Ренар, мы уже удалились от берега на расстояние выстрела из лука?

— Думаю, да, — отозвался француз, занявший наблюдательный пост на носу.

— Команда, суши весла! Хранитель пара, зажечь топки главного и пародувного котлов и перекрыть паровые заслонки. Остальным — привести в порядок и как следует закрепить инструменты, багаж, провизию. Сержант, приведите бомбарду в полную боевую готовность. Мег, достань из рубки горшок с розой и установи на подставку.

— Уже сделано, мастер!

Примерно через час из паровых заслонок начал со свистом выходить пар. Это означало, что главный котел готов к работе, и Тордрал, стоявший у руля, отдал новую команду:

— Регулировщики правого и левого борта; приготовиться! Хранитель пара, как дела?

— Ходовой котел под давлением, мастер.

— Регулировщик правого борта, начинай! — крикнул Тордрал. — Р-раз!

— Заслонка правого борта закрыта, — отозвался правый регулировщик. — Правая паровая заслонка открыта.

— Заслонка левого борта открыта, — тотчас донесся голос второго регулировщика.

«Они изобрели новое заклинание, — подумал Гай. — Заклинание, которое относится к новой магии, магии металла».

«Секира» ощутимо вздрогнула и тронулась с места, постепенно набирая ход по мере того, как пар из котла, пущенный в проходящую вдоль корпуса правую трубу, вытеснял

воду по направлению к корме. Через несколько секунд сзади послышалось громкое «Пу-ф-ф!», вода за кормой забурлила, и над ней поднялось кудрявое облачко пара.

— Два! — рявкнул Тордрал. По его команде регулировщики левого и правого бортов поменяли положение заслонок. Пока правая труба наполнялась, пар, словно поршень, выбросил из левой трубы новую порцию воды.

— Хранитель пара, держи ритм! — приказал Тордрал.

— Не слишком ли мы поторопились? — поинтересовался Гай, приближаясь к оружейнику. — Ведь вода в главном котле еще не закипела. На сколько хватит пара в пародувном котле?

— На две с половиной мили, — ответил Тордрал. — Может, чуть больше. Только после этого придется добавлять в него кипяток из большого котла.

— Гармония четырех стихий рождает движение! — мечтательно вздохнул Ренар. — Уму непостижимо!

— Пусть все мы здесь калеки, как те розы, но головы у нас работают отменно, — отозвался Тордрал. — Наш паровой водомет оказался стократ эффективнее, чем установленный на моей первой модели примитивный движитель, толкавший лодку при помощи струи пара. Насколько я знаю, за всю историю мира еще ни одно судно не приводилось в движение подобным устройством. Я уверен, что «Секира» способна доставить нас в Страну Фейри... А кроме того, у нас есть бомбарда.

— Но почему мы не открылись сэру Джеральду? — поинтересовался Гай. — Я думаю, ему не помешало бы знать о нашем изобретении.

— Сэр Джеральд был одним из многих, кому мы лгали... вынужденно лгали. До сегодняшнего вечера из всех людей, участвовавших в работах, правду знали только шесть моих ближайших помощников, проводивших испытания.

— Но сэр Джеральд...

— Мы обманывали друзей, чтобы наши враги не узнали всей правды. Я был уверен: фейри попытаются заманить сэра Джеральда в ловушку, зачаровать и заколдовать его. Но вместо рыцаря первым стал Ивейн. Думаю, он рассказал фейри немало ерунды о могучей паровой бомбарде, так что в конце концов они решили, будто мы — безвредные чудаки. — Тордрал усмехнулся. — Да, каждый из нас в той или иной степени изуродован волшебством фейри, но безвредны ли мы? Нет, если только мы сумеем заставить сердце «Секиры» биться самостоятельно, без помощи людей, открывающих и закрывающих заслонки.

— Но зачем это нужно? — удивился Гай. — По-моему, регулировщики прекрасно справляются со своей работой.

— Люди уязвимы для чар фейри, Гай. Как известно, сразу за порталом, ведущим в Страну Фейри, лежит широкая полоса мертвого пространства. И Ренар, и Джон видели ее, когда возвращались в наш мир. Попав в это странное место, человек слабеет, если только фейри не помогают ему своим волшебством. То же самое произойдет и с нами. А коли все мы будем лежать, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой, «Секира» очень скоро потеряет ход и остановится. Чтобы этого не случилось, наш ходовой котел должен работать без участия человека.

— Ты сказал: «Секира» остановится, — спросил из темноты Грейс. — А что будет потом?

— Ничего. Мы просто застрянем между мирами. В конце концов мы все, вероятно, умрем от голода.

— Мне это не нравится! — заявил Грейс, непременный участник и зачинатель большинства побоищ, происходивших в городских тавернах. — Лучше умереть, сражаясь!

— Никто из нас не умрет, — вздохнул Тордрал. — Если нам не удастся сделать так, чтобы «Секира» двигалась самостоятельно, мы просто не станем штурмовать портал.

— В таком случае сэр Джеральд убьет нас, обнаружив обман.

— О, нет, это маловероятно. Я приготовил для сэра Джеральда один трюк, который должен его отвлечь. Но хватит о мрачном... Нам нужно сделать так, чтобы железное сердце нашей красавицы застучало как живое. Гай, растолкуй новичкам суть проблемы. Что касается остальных: у кого какие предложения?

— Когда давление пара в трубе падает, паровая заслонка опускается под действием собственного веса. Но этого недостаточно, чтобы она могла привести в действие систему рычагов, которые поворачивали бы две водяные заслонки и паровую заслонку противоположного борта. Таким образом, без регулировщиков мы не можем передавать движение с левого борта на правый и обратно.

— На мой взгляд, для этого много силы не нужно, — заметил Ренар. — Разве никогда не было так, что заслонки открывались и закрывались сами по себе?

— Было однажды, — согласился Тордрал. — Когда мы повесили на рычаги дополнительный груз, они сумели повернуть заслонки за счет инерции большего веса.

— К сожалению, — добавил Гай, — скорость движения отягощенных рычагов существенно замедляется. Мы проверяли это несколько раз. Из-за этого временной интервал между тактами пародувного котла Может увеличиться примерно на одну пятую обычного периода. Казалось бы, немного, однако этого хватит, чтобы «Секира» остановилась.

Некоторое время все молчали. В тишине были слышны только лязг металла да шипение пара, раздававшееся всякий раз, когда за кормой вставал водяной бурун. Железное сердце «Секиры» исправно работало, но, увы, только при помощи двух регулировщиков, которые поочередно открывали и закрывали заслонки правого и левого бортов.

— Что-то я ничего не понял, — проговорил наконец Ренар. — Может, кто-нибудь объяснит старому и глупому французскому сержанту, который не разбирается ни в чем, кроме своих пушек, что, собственно, вас смущает?

— Ни в чем, кроме пушек, а также английского эля, английских женщин, английской... — начал перечислять Уорд, но Тордрал знаком велел ему замолчать.

— Пусть Ренар говорит, — сказал он устало.

— Почему, — спросил француз, — лодка не останавливается в тот момент, когда гребцы заканчивают гребок и делают замах для следующего?

— Потому что в этот момент лодка движется по инерции.

— Почему же тогда «Секира» непременно должна остановиться сразу после выброса воды из трубы движителя?

— Потому что... — Тордрал не договорил. Гай озадаченно почесал в затылке. Обоим вдруг стало ясно: они упустили что-то очень важное.

— Будь я проклят, — негромко проговорил оружейник после паузы. — Мы могли заставить сердце «Секиры» биться еще полтора месяца назад. Теперь мне это очевидно как... как...

— Как то, что от Ренара постоянно разит чесноком, — вставил Уорд.

— Вы, англичане, жрете свечное сало, а еще беретесь критиковать французов, которые, как известно, лучшие повара в мире, — парировал Ренар.

— Тихо! — прикрикнул Тордрал. — Гай, возьми лампу и смотри, как я привязываю свинцовый груз к рычагу правой заслонки. А теперь, будь добр, сделай то же самое с левого борта.

— А к водяным заслонкам прикрепить дополнительный груз?

— Они слишком большие, а я не захватил с собой достаточно свинца.

— У меня есть два мешка железного лома, может, они подойдут?

— Попытка не пытка, попробуй.

Вскоре все четыре груза были надлежащим образом закреплены, и Тордрал поднял руку, готовясь отдать команду, но в последнее мгновение заколебался. Он не был уверен, что система заработает, и стремился хоть ненамного отдалить

неизбежное разочарование. Заслонки с обоих бортов зашипели, с трудом сдерживая напор пара.

— Пар есть, мастер, — подсказал Гай.

— Тогда... тогда давайте попробуем еще раз совершить невозможное. Регулировщики — по местам! Грейс, ты готов?

— Да, мастер.

— Правый регулировщик — закрыть водяную заслонку.

— Готово.

— Левый регулировщик — водяную заслонку открыть, паровую — закрыть!

— Левый борт докладывает: водяная заслонка открыта, пар перекрыт.

— Отлично. Левый регулировщик — отойти от заслонок. Правый регулировщик — пускай пар.

— Правая паровая заслонка открыта, мастер.

— Правый регулировщик — в сторону. Береги руки!

«Вот еще одно заклинание новой магии, которое родилось на моих глазах. Тордрал и его люди не вычитали его в старинной книге, а создали сами, создали методом проб и ошибок», — подумал Гай, прислушиваясь к шипению пара, который начал поступать в правую трубу водомета.

— «Секира» движется, — доложил Ренар.

— Ну же, красавица, постарайся!.. — вполголоса прошептал Тордрал и, молитвенно сложив руки, опустился на колени прямо на палубу. В этот момент ему было все равно, что подумают остальные.

— Подари мне твой цветок, о Спиральная Роза! — произнес Ренар таким тоном, словно уговаривал любовницу раздеться.

Пар полностью вытеснил воду из правой трубы и с бульканьем вырвался наружу. Давление в трубе упало, и паровая заслонка опустилась, закрываясь и приводя в действие присоединенный к ней рычаг-коромысло. Рычаг начал поворачиваться. Он двигался так медленно, что «Секира» начала ощутимо терять ход, однако прежде чем судно успело остановиться, рычаг откинул стопор левой паровой заслонки, одновременно закрыв водяной клапан. Теперь пар выталкивал воду из левой трубы, пока новая ее порция поступала в правую. За кормой снова забурлило, и рычаг величественно качнулся в обратную сторону, перекрывая подачу пара слева и открывая ее справа.

— Регулировщики! — негромко позвал Тордрал. — Кто-нибудь из вас прикасался к заслонкам?

— Я — нет, мастер, — донеслось с правого борта.

— А я так вообще держал руки за спиной, — откликнулся

левый регулировщик.

— Кажется, работает! — выдохнул Тордрал. — Бог и все святые, работает!.. Сердце из железа, вода вместо крови, пар — дыхание, и огненная душа! Наша леди «Секира» не живая, но она живет! Во всяком случае, я слышу, как стучит ее сердце!

— Но с каждым его ударом «Секира» немного теряет ход, — вмешался Гай. — Наша система не совершенна. Нам нужно...

— В мире вообще нет совершенства, мой друг, — перебил его Тордрал, поднимаясь на ноги. — У тебя не хватает половины зубов, Уорд проклинает свой геморрой каждый раз, когда идет в туалет, я вижу хуже крота, а спиральная роза, которую мы избрали своим знаменем, выглядит как жертва инквизиции. И все же мы живы, и это главное. Остальное не имеет значения. — Тордрал слегка откашлялся и добавил уже совсем другим тоном: — Регулировщики поступают в распоряжение начальника лучников и канониров. Как только начнет светать, мы двинемся в Страну Фейри.

Стрелок

Небо на востоке только-только начало светлеть, а «Секира» уже шла на север, уверенно рассекая темные воды озера Дервентуотер. От ее носа бежали по водной глади легкие волны, а сзади тянулся шлейф дыма и искр.

— До конца озера четверть мили, — доложил Ренар.

— Портал близко, — сказал Тордрал. — Пусть все сядут на палубу чтобы не упасть. Сержант, что у тебя?

— Бомбарда заряжена, фитили зажжены.

— Старший стрелок Уорд?..

— Шестеро огнестрельщиков с ручницами готовы, запасное оружие заряжено, фитили горят. Четверо лучников могут начать стрелять в любую минуту.

— Хранитель пара?

— Все в порядке, мастер, — отозвался из рубки Грейс. — Лил и Джоан только что подбросили новую порцию дров в топки.

— Пороховой погреб?

— Две зарядных каморы для бомбарды снаряжены, — пробасил Мег. — Энн и Мэри готовы перезаряжать ручницы по мере надобности.

Уорд тем временем уселся на палубу, положив меч на колени. Как ни странно, он не испытывал страха, хотя они и пытались сделать то, чего никто до них еще никогда не делал. Впереди ждала неизвестность, но Уорд был уверен: мастер-

оружейник и «Секира» позаботятся и о нем, и обо всех остальных. «Тордрал — скрученный стебель, — думал он, — а «Секира» — выросший на нем цветок».

— Слушайте! — крикнул тем временем Тордрал, и все головы повернулись к нему. — Нам предстоит вступить в схватку с целым миром, и должен сказать откровенно, что это будет нелегкая битва. Я уверен в вас, но можете ли вы доверять мне, если ни один из вас ни разу не видел моего лица? Чтобы исключить все сомнения, я намерен впервые за семь лет поднять забрало своего шлема.

— Мы видели ваши дела, мастер, нам этого достаточно! — возразил Уорд, но Тордрал упрямо покачал головой и взялся за шлем. В следующее мгновение все, кто был на палубе, увидели лицо мастера. Оно было бледным, худым и... странно знакомым.

— Бог мой, это же сэр Джеральд! — воскликнул Грейс, всматриваясь сквозь сумерки в тонкие, почти скульптурные черты.

— Сэр Джеральд никогда не был таким красивым, — уверенно возразил Ренар. — Я француз, и я подозревал... Только родная сестра могла так ловко сыграть на чувствах нашего уважаемого рыцаря.

Несколько мгновений никто не произносил ни слова, только мерно стучало железное сердце «Секиры».

— Да, я — Мейлиен, — произнес оружейник. — Все семь лет, пока я жила в монастыре, я оставалась только сестрой Джеральда и могла рассчитывать лишь на сочувствие и жалость. Тогда я скрыла свое тело под кольчугой, спрятала лицо под забралом и превратилась в Тордрала. Это он собрал вас здесь и построил чудо-корабль. Как видите, все готово, чтобы нанести ответный удар, но если кто-нибудь из вас не хочет, чтобы им командовала женщина, тот пусть прыгает за борт и плывет к берегу... пока еще есть время.

— Женщины умеют прекрасно командовать, — сказал Ренар. — Я сражался в войске Жанны Армуазской[3]

— И наверняка пытался за ней приударить в промежутках между сражениями, — ухмыльнулся Уорд. — Я с вами, госпожа Мейлиен.

— Одна вы способны завоевать половину нашего мира, — подал голос Грейс. — Но чтобы выстоять против мира фейри, вам понадобится кое-какая помощь. — Он усмехнулся. — Кроме того, я уже стар, а вода очень холодна.

Еще несколько мгновений все молчали, испытующе глядя друг на друга, потом Уорд сказал:

— Никто не хочет прыгать, госпожа.

— Река! Я вижу ее!— крикнул Ренар.

— Внимание всем! — воскликнул Тордрал-Мейлиен. — Порталы или врата, ведущие в Страну Фейри, чаще всего находятся в пограничных местах. Рубеж, где озеро Дервентуотер переходит в реку Дервент, как раз является одним из таких мест, а предрассветные сумерки — единственно возможное время для перехода из одного мира в другой.

— Река кажется мне довольно узкой, — заметил Ренар.

— Я измерил русло, «Секира» пройдет, — уверенно отозвался Тордрал. — Помните, как только портал будет пройден, силы нас покинут. Ни один смертный, если только он не защищен магией фейри, не может бороться с этим параличом, но у нас есть нечто получше, чем амулеты и заклинания. У нашей «Секиры» железные мускулы и стальное сердце. Она неподвластна чарам фейри и сумеет доставить нас на ту сторону.

— Тридцать шагов до устья! — подал голос Ренар.

— Всем сесть на палубу, руль закрепить цепью,— приказал Тордрал. — Оружие держите под рукой — оно нам понадобится. Ну!..

Прошло несколько томительных секунд. В момент, когда «Секира» покинула озеро и вошла в устье реки, вокруг нее вспыхнуло лиловое сияние, а воздух завибрировал от пронзительного, терзающего душу воя, в котором смешались ярость и страх. Колыхались мерцающие полотнища; натягивались и рвались, рассыпая снопы серебряных и голубых искр, похожие на чудовищную паутину сети; вой поднялся до визга и вдруг стих, оборвавшись на самой высокой ноте.

— Кто не имеет глаз, но видит всю премудрость земли? — донесся откуда-то издалека громоподобный голос. — Назовите мое имя и проходите! Умрите, если моя загадка вам не по плечу!

Дзынь-звяк. Чуф-ф. Дзын-нь. Таков был ответ «Секиры». Гигантская когтистая лапа, способная поднять дом, протянулась к кораблю из пустоты, но, не коснувшись рубки, рассыпалась в прах, словно источенное червями дерево. Разочарованное рычание прокатилось над палубой и стихло в отдалении. Уорда обдало потоком воздуха, такого холодного, что, казалось, при каждом вдохе в его легкие и гортань вонзаются ледяные иглы. Стиснув зубы, стрелок начал считать про себя удары сердца «Секиры» — единственные звуки, с которыми он связывал в эти минуты свою надежду. Десять... Одиннадцать... Двенадцать... В воде по правому борту промелькнул какой-то предмет, и ему показалось, что он узнал игрушечную лодку Тордрала с раскорячившейся над ней закопченной фигурой собаки. Очевидно, запас пара в ней иссяк, и игрушка так и застряла здесь,

в мертвом пространстве между мирами.

Странное сияние на какое-то время сменилось непроницаемой мглой, в которой нельзя было разглядеть даже собственных пальцев. Потом у бортов «Секиры» заплескались тускло мерцающие волны, из которых одно за другим возникали толстые, как бревна, щупальца. В мгновение ока они обвились вокруг «Секиры», но тут же отдернулись, не причинив судну никакого вреда. Железное сердце корабля продолжало стучать, как прежде, — Уорд насчитал уже двадцать пять ударов, а шипение пара за кормой свидетельствовало, что топки горят по-прежнему жарко.

Откуда-то появились водяные духи. Они целовали Уорда в губы, ласкали его щеки обнаженными грудями, и он подумал — они хотят зачаровать его своей красотой. Он едва не испугался, но вспомнил: любое колдовство требует времени, а как раз его-то у фейри не было. Их наскоро сотканные из магических флюидов тела были почти прозрачны, а духи, что вились возле горшка со спиральной розой, и вовсе напоминали клыкастых нетопырей.

Уорд насчитал сорок семь ударов — и тут «Секира» неожиданно преодолела портал. После сумрака мертвого пространства даже неверный свет раннего утра показался глазам Уорда чересчур ярким.

— Команда, по местам! — приказал Тордрал, торопливо разматывая удерживавшую руль цепь.

— Истопники, к топкам! — воззвал Грейс, — Пора подбросить дровишек.

— Прямо по курсу — мост! — крикнул Ренар, снова занявший свой пост на носу. — Мост с лучниками!

— Уничтожь его! Разбей в щепы! — скомандовал мастер-оружейник.

— Эй там, у бомбарды! Опустить ствол на три пальца! Вот так, хорошо...

— Хотел бы я знать, как фейри успели так быстро сюда добраться? — поинтересовался Уорд.

— На мосту свой гарнизон, — отозвался Ренар. — Я видел, когда меня возвращали в наш мир.

— И ты говоришь нам об этом только сейчас?

— Если бы я сказал раньше, ты, того и гляди, испугался бы и прыгнул за борт!

Уорд нахмурился, пытаясь оценить положение. Мост представлял собой длинную, изящно изогнутую каменную арку, протянувшуюся от берега до берега. Наверху стояли наготове высокие, стройные лучники и какие-то коренастые, приземистые существа, каждое из которых держало над головой камень

размером со снаряд фрондиболы[4]. Между ними сновали карлики ростом не выше ребенка. В руках у них были деревянные ведерки с кипящей смолой и маслом.

«Эльфы, — подумал Уорд. — Эльфы, тролли и гоблины».

— Пока мост стоит, мы не сможем пройти дальше, Ренар! — крикнул Тордрал. — Уничтожь мост!

— Ничего не выйдет, — прокричал в ответ француз. — Ствол бомбарды больше не опускается. Надо подойти ближе — ярдов на пятнадцать—двадцать.

— Ты соображаешь, что говоришь, лягушатник? С пятнадцати ярдов божественные эльфы смогут на нас помочиться! — заорал Уорд.

— А что ты предлагаешь, любитель овец?

— Я?.. Я предлагаю показать им, что даже искалеченная роза способна больно уколоть. Огнестрельщики и лучники, построиться в боевой порядок! Приготовиться! — Уорд взмахнул мечом. — Первая шеренга!.. Залпом!.. Пли!

Шесть ручниц осыпали защитников моста градом картечи. На расстоянии около двухсот ярдов они вряд ли могли кого-нибудь убить, но острые железные обломки, вонзаясь в кожу фейри, жгли их, как кислота. На мосту мгновенно воцарился хаос.

— Ко второму за-алпу!.. Товьсь!..

По команде Уорда стрелки схватили запасные ручницы и прицелились.

— Огонь!

На этот раз один из троллей выронил свой камень, а несколько гоблинов с визгом бросились прочь.

— Лучники, пли! — скомандовал Уорд своим четырем стрелкам, когда в воздухе запели эльфийские стрелы. — Огнестрельщики, ложись! Не мешайте своим!

Уорду не раз приходилось слышать о легендарной меткости эльфийских лучников, но сейчас большинство их стрел падало в воду рядом с «Секирой». Только две стрелы со стуком воткнулись в палубу, а третья угодила в горшок со спиральной розой.

— Бей их, братцы! Еще раз — пли! Цельсь лучше — до них уже меньше сотни ярдов! Пли!

— Ручницы заряжены, — доложил Мег.

— Огнестрельщики, цельсь! Пли!

Третий залп окончательно деморализовал гоблинов и заставил их разбежаться, хотя некоторые все же успели вылить свое масло в воду на пути «Секиры». Пятерка троллей, вооруженных огромными камнями, осталась на позициях. Эльфы, прячась за парапетом моста, продолжали стрелять, но вразнобой — очевидно, у них начинали сдавать нервы:

— Лучники, огонь! — приказал Уорд. — Огнестрельщики, ложись. Мег, перезаряжай!

— Истопники, помогите зарядить ручницы, — подал голос Грейс.

— Всем отойти от бомбарды! — проревел Ренар. — И подальше, если жить хотите! Джон, где твой фитиль?

— Здесь, сержант.

— Огонь!

Пятидюймовое чугунное ядро, вылетев из ствола бомбарды, ударило точно в замковый камень моста. Камень разлетелся на мелкие осколки, поскольку был выбран не за крепость, а за красоту и причудливый цвет. Потеряв опору, обе половинки длинной, изящно изогнутой арки подались навстречу друг другу, а потом обрушились в воду, подняв тучи брызг, окативших палубу, словно яростный весенний дождь. «Секира» покачнулась на волне, но устояла.

— Одиночный огонь! — скомандовал Уорд, когда «Секира» проходила между уцелевших оснований моста, но враги либо бежали, либо торопливо плыли к берегу, не помышляя об обороне.

— Уорд, наблюдай! — крикнул Ренар и вместе с помощниками бросился перезаряжать бомбарду.

Уорд перешел на нос. Пейзаж, расстилавшийся впереди, был ему совершенно незнаком. Он не увидел ни холмов, ни заливных лугов, которые в мире людей пролегали между Дервентуотером и Бейсинуотером. Река, по которой плыла «Секира», впадала в мелкое, спокойное море, тянувшееся, казалось, до самого горизонта. На востоке вставало солнце, и предрассветные сумерки быстро таяли. Чуть дальше по течению стрелок разглядел три стоящие на якорях парусные шхуны. За ними, примерно в четверти мили от берега, высился на склоне лесистого холма прекрасный дворец. Он был до половины скрыт утренним туманом, Над которым торчали только его изящные разноцветные башни. Свет утреннего солнца играл на их стенах и посеребренных шпилях, но Уорду это сверкание показалось неестественно ярким. Что ж, этого следовало ожидать — ведь они были в Стране Фейри.

Хранительница

Поднявшись на башню, меньше других пострадавшую от обстрела, Хранительница бросила взгляд в сторону моря. Мачты одного из эльфийских кораблей еще виднелись над водой, но

остальные два затонули на более глубоком месте. Странное судно, вторгшееся в Страну Фейри из мира людей, остановилось прямо напротив замка. Оно не двигалось, но от него поднимался в небо столб густого черного дыма. Спущенный с судна ялик быстро шел на веслах к берегу.

— Как такой маленький кораблик смог причинить столь большие разрушения? — спросила Хранительница у одного из своих рыцарей.

— Мы осыпали его стрелами, но только малая часть их попала в цель, госпожа, — ответил тот. — Даже заколдованные стрелы отклоняются в сторону вблизи этого... этой штуки.

— Это она уничтожила мост Уилвир?

— Одним выстрелом, госпожа.

— А где Дарвендиор?

— Когда я разговаривал с хранителем моста, госпожа, Дарвендиор еще не вернулся из Земелии.

— Что ж, в Земелии ему ничто не грозит... пока. Главная опасность — здесь. Чужое судно потопило три наших корабля, метнув всего пять молний. Еще три молнии разрушили башни Гламориада с расстояния больше полумили. Кто эти люди? Откуда они взялись?

Ялик тем временем достиг берега. Из него вышли пятеро и встали на песке в ожидании.

— Мне кажется, они хотят, чтобы мы вышли к ним, — подсказал рыцарь.

— Не мне, Хранительнице, оказывать почести простым смертным!

— Это не простые смертные, госпожа, это смертные-победители...

Вместе они спустились с башни, чтобы отправиться навстречу пришельцам, которые так и не отошли от воды. Хранительница сразу заметила, что предводитель людей облачен в кольчугу и остроконечный шлем. Забрало шлема было опущено, но в нем виднелись треугольные прорези для глаз.

— Кто ты, железный колдун? — спросила Хранительница. — Я ожидала увидеть здесь самого сэра Джеральда, а не одного из его прихлебателей.

— Леди Мейлиен Эшдейлская, — представился Тордрал, поднимая забрало шлема. Под ним Хранительница увидела тонкое, как у эльфов, лицо и глаза с большими черными зрачками. — И можете не кланяться.

— Сестра Джеральда?!..

— Прошу прощения, но я вынуждена опустить забрало, — сказала Мейлиен. — В него встроены стеклянные линзы. Только с

их помощью я способна разглядеть что-либо на расстоянии свыше двух шагов.

Усилием воли Хранительница попыталась сохранить самообладание.

— Ответь на три моих вопроса, и я...

— Хватит! — Мейлиен подняла руку. — Только попробуй задать хоть один вопрос — я тут же дам сигнал моим людям. А как только я дам сигнал, мой сержант снова начнет обстреливать ваш дворец. Его зовут Ренар, мадам. Думаю, вы хорошо помните это имя.

— Ренар? Эта грязная свинья?..

— Он доставил вам неприятности? Приятно слышать.

— Я не собираюсь говорить о нем, — пробормотала Хранительница. — Изложите вашу просьбу.

— Не просьбу, мадам, требование! Четырнадцать лет назад прекрасный незнакомец явился мне в моем собственном саду. Мой брат был заколдован и не смог прийти ко мне на помощь. Незнакомец пытался ухаживать за мной, он сулил мне бесконечное наслаждение, но я ответила, что предпочитаю книги самым изысканным любовным ласкам. Тогда он отомстил. Незнакомец проклял мои глаза, так что с тех пор я не видела ничего, кроме книг, да и те приходилось держать очень близко.

Хранительница судорожно сглотнула, но почти сразу взяла себя в руки.

— Эльфийские вельможи горды. А некоторые к тому же весьма жестоки.

— Верни мне зрение!

Хранительница не привыкла выслушивать требования, да еще высказанные столь дерзким тоном. Сначала она хотела рассердиться, потом — рассмеяться, потом — просто улыбнуться, но передумала. Ни то, ни другое, ни третье не казалось ей уместным или — коли на то пошло — безопасным.

— Я не могу этого сделать, — призналась Хранительница.

— Если «не могу» на самом деле означает «не хочу»...

— Нет-нет, я действительно не могу, клянусь! Я... я сейчас все объясню. Вы избрали своим знаменем розу, стебель который закручен в спираль. Чтобы получить такой цветок, нужно взять молодое, гибкое растение и обвить вокруг палки или шеста. Через несколько месяцев шест можно убрать, за это время стебель успеет одеревенеть и приобрести спиральную форму.

— И распрямить его невозможно?

— Нет.

— Позади меня стоит человек по имени Ивейн. Вы показали ему какую-то эльфийскую красотку, и он подпал под ваши чары...

— Это произошло пару недель назад, так что его еще можно вылечить, — сказала Хранительница. Отчего-то ей вдруг стало трудно дышать, но она очень хотела сообщить Мейлиен хоть какие-то хорошие новости. — Отведите его во дворец. Мои маги...

— Значит, это твоих рук дело?

Хранительница опустила голову.

— Ваши люди строили странные машины. Я посчитала необходимым проследить...

— Пусть твои колдуны сами придут сюда.

— Зачем?

— Затем, чтобы Ивейн не оказался заложником в твоем замке.

— Вы намерены разрушить мой дворец?

— Нет. То, что я хотела, я уже получила.

— Но твое зрение...

— Эту проблему я решила. — Мейлиен прикоснулась к встроенным в забрало шлема линзам. — Куда сильнее, чем вернуть здоровые глаза, я хотела отомстить, и вот моя мечта сбылась. Эльфийский лорд, который искалечил меня, заперт сейчас в нашем мире.

— Дарвендиор мой брат! — выкрикнула Хранительница.

— Наконец-то!.. — Мейлиен усмехнулась. — Наконец-то мы услышали слово правды, хотя для этого нам пришлось постараться... Так вот, чем дольше твой брат пробудет в нашем мире, тем сильнее он успеет состариться. Мои глаза за его бессмертие — по-моему, неплохой обмен. Справедливый обмен! Лет через семьдесят, когда мы отсюда уйдем, он вернется старым, лысым, беззубым, слюнявым идиотом, если, конечно, не умрет раньше. Мой брат, видите ли, недолюбливает эльфов. Он не даст вашему Дарвендиору ни минуты покоя и в конце концов обязательно его настигнет.

— Я восстановлю мост Уилвир!

— Не поможет. Я уничтожила его и в нашем мире.

— Тогда я проникну в Земелию через другой портал!

— Попробуйте. Ничего не выйдет.

— Не выйдет? Это почему же?..

— Вы плохо знакомы с законами, которые управляют обоими нашими мирами, высокая госпожа. — Мейлиен улыбнулась. — «Секира» создана из воды, воздуха, земли и огня. Пройдя через Дервент-уотерский портал, она изменила правила для всех без исключения порталов, соединяющих Землю и Страну Фейри. Они больше не действуют. И не будут действовать, пока «Секира» не вернется назад.

— Это невозможно!

— И тем не менее это правда. Ваш брат превратил меня в спиральную розу... — Мейлиен ткнула себя в грудь. — Настал его черед превращаться в скрюченный, одеревенелый сучок.

— Ты не понимаешь! — вскричала Хранительница. — Эльфы не могут иметь детей, им обязательно нужны любовники-люди. Если мы вымрем, никто нас не заменит!

— Земля от этого только выиграет. Впрочем, на борту «Секиры» хватает людей, которые когда-то стали жертвами эльфийской магии. Будьте с ними полюбезнее, и, быть может, они помогут вам обзавестись потомством.

От этих слов Хранительницу передернуло, но она справилась с собой.

— На Земле больше не будет магии, — проговорила она хрипло.

— И эльфов тоже, — подтвердила Мейлиен. — И тому, и другому можно только радоваться.

— Вас здесь — горстка. Вы не сумеете победить целый мир!

— Мы его уже победили.

Хранительница закрыла глаза, глубоко вздохнула и... смирилась с поражением.

— Очень хорошо, вы выиграли... — с трудом проговорила она, тяжело опираясь на протянутую руку своего спутника. Ноги не держали ее. — Что вы хотите?

— Я хочу, чтобы ваши маги-небожители жили в том же кошмаре, какой устроил для меня ваш брат, — ответила Мейлиен, широко улыбаясь. — Вы считали себя богами, люди служили вам всего лишь игрушками. Вспоминайте об этом каждый раз, когда вам покажется, будто с вами обошлись несправедливо.

Чувство вины, пронизавшее Хранительницу, было таким острым, что она содрогнулась и поспешно отвела глаза.

«Это начало конца», — подумала она, глядя на покачивающуюся на волнах непостижимую и неуязвимую «Секиру». Лишь несколько мгновений спустя Хранительница снова осмелилась посмотреть на Мейлиен.

«Как странно, что я почувствовала сострадание именно сейчас, когда уже ничего нельзя изменить, — была ее следующая мысль. — Впрочем, раскаяние всегда приходит слишком поздно!»

Перевел с английского Владимир ГРИШЕЧКИН

© Sean McMullen. The Spiral Briar. 2009. Публикуется с разрешения журнала «The Magazine of Fantasy & Science Fiction».

МАРИЯ ГАЛИНА
КРАСНЫЕ ВОЛКИ, КРАСНЫЕ ГУСИ

Посвящается книгам детства.

Из книги «По отдаленным тропам (Дневник натуралиста)»

«Сырая московская зима и холодная затяжная весна остались позади. Мне предстояло долгое путешествие, полное неожиданных находок и открытий: встречи с животными, знакомство со случайными попутчиками и со всеми, с кем может свести судьба путешествующего натуралиста — с охотниками, пастухами, объездчиками и просто жителями самых отдаленных уголков этого замечательного дикого края. Далеко позади остались глинобитные домики городских кварталов и пестрота местного базара; впереди лежали предгорья, а за перевалом расстилалась скудная земля пустыни, которая, впрочем, изобиловала жизнью, оставалось только радоваться, что судьба привела меня сюда весной, когда тюльпаны и маки горят, точно крохотные пламенеющие костры, а в жесткой траве пересвистываются сурки. Однако здесь, в ущелье, поросшем самшитовым лесом, было сумрачно и даже прохладно...

Еще несколько километров, и лес расступился, открыв расчищенную поляну, на которой высился крепкий сруб. Это и был кордон «Верхний»; на крыльце дома встретил меня лесник Михаил Рычков, бывший красноармеец, обосновавшийся в этих труднодоступных местах. В городской заготконторе мне много рассказывали про этого удивительного человека; помимо тетеревов и куропаток, которых он бил для себя, ежегодно сдавал около сотни лисиц и несколько волков.

— Эй, хозяин, встречай гостей, — крикнул я, скидывая на землю тяжелый рюкзак с ловушками, формалином и фотопринадлежностями.

Хозяин кордона в застиранной гимнастерке и сапогах сбежал с крыльца и, завидев «ижевку» у меня за спиной, протянул мне руку:

— Проходите, товарищ! Охотнику всегда рад!

Я объяснил, что не столько охотник, сколько натуралист и цель моя — отлов живых животных, хотя, признаться, первым моим желанием было сейчас, не разбирая пожитки, как можно скорее отправиться на охоту, побродить с ружьем в этих замечательных, живописных местах... «Так я и сделаю», — решил я, однако гостеприимный хозяин крикнул:

— Уля! Встречай гостя!

На крыльцо вышла босоногая девочка в платке, накинутом на черные косы; она помогла мне внести пожитки в дом, в светлую, вымытую до блеска горницу, стены которой были украшены рогами архаров и джейранов — трофеев хозяина дома.

Ковшиком она зачерпнула из стоящей на скамье бадьи и

поднесла мне: никогда я не пил такой вкусной родниковой воды...

Прошло уже несколько лет, но я с немалым удовольствием вспоминаю этот затерянный, но прекрасный уголок нашей Родины — и надеюсь обязательно вернуться под гостеприимный кров избы хозяина кордона».

Молчаливая Уля поставила на дощатый, выскобленный добела стол заткнутую газетой бутыль с опалесцирующей жидкостью, выложила молодой чеснок, лук и кряхтя потянула ухватом из печи горшок с жарким. Ручки у нее были тоненькие, оставалось только дивиться недетской силе. Лопатки под натянувшимся сарафаном торчали, угрожая прорвать застиранную ткань.

— Ленивая, зараза, — сказал лесник, набивая козью ножку, — все они ленивые.

— Откуда она у тебя? Прибилась?

— Какое прибилась? Купил за горсть патронов. Без бабы что за жизнь.

— Слушай, ей лет-то сколько?

— Да их тут замуж и в восемь выдают. Эта, можно сказать, перестарок.

Девочка поставила горшок на стол. Ее смуглое лицо покраснело от натуги, тонкие ноздри раздувались.

— Жрать хочет, — сказал лесник с неудовольствием. — Эй, возьми себе миску и давай отсюда. Шевелись, дура.

Он уловил осуждение во взгляде московского гостя и сказал с ноткой оправдания в голосе:

— Тут, когда советская власть пришла, мужики в горы подались, да многие так и не вернулись. Бабы остались, ребятишки и старики. Кормить некому. А вообще, бабы у них свое место знают. Слышь, тут лектор приезжал из района, лекцию в клубе читал про женские права, так в актовом зале одни мужики собрались и ухохотались до колик, думали, шутит... Комик, думали, мать его, артист, до этого как раз комик приезжал. Ладно, поехали, что ли!

Самогон отдавал сивухой, резкий запах шибал в нос.

— Будем здоровы, что ли, — лесник со стуком поставил пустой стакан на стол и сосредоточенно захрупал перышком дикого чеснока.

— Будем, — отозвался он неуверенно.

— Ты вот... тебя как звать? Евгений? А по фамилии? Шехтель? Еврей, что ли?

— Немец.

Лесник мрачно поглядел на него, запавшие глаза у него были

обведены темными кругами.

— Были тут, — сказал лесник неопределенно, — тоже вроде немцы... с молотком ходили, и ящики железные. Ты зачем приехал?

— Я ищу редких животных, — он зачерпнул горячее жаркое, подул на ложку; масло, которым была щедро приправлена еда, сильно горчило.

— Шпион, стало быть? — спросил лесник добродушно.

— Почему шпион? У меня мандат из Москвы.

— Эти, которые всюду шныряли и молотками своими тюк-тюк-тюк, так у них тоже мандат был. Потом заболели все. Непонятно чем заболели, стали палаткой в степи, прикатил закрытый грузовик, вышли из него в комбинезонах, морды закрыты, побросали всех внутрь и укатили. А палатки ихние облили бензином и сожгли. Вот так.

— Я зоолог, — повторил он терпеливо.

— Зоолог, — лесник пожал плечами, — ну, кого бить будем, зоолог?

— Для зоомузея — это как повезет. Еще от Московского зоопарка заказ есть. Красная утка, слышал о такой? Но это живьем надо.

Лесник покачал лохматой головой.

— Откуда тут утки? Разве выше, на озере... Тут это, у водопада синяя птица живет. Синяя не подойдет разве?

— Зимородок?

— Нет, большой, с галку. Лиловый, как чернила... и поет красиво.

— Дрозд. Синий дрозд. Редкая птица.

— Нужен тебе такой? Они все время у скал крутятся. Парой. Гнездо у них там, в скалах. Ты дождись, пока птенцы оперятся, и волосяной петлей их из гнезда надергай. Ну, как удочкой. Там обрыв, иначе никак.

— А когда оперятся?

— Ну, еще неделя-другая.

— Тогда на обратном пути. Так нет красной утки?

— Точно говорю тебе — нету. Не видал. Ты вот что, ты в сельсовет сходи. Там председатель Игнатыч, хороший мужик, его из Рязанской области прислали, хозяйство поднимать. Ну, он и поднимает... как может. Покажешь мандат свой, он и распорядится. Пионерам задание даст. Тебе чего хошь натаскают... Ладно, повторим, что ли? За успехи горного дела!

— Я не горного...

— Да один хрен! Будь здоров...

Самогон прошел по пищеводу огненным комом; он торопливо

зажевал его сырым, плохо пропеченным хлебом («Никак, зараза, приличный хлеб выпекать не научится», — сказал с досадой лесник), по крайней мере, не подхвачу никакого проклятого лямблиоза из-за здешней воды, подумал он, это ж любую заразу выжжет.

На дворе вдруг как-то резко и быстро сделалось темно. Он встал и, отталкиваясь от бревенчатой шершавой стены, прошел на крыльцо, предполагая помочиться с него, однако торопливо застегнул штаны, увидев темную фигурку, съежившуюся на ступеньках.

— Ты чего? — он повернул во рту непослушный язык. — Холодно... Иди в избу.

— Он драться будет, — тихонько сказала девочка, — и за титьки хватать.

— Не будет он ничего такого, — сказал неловко.

— А прошлый раз, когда из заготконторы приезжали, так они... — Девочка встала, длинная черная коса сползла у нее по спине между острыми бугорками. — Я спать на сеновал пойду, он пошумит-пошумит да и заснет... А если за ружье хвататься будет, так это так, для куражу. Он не выстрелит, вы не думайте.

— Я не думаю. — Свежий душистый воздух коснулся лба, точно холодный компресс: он ощутил, что трезвеет. Поднял голову — небо было глубоким, черным, над крышей горели огромные, величиной с кулак, звезды. На миг ему показалось, что они вращаются, как фейерверочные колеса. Он прищурился — звезды остановились, Млечный Путь между ними казался текущей фосфоресцирующей полосой тумана, вроде тех, что повисли на верхушках сосен. На миг его пересек черный силуэт совы — и пропал в ночи..

Из книги «По отдаленным тропам (Дневник Натуралиста)»

«В пахнущем свежей краской сельсовете меня встретил Павел Игнатович Вяльцев, председатель овцеводческого колхоза, чьи хозяйства раскинулись на многие километры. Сейчас, весной, пастухи увели отары на летние выгоны и в селе остались только женщины, дети да старики, сидевшие на завалинках, завернувшись в свои огромные бурки.

Недавно отстроенный сельсовет служил одновременно домом Вяльцеву и его семье, сельским клубом, конторой и даже кинозалом — раз в месяц сюда приезжал киномеханик с установкой; кино пользовалось у местного населения

неизменным успехом.

Отведав сытный обед, состоявший из пресных лепешек, овечьего сыра и знаменитого горского супа шурпы, такого густого, что его, казалось, можно резать ножом, и запив его неизменным кислым молоком, я завел разговор о деле; меня несколько тревожило то, что местные жители, для которых охота была исконным занятием, вряд ли поймут ценность «бесполезных» животных. Однако Павел Игнатович меня успокоил, заверив, что он даст мне помощь местную детвору, которой впрочем, сейчас в селе осталось немного, да и та младшего возраста, поскольку все, кто постарше, помогали своим отцам, работающим на выгоне. С этой целью посоветовал мне Вяльцев обратиться и к местной учительнице, Вере Алексеевне Белопольской, обучившей грамоте, счету и русскому языку несколько поколений местных детей... Я решил последовать его совету».

Чашка была из тончайшего фарфора, чуть надтреснутая по краю, и, когда он осторожно поднял ее повыше, то разглядел на донышке синие скрещенные мечи.

— Гарднер, — сказала худая темная женщина из полумрака сакли. — Забавно, да, милостивый государь? Зеленый чай с маслом и Гарднер... Или кумыс... Проклятый царизм, душитель свобод: я ехала в ссылку, а за мной ехал гарднеровский сервиз. В ящиках, переложенный соломой. И не так уж много побилось, представляете?

Он отпил горьковатого зеленого чаю и промолчал.

— Знаете, сначала они легко приняли советскую власть. Она боролась с религией. Это была не их религия, попы добрались сюда только в прошлом веке. Когда пришли Советы и прогнали попов и царских чиновников, они решили, что наконец-то все пойдет по-прежнему. Как встарь.

Он молчал.

— Сюда посылают чужаков. Бюрократов. Они ничего не понимают. А здесь совершенно особое положение. Совершенно. Каждое племя, каждый кишлак — сам по себе. И у всех — оружие. У всех. Даже у детей. Но они пока что не пускают его в ход, потому что... Здесь веками сложившееся равновесие. Паритет. Степняки, горцы. Другие...

— Есть еще и другие?

— Всегда есть другие. Я говорила ему, он меня не послушал.

— Председателю?

— Да, этому чинуше.., он управлял коллективным хозяйством в Вологодской области. Молочное животноводство. Коровы-

симменталки. Он пустил под нож племенное стадо коров-симменталок. Что ему делать здесь? Зачем?

Он молчал.

Глаза у нее были черные и быстрые, как у птицы, и точно так же, как у птицы, время от времени скрывались в запавших бледных веках.

— Вы из Москвы?

Он еще отхлебнул чаю. В голове слегка прояснилось — отличная штука с похмелюги этот зеленый чай.

— Да.

— И как там, в Москве?

— Холодно. Сыро... Ну, так... метрополитен вот строят. Под землей. Еще собираются строить Дворец Советов. Огромный дворец... Чтобы отовсюду было видно. Только еще проект не утвердили.

— А в Петербурге? — жадно спросила она и даже подалась вперед: — Вы давно были в Санкт-Петербурге?

— Да, — сказал Он неохотно, — в Ленинграде? В прошлом году, весной.

— Как там?

— Белые ночи... как всегда. Свет, вода и ветер. Жалеете, что не вернулись в Питер?

Теперь промолчала она.

— Не жалейте, — сказал он тихо, — не надо. Вы газеты читаете?

— Иногда.

— Радио слушаете?

Она молчала. За окошком глиняной мазанки женщина что-то говорила подруге высоким, пронзительным голосом на незнакомом ему языке.

— Будет война, — сказал он. — Скоро.

— С немцами? — Она, склонив голову набок, прислушивалась к крикам.

— С фашистами.

— Отсюда это... далеко.

— Вот и хорошо, — убежденно сказал он, — вам не надо в Питер. Вообще никуда не надо. Послушайте... я насчет животных. У меня мандат. От ООПа. Ну, Общества Охраны Природы. На отстрел редких животных. И отлов. Для Московского зоопарка. Меня интересуют редкие птицы. Синий дрозд, ну об этом мы уже с лесником договорились. Еще красный гусь.

— С Михаилом, что ли? Который с кордона?

— Да.

— Он слишком много пьет, — сказала она, — и его Уля... она

же совсем еще девочка. Я пробовала вмешаться, но... Я учила ее русскому языку и арифметике. Хорошая девочка. Способная. У них вообще способные детишки. Так вы говорите — красная утка?

— Да. Ее еще почему-то называют гусем. Алаказ — красный гусь.

— Ничего не знаю про гусей, — она покачала головой, — но если хотите, я поговорю с детьми. Может, кто и видел... Скажите, а вам не кажется странным, что Общество охраны животных дает мандат на отстрел? Если это редкое животное, как же можно его отстреливать? Его надо охранять. Защищать.

— Это для науки.

— Какая радость науке в мертвой тушке? Шкурке? Что вам на самом деле здесь надо?

— Черт, — он спохватился, — простите... э... великодушно.

С ней хотелось говорить на полузабытом языке детства.

— Все спрашивают меня, что мне на самом деле нужно. Но я говорю правду. Я в юности любил природу. Был заядлым охотником. Это, конечно, странно; Любитель природы — и охотник. Но это как-то... уживается.

— Я знаю. Иван Сергеевич тоже любил природу и был заядлым охотником.

— Иван Сергеевич?

— Тургенев.

— Ах, да... Ну вот, в общем, я был изрядным шалопаем. Отец хотел, чтобы я стал инженером. Но инженер из меня не вышел. Из железа я понимаю только ружья. Потом оказалось, что и таким, как я, тоже находится применение.

— Судя по тому, что я время от времени слышу по радио, — сказала она, — вам повезло. Вы не стали инженером.

— Ну, в общем, да.

— Они вновь замолчали. За окном на ослепительном солнце женщины продолжали перекликаться птичьими голосами.

— И вы что же, в одиночку, без спутников?

— У меня есть помощник. Но он сейчас в лагере, за перевалом. Там у нас основная база. Пойманных животных надо кормить, ухаживать. А я вот налегке...

— И вам нужен красный гусь?

— Сейчас в Московском зоопарке планируют делать демонстрационную вольеру. Орнитофауна СССР. Есть утка-мандаринка, есть краснозобая казарка. Я их сам отлавливал. Есть приполярные гуси. А красной утки нет. У меня еще заказ на отстрел редких хищных птиц. Бородатого ягнятника, индийского сокола ...

— Не жалко?

Он подумал.

Считается, что они приносят вред, — сказал он наконец, — бьют полезных мелких птиц. А ягнятник, понятное дело... На самом деле они охотятся за грызунами, мышами, сусликами... Они союзники человека. Так что — да, жалко. А что делать? У меня заказ. Это ради науки, — повторил он беспомощно.

У ваших ученых нет сердца. Знаете, — она вздохнула, — воля ваша, а вам честно скажу, никогда не любила Тургенева. Есть в нем что-то... фальшивое. Россию он любил? Приезжал летом поохотиться. Разве это любовь? Так, потешить ретивое. А жил во Франции, с этой... Чтобы Россию любить, в ней надо жить зимой, когда сугробы по обе стороны улицы в человечий рост, когда в Питере небо черное, пустое небо, страшное, а с него белый снег сыплется. А утром! Продышишь в окошке глазок, смотришь на улицу... там все розовое, синее... снег сверкает, как бертолетова соль. И золотые купола на розовом небе!

Она сердито тряхнула головой, в глазах стояли слезы.

— Я поговорю с детьми, — сказала она, — быть может, они знают, где ваш красный гусь. Тут неподалеку есть заповедное озеро, слышали?

Из книги «По отдаленным тропам (Дневник натуралиста)»

«Именно от Веры Алексеевны, которая, как выяснилось в нашей беседе, была сослана сюда царскими жандармами за участие в революционной деятельности, я узнал, что поблизости есть заповедное озеро, на котором могли водиться самые разные животные, в том числе и редкие виды птиц. Эти края еще малоизученны, и многие уголки не нанесены на карту, поэтому кроки, которые были у меня с собой, давали весьма приблизительное представление о местном ландшафте. Неудивительно, что я с удовольствием принял предложение воспользоваться услугами проводника — на эту роль вызвался ученик Веры Алексеевны Ахмат, благодаря ее стараниям неплохо владевший русским языком и даже цитировавший Пушкина. Просто удивительно, как местные молодые люди тянутся к знаниям большого мира: Ахмат жадно расспрашивал о Москве, о достижениях науки и техники, особенно его поражали мои рассказы об успехах авиации; его привлекала сама мысль, что люди могут летать «как птицы».

Дорога к озеру оказалась и вправду нелегкой, хотя шла под уклон. Она вилась сначала по узкой горной тропке, потом по дну

ущелья, где сейчас, в самый полдень, воздух, казалось, застыл, как стекло. Следуя вдоль ручейка, змейкой извивавшегося в расселине, я вглядывался в каждый кустик, в каждую трещину — жизнь не замирала и здесь: по склонам кричали горные куропатки, перелетали с места на место саджи — крупные, размером с голубя, птицы, которых за странную форму лапок называют «копытками», у своих норок столбиками стояли сурки. Мой юный проводник беспечно шел рядом, время от времени подпрыгивая от избытка той беспричинной радости, которая отличает детей и молодых животных; однако он не забывал об осторожности: выломав из кустарника длинную ветку, он хлестал ею по жестким зарослям перед собой.

— Тут водятся змеи? — спросил я на всякий случай, хотя понимал, что ответ будет утвердительный, поскольку влага и холод блестящей на камнях воды неизбежно должны были привлекать змей.

— Да, — Ахмат улыбнулся, блеснув белыми зубами, — много змей. Скоро выйдем к озеру, там тоже много змей.

Эта перспектива меня не обрадовала, и я на всякий случай снял с плеча «ижевку».

Озеро открылось неожиданно, его низкие берега были почти безжизненны: песок да камень, лишь кустики облепихи, росшие кое-где, нарушали монотонность пейзажа. Отсюда и до самого горизонта простиралась каменная пустыня — нагромождение плит и мелкой гальки,скрывавшая свою, невидимую глазу жизнь.

Озеро, однако, меня разочаровало: пара лебедей-кликунов, которые при нашем приближении поспешно отплыли подальше от уреза воды, и несколько уток, в которых я узнал красноголовых и красноносых нырков. Того, что меня интересовало, здесь не было».

— Красный утка, — мальчик схватил его за рукав и потянул. Другая рука, по-прежнему сжимавшая ветку, возбужденно вспарывала воздух.

— Вон, на вода. Смотри, смотри, красный утка!

— Это не то, что мне нужно, — с досадой ответил он.

Бинокль, висевший на груди, успел нагреться, стекла помутнели в испарениях, идущих от нагретой воды, в зарослях на дальнем конце озера шебаршилась какая-то живность, но он никак не мог рассмотреть, кто именно; мальчик возбужденно подпрыгивал рядом, его острые лопатки так и ходили под холщовой рубахой, солнечные лучи проникали, казалось, прямо в мозг, и он никак не мог сосредоточиться. Казалось, если мальчик прекратит наконец прыгать и верещать, станет легче.

Он опустил бинокль.

— Там что? — спросил он, указывая на отдаленный берег озера.

Мальчик приложил ладонь к глазам, какое-то время сосредоточенно вглядываясь.

— Мож быт, волк? — сказал он неуверенно.

«Ижевка» — плохая защита от волка. Ему на мгновение стало нехорошо в животе.

Захотелось взять мальчика за плечи и встряхнуть. Он с трудом удержался.

— Ты зачем меня сюда притащил? — спросил он сквозь зубы. — Говорил, здесь, есть красные утки. Где красные утки?

— Вот, — удивленно сказал мальчик, явно не понимая, чего хочет от него этот большой чужой человек с неприятно светлыми глазами. — Вот красный утка. Много красный утка! — Он напрягся и отчетливо сказал, желая угодить приезжему: — Много крас-ных у-ток.

— Это не утки, — он глубоко вдохнул, стараясь унять багровую волну гнева, — это нырки, понятно?

— Утка, — упрямо сказал мальчик, который, в сущности, был прав. Потом, не понимая, почему человек, которому нужны были красные утки, не предпринимает никаких действий, спросил: — Не нужен утка? Нужен камни? Я водил, показывал камни...

Гнев ушел, осталось лишь раздражение и усталость.

— Не нужны, Ахмат. Я Не геолог. Я зоолог. Занимаюсь животными.

— Тогда вот утки, — повторил мальчик.

Потом подумал, поковырял босой ногой серый слоистый грунт и сказал:

— Скоро подует ветер. Плохой ветер.

Скорее всего, в этом, а не во вчерашней пьянке, и крылась причина его сегодняшнего дурного настроения; в висках ломило, как бывает при перемене погоды, вероятно, виной тому был поднимающийся из степи злой ветер боам, способный поднять в воздух не только песок, но даже крупные камни. Он вскинул голову и увидел, что небо помутнело и стало непрозрачным, солнечный свет плавал в нем, точно яичный желток в воде.

Мальчик вновь потянул его за рукав, на сей раз не к воде, а к скальной осыпи с чернеющими расселинами.

— Зачем ты меня сюда тащишь? — спросил он досадливо, решив, что мальчик, видимо, предлагает ему укрыться от злого ветра в расселине, и зная по опыту, что ветер может дуть и несколько суток. — Давай лучше вернемся.

Если чуть задержаться, подумал он, возвращение может стать

нелегким, поскольку ущелье станет своего рода аэродинамической трубой, а карабкаться на сей раз предстояло вверх. Но мальчик отпустил его руку и побежал к скалам; пришлось последовать за ним, не уходить же одному, оставив ребенка здесь, у озера.

Он шел поспешно,но не бежал, это было как-то несолидно, и не успел задержать Ахмата, нырнувшего в расселину и теперь стоявшего в полутьме, призывая оттуда рукой.

Он двинулся к мальчишке, но нога скользнула на чем-то, и когда он глянул вниз, увидел выступающую из запекшейся глины круглую желтоватую кость. Еще один череп лежал чуть дальше... он нагнулся: тот скалился, не скрываясь, и зубы были крепкие, молодые.

— Что это?.. — спросил он, ни к кому не обращаясь. — Почему?

Но мальчик уже исчез в расселине и что-то крикнул оттуда: каменные стены перебрасывались эхом, точно мячом.

— Что? — переспросил он и, поскольку не мог ничего разобрать, кроме многоголосого эха, шагнул внутрь.

Расселина привела в тесную пещеру, где, однако, было вовсе не так темно, как ему показалось вначале: свет, просачивавшийся сквозь проломы в своде, окрашивал камень в смешение розового и голубого. Мальчика нигде не было видно; вероятно, он вышел в одну из боковых трещин в скале, слишком тесную для взрослого человека, но вполне преодолимую для ребенка.

Еще один череп попался под ноги, он лежал сразу у входа, недоступный уколам песчинок и потому чистый и гладкий, словно давешний гарднеровский фарфор. Он присел на корточки и провел ладонью по теменной кости: звездчатые швы казались неровными трещинами на выпуклом боку белой чаши.

Снаружи свистел боам.

Между ним и стеной прошла тень.

Он вскочил на ноги и отпрянул от мертвой головы; тут же спина уперлась в сырой камень — пещера была шириной всего в несколько шагов.

Змея была огромной, ее узкая голова с большими глазами чуть покачивалась на тонкой шее, и совершенно непонятно было, как существо, по меньшей мере, полутораметровой длины могло до сих пор оставаться незамеченным. Ему показалось, что воздух вокруг приобрел характерный кисловатый запах разогретой солнцем железной окалины, который обычно сопровождает рептилий.

— Тьфу ты, подумал он с облегчением, это всего лишь полоз. Очень крупный, но безобидный. Похоже, здесь у него гнездо.

— Уйди, — сказал он с досадой, пытаясь как-то сориентироваться в нарастающем свисте и вое; вдуваемый в пещеру горячий воздух, наполненный песчинками, проникал в мелкие трещины и гудел в расселинах. — Не до тебя.

Змея, уставилась на него большими неподвижными глазами, голова ее еще больше приподнялась, покачнулась взад-вперед, и он вдруг с ужасом увидел, что по бокам и чуть ниже стал надуваться капюшон. В этом медленном молчаливом танце было какое-то странное очарование; в розово-лиловом сумраке пещеры зрелище казалось не совсем правдоподобным, словно сон или малярийная спутанная греза.

Во рту пересохло, он вдруг подумал, что взял с собой слишком мало воды, а озерная вода наверняка сильно засолена... впрочем, сейчас не в этом дело...

Он медленно-медленно приподнял руку и стянул с плеча ремень «ижевки».

В стиснутом пространстве пещеры выстрел грянул с такой силой, что он на миг оглох. Эхо отразилось от стенок, вернулось, смешалось с затихающим звуком выстрела, запах стоял теперь совсем уж сногсшибательный, кислый и резкий. Змея свилась, как пружина, распрямилась... Вновь свилась... Он, прижавшись к стене, следил за ее агонией. Ветер, ворвавшийся в расселину, иссек его щеки тысячами игольчатых песчинок.

Вдруг стало темно, и он подумал, что туча, клубившаяся из пустыни, окончательно съела солнце, но потом понял, что кто-то стоит у входа в расселину, заслоняя остатки света. Кто-то маленький.

— Ахмат?

Глаза, обожженные вспышкой выстрела и дымом, слезились.

— Не ходи дальше, — он кашлянул саднящим горлом, — тут змея... она, может, еще жива.

— Ты убил ее? — голос был тихий, едва различимый в шуме песчинок. — Убил Великую мать?

— Какую еще мать? — переспросил он раздраженно, потом удивленно сказал: — Уля?

Она проскользнула в пещеру, разматывая закутавший голову и лицо платок, черные косы упали, закручиваясь вокруг худенькой шеи, как две змеи.

Девочка хрипло дышала, с тяжелого халата ссыпались на пол песчаные дорожки.

— Как ты здесь, — спросил он растерянно. — Зачем?

— Я убежала. — Ему казалось, что он видит, как быстро-быстро, точно у птицы, бьется под халатом ее сердце, пульс трепетал в ямочке у основания высокого горла. — Он страшный...

стоит в темноте, молчит. И глаза светятся...

— Кто? — удивился он. — Товарищ Рычков?

— Я вышла как по делам... и убежала. Ночью. Пряталась в кустах. Старуха сказала, ты пошел на озеро. Зачем ты пошел на озеро?

— Вы же сами... Ахмат...

— Ведьма велела Ахмату отдать тебя Великой матери. Как тех, других... Я так и думала. Бежала-бежала... А ты ее убил. Ты сильный. Убей его. Он придет за мной, ты его убьешь. Потом убьешь старуху. Все будет хорошо.

— Что ты говоришь такое, девочка, — растерялся он, — как я могу убить человека? Он же не враг. Красноармеец, коммунист.

— Он не человек, — она возвысила голос, перекрывая свист ветра. — Убей его, сам увидишь.

Он попятился, чуть не наступив на свившееся тело кобры, все еще сотрясавшееся мелкой дрожью.

Откуда мне было знать, что она сумасшедшая, подумал он, она ведь выглядела нормальной. И такая умненькая, так хорошо говорит по-русски! Ну да, сумасшедшие бывают умненькими, это какие-то такие способности, теперь она сбежала от этого Рычкова, может, убила его, а все свалит на меня... Надо как-то ее успокоить, что ли... Пообещать ей, сделать вид, что верю, потом отвести домой... куда — домой? В деревню? На кордон?

И куда делся мальчишка?

Здесь, в тесной пещере, рядом с мертвой змеей и живой женщиной, ему сделалось страшно и непонятно было, отчего страшнее.

— Не хочешь на кордон, — сказал он, — ну... наверное, ты права. Давай, я отведу тебя в деревню. Переждем боам, и отведу тебя в деревню.

Ее родня продала ее леснику за горсть патронов, подумал он.

Она замотала головой так, что черные косы метнулись и поползли по груди, точно две змеи.

— Нет-нет, в деревню нельзя. Они убьют тебя. Теперь все вместе убьют. А потом скажут, что ты сам. Пошел в темноте не туда. Упал.

— Что ты, — беспомощно повторил он, — это невозможно... председатель... он же знает. Он не позволит.

— Председатель — дурак, — сказала она презрительно, — его за то и держат.

— Они думают, я ищу камни?

Хотя это тоже бред... при чем тут камни?

— Ты ничего не понимаешь. Они убивают всех. Всех чужаков.

Она скользнула к расселине и принюхалась. Тонкие ноздри

ее раздулись.

— Боам к ночи стихнет, — сказала она.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю. Боам стихнет, и мы пойдем.

— Тебя, наверное, ищут? — с надеждой предположил он.

— Ищут, — равнодушно сказала она. Ее четкий профиль темнел на фоне умирающего вечернего неба.

Нет, подумал он, она точно не пойдет в деревню. Впрочем, ему какое дело? Она сама по себе, он сам по себе. С другой стороны... Если он вернется один, без нее, а она пропадет где-то в песках, не подумают ли, что это его вина, что между ними что-то было, и он заставил ее замолчать. Боже мой, обвинить можно в чем угодно, в результате он спустится с гор в компании двух мрачных мужчин с заплечными винтовками...

Она вдруг скользнула к нему и сомкнула тонкие руки у него на шее. Тело у нее было горячее, а волосы пахли горьковатым маслом, и вообще запах был какой-то нечеловеческий, сухой, острый... змеиный запах. На какой-то момент он, забывшись, прижал ее к себе, тело под плотным халатом было почти бесплотным, невесомым, потом опомнился и отстранился, почти насильно разорвав кольцо цепких горячих рук.

— Уля, ты за кого меня... у меня дочка — твоя ровесница...

— Ну и что? — прошептала она ему в ухо.

Он не ответил, но высвободился окончательно. Какое-то наваждение, подумал он. Что вообще происходит?

— У тебя есть жена?

— Была, — сказал он неохотно.

— Ты дома не сидишь, ездишь, — она блеснула темными узкими глазами, — женщина одна. Ваши женщины не умеют ждать.

— Ну, между взрослыми людьми всякое бывает, Уля.

— Возьми меня с собой, — теперь она стояла, отстранившись, но дышала часто и неровно, точно после долгого бега. — В большой город. Я все, что хочешь, сделаю. Хочешь, гнездо красной утки покажу?

В город? И куда он денет девчонку, у которой еле-еле неполное среднее, и то сомнительное? Пристроит на рабфак? Там вроде дают общежитие... Понятно, что с этим Рычковым ее оставлять нельзя, но... надо же, красная утка... нет уж, красных уток с него определенно хватит. Добраться бы до лагеря, а там — свернуть палатки и домой. Может быть, пока он болтается в этой глуши, Пилипычу уже натаскали всякого зверья. Пилипычу временами удивительно везет, он способен обнаружить новый вид геккона, просто перевернув камень.

— Ну и где оно? — спросил он нехотя, просто потому, что молчание слишком уж затянулось и в утихающем свисте ветра было слышно только ее горячее быстрое дыхание. — Где твое гнездо?

— Там, — сказала она неопределенно, показав рукой куда-то вбок.

— Там же пустыня... какие утки?

— Красная утка живет в пустыне. Ты не знал?

Он покачал головой.

Красная утка в пустыне? Бред... Хотя, с другой стороны... Наверное, потому ее и не удавалось добыть после того, случайного экземпляра. Кто мог подумать, что она обитает в пустыне? Искали на озерах, по берегам рек...

— Боам стихает, — сказала она.

Он и сам слышал, что свист ветра умолкает и мелкие камни уже не колотят в стену пещеры...

Она отряхнулась, как птичка, вновь подбежала к нему, схватила за руку и потянула к выходу.

— Надо сейчас! Скорее! Потом они придут!

— Кто придет? Зачем?

— Похоронить тебя! Ты сильный. Сильным удача. Пришел боам. Помешал им. Сейчас они выходят из домов. У нас есть время!

В этом страшном месте, рядом с мертвой коброй и черепом неизвестного человека у входа, рядом со свихнувшейся девчонкой (быть может, семья поспешила от нее избавиться именно потому, что девочка тяжело и неизлечимо больна?) он чувствовал себя, точно в ловушке, но идти за сумасшедшей, потакая ее капризам, ему тоже не хотелось. Он словно бы вовлекался в мир ее безумия — явление более распространенное, чем это принято полагать.

Тем не менее сидеть в пещере сейчас, когда боам стих, не было никакого резона.

Небо неожиданно очистилось и сейчас, черное, нависало над горами, над дальней пустыней, над черным, постепенно успокаивающимся озером, огромные страшные звезды отражались в нем, по черной воде бежали светящиеся дорожки, словно от дальних огней большого города, в тростниках всхлипывала и ворочалась какая-то птица.

Она продолжала тянуть его за рукав, в сторону от тропы, ведущей в деревню, вниз, по каменистой осыпи.

Куда она меня тащит? — растерянно подумал он. А если опять поднимется боам? Мы же пропадем, надо в деревню... Ну да, она навоображала себе что-то, какой-то зловещий заговор против советской власти, вредителей каких-то, наслушалась

радио, бедняга.

— Почему ты называешь свою учительницу ведьмой? — спросил он на всякий случай.

Она пожала острыми плечами.

— У нее сила. И она посылает на смерть всех, кто приходит. Она говорит: пока жива, сюда никто не придет надолго. Ни люди с кобурами, ни те, которые разрывают горы... Никто. Но ты ее убьешь. Я покажу тебе гнездо красной утки, а потом ты вернешься и убьешь старуху.

— Я не убиваю старух, — сказал он, — я тебе что, Раскольников?

— Кто?

Ну да, Достоевского она вряд ли читала...

— Жил такой глупый человек. Он убил старуху топором.

— Зачем топором? У тебя есть ружье.

— Я убиваю только редких животных.

— Зачем? — спросила она, и он вновь затруднился с ответом. Опять объяснять про науку, про Зоологический музей? Да откуда ей вообще знать, что такое музей? И почему вдруг в нем хранятся чучела животных? Неожиданно сама идея подобного музея показалась донельзя нелепой ему самому.

Она отмахнулась узкой рукой.

— Ладно, это так... Надо уходить. Скорее. Только погоди, я наберу воды. Потом будет вода, но плохая.

Она отвязала от пояса кожаный бурдючок и присела на корточки. Там, где она коснулась воды, от берега пошла легкая рябь, и отражения звезд в черной воде зашевелились.

Какая же вода плохая, если эта — хорошая? Наверняка солоноватая, да еще полно всякой заразы, а у него даже нет котелка, вскипятить не в чем. Почти все снаряжение, чайник, котелок, запас патронов — все это осталось у Рычкова. Кто ж знал, что так обернется!

Вернуться без девчонки? Рычков его попросту прибьет. Притащить девчонку в деревню силой? Она не дастся. А если она и правда его убила? Кто его видел последним? И ведь все знали, что у него останавливался гость. И председатель, и выдра-народоволка! Ну и влип же!

Уля внезапно выпрямилась, несколько серебряных круглых капель упало с фляги и с шорохом всосалось в песок.

Заросли тростника пошевелились.

Он машинально скинул с плеча ремень «ижевки» и прицелился в темноту. Уля уже была рядом с ним, ее горячее дыхание обжигало ему предплечье.

Опять волк? Что он там вообще делает — почему не уходит?

Быть может, там у них логово? Волчица со щенками? Волки предпочитают не нападать на людей, но если они защищают свой помет...

Или это барс? Тогда вдвойне непонятно, почему он не уходит. Барсы невероятно осторожны и не селятся в низинах.

— Стреляй! — горячо шептала Уля, словно просила о любви. — Стреляй же!

— Погоди, — сказал он сквозь зубы.

Сказки про кровожадных хищников — чушь. Не может быть, чтобы дикий зверь, если у него есть возможность убежать, вот так, сразу, ни с того ни с сего бросился на человека. Весной, когда полным-полно еды, когда везде шныряют мыши-полевки и обезумевшие от любви сурки стоят столбиками у своих норок.

Зверь прыгнул внезапно, черный на фоне черного неба, смутный силуэт, заслоняющий звезды, глаза сверкали во мраке, точно фосфорические зеркальца... Он почти непроизвольно передернул затвор. Вспышка на миг осветила оскаленную алую пасть, вдруг наполнившуюся кровавой пеной, белые зубы, что-то упало совсем рядом, упало и покатилось...

Он на всякий случай выстрелил еще раз, невпопад подумав, что может испортить шкуру. В новой вспышке он ярко и коротко увидел лицо Ули, она стояла, прижав ладонь ко рту, неотрывно и восхищенно глядя темными глазами.

Да что за день сегодня, подумалось ему, то кобра, то волчара!

Он чиркнул спичкой: пляшущий огонек осветил зверя, лежавшего, уткнувшись мордой в песок и береговой плавник, и вздрогнул, непроизвольно отступив на шаг. Зверь не был волком. Вернее, был не совсем волком.

Из книги «По отдаленным тропам (Дневник натуралиста)»

«Непривычная форма тела лежащего у моих ног странного зверя и, главное, рыже-красная окраска его густого меха заставили меня предположить, что мне удалось добыть редчайший экземпляр местного неуловимого хищника — красного волка, а это до сих пор оставалось мечтой любого охотника-натуралиста. Для сотрудников зоомузея такая находка была бы настоящим подарком. Так что не могу передать, как я был возбужден неожиданной удачей. Поскольку было темно, и великолепное животное, лежащее у моих ног, освещал лишь свет скудного костерка из озерного плавника, я, однако, колебался: у животного присутствовали все характерные признаки красного

волка — густая длинная шерсть, длинный пушистый хвост, сравнительно узкая морда, большие уши... Но убитый мною зверь отличался огромными размерами: он был крупнее нашего, европейского, волка, чья высота в холке порой достигает 100 сантиметров! А ведь известно, что средний красный волк несколько меньше в размерах и вдвое легче своего серого собрата! Итак, передо мной был совершенно уникальный экземпляр, который следовало сохранить для науки во что бы то ни стало.

Поскольку подобные неожиданные находки неизбежно сопутствуют профессии натуралиста, я принялся за первичную обработку туши, используя то, что было под рукой: охотничий нож и изрядный запас соли из вещевого мешка. Аккуратно сняв шкуру и выскоблив ее, я натер ее солью и сложил мездрой к мездре, чтобы соль, проникнув в ткань шкуры, обезводила ее. Теперь оставалось ждать сутки, чтобы освободившаяся жидкость в виде тузлука выступила на поверхность шкуры, потом — дать тузлуку стечь, стряхнуть сырую соль, а уж потом, не торопясь, окончательно обработать шкуру. Таким образом, был шанс привезти в Москву шкуру уникального зверя. Самое разумное в такой ситуации было бы на это время оставить ее в пещере, куда не проникали лучи жаркого азиатского солнца, и забрать на обратном пути. Однако что же делать с остальной тушей? Я очень хотел сохранить для науки череп животного, однако эта работа требует значительного времени, и я решил заняться ею после того, как сделаю первоочередное — сохраню ценную шкуру. Занятие это требует аккуратности и внимания — не один ценный экземпляр был, увы, испорчен небрежной обработкой...»

— Что ты делаешь? — Уля нетерпеливо притопнула ногой, обутой в высокий чувяк. — Надо бежать, бежать скорее. Отойди.

Она вдруг оттолкнула его так резко и грубо, что он чуть не упал и еле успел отвести в сторону руку с ножом.

— Не мешай, девочка, — сказал он с досадой. — Послушай, ты это зачем?

В руках у нее была остро обломанная толстая ветвь облепихового куста.

— Пусти, — сказала она, обдавая его частым горячим дыханием, — пусти, я сама. Надо так!

Она резко и коротко взмахнула отточенным концом ветки, показывая, как именно надо.

— Это еще зачем?

— Убить его, — пояснила она, удивленная его непониманием.

— Он мертв, Уля. Не бойся. Сейчас я сниму шкуру, засолю, мы сложим ее в пещере. Потом отделю голову...

— Нужно скорей, — повторяла Уля, лихорадочно блестя глазами, — скорей...

— Сейчас, — сказал он терпеливо, — обработаю шкуру, и пойдем. А веткой в нее тыкать нельзя. Ты ее испортишь. Мне нужна целая шкура. Понимаешь, целая?

— Они придут, — настаивала Уля, — придут, убьют нас. Я слышу, как они идут. Убей зверя и пошли!

Именно то, что она уговаривала его убить уже мертвого зверя, и убедило его окончательно в ее безумии — страшные односельчане-преследователи и ведьма-народоволка наверняка были порождением того же болезненного бреда. А ведь буквально на какой-то миг он ей поверил!

Она осталась стоять, вздрагивая и прикусив костяшки пальцев, рука с заостренной палкой опущена. Однако больше помешать не пыталась, пока он, аккуратно не выскоблив шкуру и не вымыв в озере нож, не пересыпал ее солью и, аккуратно сложив, не поволок в пещеру. Самое разумное было придавить первично обработанную шкуру камнями, чтобы ускорить процесс вытягивания воды; этим он и занялся, попутно думая, что безумие Ули наверняка всем известно и никто не станет спрашивать с него, если он, вернувшись в деревню, объяснит, что бедная девочка в очередном приступе сумасшествия отказалась возвращаться к людям. Паранойей это, кажется, называется, как-то так...

Костерок у входа в пещеру отбрасывал внутрь красноватые тени, но мешал видеть то, что происходило снаружи, однако ему вроде как послышались слабая возня, тихий возглас, всплеск. Раздраженный, отряхивая ладони от едкой соли, он выглянул наружу. Уля стояла около входа, почти вжавшись в скалу, ее бледное лицо выделялось на фоне серого камня смутным пятном. Костерок догорал, небо на востоке выцвело и стало зеленоватым, звезды потерялись в нем, а окровавленной туши волка на берегу не было — на сыром песке по направлению к озеру тянулся темный скользкий след, словно бы от проползшей гигантской улитки.

В первой момент он даже не сообразил, что произошло. Потом понял.

— Ты это зачем? — спросил он растерянно.

— Он сам ушел, — она всхлипнула и еще сильнее вдавилась в стену, — встал и ушел. Я хотела его убить, но не успела.

Он увидел, что ветка дрожит в ее руке и белеющий поначалу обломанный конец блестит черно и влажно.

— Хватит выдумывать, — сказал он устало.

Ненависть наконец скопилась, нашла выход, он подскочил к девчонке, ухватил за плечо и встряхнул.

— Такой ценный экземпляр... дура неграмотная, что наделала! Думала, выкинешь его в озеро и я сразу пойду с тобой?

— Он сам ушел, — упрямо пробормотала она, — подполз к озеру и бросился в воду. Теперь все. Теперь он отлежится, встанет, найдет нас и убьет... Я ж говорила, надо было сразу...

— Говорила она, — сказал он брезгливо. Спорить с сумасшедшей бесполезно. — Ладно... вот хотя бы шкуру сохранить теперь. Что там у тебя?

— Где?

— На плече. Что ты прячешь под халатом? Вроде мешок пустой?

— Ничего, сказала она удивленно.

Он отпустил ее, потому что боялся, что не выдержит, встряхнет что есть силы или ударит...

— Ладно, пойдем.

— Куда? — тут же вскинулась она.

— В деревню, — сказал он терпеливо.

Она замотала головой, торопливо и жалко.

— Нельзя, — повторила она умоляюще, — нельзя в деревню. Пошли, я отведу. К красной утке отведу. Гнездо покажу.

Он с миг раздумывал. Шкуре ничего не сделается, она все равно должна лежать под гнетом по меньшей мере сутки, время у него есть. Девчонка говорит, что знает, где гнездится красная утка, быть может, и не врет... хотя как поверить сумасшедшей? Вообще, что-то тут не так, это верно. Куда, например, делся мальчишка? Быть может, учуял, что поднимается боам, бросил его и побежал домой? Прибью мерзавца, подумал он.

Как настойчиво она, однако, меня тащит! Зачем? Какой-нибудь заговор?

Бред. Я не верю в заговор. Наслушаешься этого радио...

Господи, какое счастье, что отец умер, не дожив до всего этого. Инженер, путеец, «спец»...

Он пожал плечами, поправил ружейный ремень.

— Пойдем...

Она тут же запрыгала, радостно хлопая в ладоши, словно дочка, когда он обещал сводить ее в зоопарк.

Он помнил эту прогулку. Дочка радовалась, останавливалась у клеток, радостно и удивленно кричала: «Папа, смотри! Смотри!», а он мрачнел все больше. Его животные, его замечательные животные, пойманные с таким трудом, привезенные за несколько тысяч километров из самых

отдаленных уголков гигантской страны, никого не интересовали. Празднично одетый народ толпился вокруг клеток с обезьянами, парни в кепках корчили рожи и тыкали обезьянам сквозь сетку окурки «Памира». Обезьяны брезгливо отворачивали сморщенные лица. Им было стыдно за людей. Нарядные женщины в жакетках и сдвинутых набок беретиках толпились у клетки с попугайчиками. Попугайчики перелетали с места на место, точно яркие вспышки, женщины ахали и изумленно прижимали к губам растопыренные наманикюренные пальчики. Отцы приподнимали на руки детей, чтобы те хорошенько разглядели могучих неподвижных львов и бенгальских тигров, перетекавших по клетке туда-сюда, туда-сюда... Но никому не нужна была ни скромная саксаульная сойка, нахохлившаяся в углу клетки с попугайчиками, ни камышовый кот, забившийся в свой домики и озиравший оттуда толпу печальными брезгливыми глазами, ни кожистые черепахи, тянувшие шеи из зеленоватой мутной воды... Он попробовал подвести к ним дочку, показать ей, рассказать, как он охотился на этих черепах, как чуть не утонул в мутной восточной реке, как вон та, самая большая, укусила его за палец (видишь шрам?), но дочка, вежливо и нетерпеливо выслушав, потянула его за руку к площадке молодняка, где плюшевые тигрята и медвежата возились, умиляя дураков взрослых и невинных детей игрушечными и совсем нестрашными ухватками маленьких хищников.

Звезды совсем утонули в зелени и синеве, вода на озере сморщилась, словно кто-то потянул на себя водную ткань. Дальняя вершина вдруг зажглась торжествующим алым огнем.

На перевале, однако, продолжали лежать лиловые тени, и на миг ему показалось, что там, на фоне темнеющего еще неба стоят завернутые в туман черные плоские люди, точно вырезанные из черной бумаги.

— Кто это? — спросил Улю, указывая на темные фигуры.

Она быстро глянула вбок, охнула и схватила его за рукав.

— Бежим... это они! Это за нами! Бежим!

За минуту до этого он готов был поверить в ее безумие, но сейчас оно словно передалось и ему — страх хлестнул его по глазам: он подхватил сидор и, придерживая рукой ружейный ремень, бросился вниз по осыпи, туда, где туман лениво ворочался в лощине. Уля неслась впереди — ее верткое тело разрывало туман, оставляя за собой стремительно зарастающий след, наподобие того, что тянется за быстро идущим катером; в темных прорехах он различал ее коричневый халат и две прыгающие по спине косы. Горы как-то сами собой остались за спиной, из тумана возникали выветренные, отдельно стоящие

скалы причудливой формы, похожие то на сидящих людей, то и вовсе на каких-то чудовищ.

Он задыхался, сидор бил по спине, плечо горело под ружейным ремнем.

Наконец она остановилась, привалившись к почти отвесной скале, верхушка которой опасно свесилась, грозя вот-вот рухнуть окончательно. Уля тяжело дышала — видно было, как трепещет у горла кромка холщовой рубахи.

Он тоже остановился и медленно сполз на землю, усевшись под скалой, отцепил от пояса флягу с горькой солоноватой водой, сделал один рассчитанный глоток. Вода припахивала гнилью. Протянул флягу Уле.

— На, отпей. Только немного.

Она глотнула, капелька воды потекла по смуглому маленькому подбородку.

— Я найду воду, — сказала она, словно оправдываясь, — я умею чуять воду. И у меня еще есть. В бурдючке.

Оказывается, она не забыла прихватить с собой бурдюк.

— Не в этом дело. Будет резать в животе. Нельзя пить много после бега.

Она кивнула и вернула ему флягу.

— А вот есть нечего, — сказал он рассеянно.

Она прижала палец к губам.

— Слушай...

— Точно, — сказал он, — улары кричат. Туман поднимется, и я...

— Стрелять нельзя, — она покачала головой и приложила палец к губам, — услышат. Я сама...

— Эй, не... — он не договорил, но она уже гибким, неуловимым движением отлепилась от скалы и исчезла в тумане.

Улары гулко орали свое «уль-уль», доносившееся, казалось бы, со всех сторон, один или два кричали почти над ухом, но он так и не увидел ни одной птицы; их серовато-коричневое оперение сливалось со скалами, где они сидели.

Он беспокойно пошевелился. А если она ушла совсем? Убежала? Чего возьмешь с сумасшедшей? Он осознал, что оказался совсем один, непонятно где. Впрочем, взойдет солнце, можно будет определиться, вода пока есть, хотя и немного, большая часть осталась у девчонки, патроны есть... чего бояться? Чего я вообще испугался?

Он вспомнил недвижно стоящие черные фигуры. Теперь, когда туман быстро поднимался, растворяясь в бледном небе, он не был уверен, что видел их в действительности. Могло быть такое кратковременное наваждение? Морок? Люди, живущие бок

о бок с природными силами, всегда суеверны — и у этих суеверий есть основания, как бы нынешние материалисты ни старались уверять себя в обратном. Природа неразумна в человеческом смысле этого слова, но порой словно способна выделять из себя разумную волю, целеполагание, иногда дружественное человеку, иногда враждебное. Отсюда — удивительный, Ничем рационально не объяснимый опыт, с которым обязательно хотя бы однажды сталкивается любой путешественник.

Что-то выдвинулось из тени, он вздрогнул, непроизвольно схватившись за ружейный ремень, но это была Уля. Раскрасневшаяся, она торжествующе протянула ему двух мертвых птиц. Птицы были похожи на жалкие встопорщенные комки перьев, и когда он принял их, то понял, что головы их беспомощно болтаются еще и потому, что у обоих уларов свернуты шеи.

— Спасибо, — сказал он, поскольку больше сказать было нечего.

Она продолжала искательно глядеть ему в глаза.

— Спасибо, — повторил он, — ты молодец, Уля. Как это ты их...

И правда — как? Впрочем, местные жители всегда дадут фору городским, поскольку, хотя и владеют только теми навыками, которые позволяют выжить, но уж ими владеют в совершенстве.

Вид мертвых птичек вдруг возбудил острое чувство голода, хотя меньше всего их можно было сейчас назвать аппетитными.

А костер жечь нельзя, подумал он. И, словно услышав его мысли, девочка сказала:

— Сейчас нельзя... огонь нельзя... потом.

— Хорошо, — согласился он, сглатывая слюну.

Вокруг расстилалась каменистая осыпь, постепенно переходящая в унылую буро-серую равнину, сейчас, впрочем, кое-где сбрызнутую алыми капельками маков и островками свежей зелени. Туман совсем исчез, и видно было, как стремительно, точно чудовищный летательный снаряд, взбегающее в небо солнце заливает землю ослепительным рыжим светом. В распахнувшемся глубокой синевы небе,парили черные кресты ястребов.

Он вдруг ощутил то чувство абсолютной свободы, которое испытываешь в детстве, ускользая от бдительного ока взрослых; впереди еще долгий-долгий день — целая жизнь, полная удивительных чудес и сокрытых кладов, прекрасной безответственности, ударяющей в голову, точно искрящееся на солнце ситро.

Он поправил на плече ружейный ремень, подвесил сетку с

мертвыми птичками к поясу и сказал:

— Ладно, показывай свое гнездо.

Из книги «По отдаленным тропам (Дневник натуралиста)»

«Как хорошо идти навстречу новым удивительным приключениям, новым местам и животным ранним утром, когда солнце еще не раскалило добела окрестные каменистые равнины! Вещевой мешок (сидор) не липнет к спине, воздух прозрачен и чист, как бывает только в предгорьях, а местность вокруг, несмотря на свой суровый и неприютный вид, полна жизни. Пересвистываются сурки, то взлетают, трепеща крыльями, то вновь стайкой рассаживаются на сероватой почве светлые легкокрылые птички — рогатые жаворонки, парят в восходящих воздушных потоках ястребы, словно вышивая крестиком ярко-синее небо. Любой путешественник знает, как интересен и разнообразен даже самый неприветливый с виду ландшафт, тем более что меня гнало радостное предчувствие, знакомое любому натуралисту: девочка Уля, воспитанница лесника Михаила Рычкова, согласилась показать мне гнездо редчайшей красной утки, которая, по ее словам, обитает именно в такой вот, необычной для водоплавающих птиц, местности. Можете представить мое нетерпение и радость — шкура редчайшего животного, красного волка, уже стала замечательным итогом этой поездки, а теперь мне предстояло новое интересное открытие! Идти, однако, становилось все труднее: любой, когда-либо бывавший в этих краях, знает, сколь беспощадно местное солнце, особенно весной!»

Он нахлобучил на уши обтрепанную войлочную шляпу и теперь шел в своей собственной маленькой тени. Это была единственная тень в пределах досягаемости — стоящее в зените словно бы неподвижно солнце лишило теней камни и пучки травы, отчего все стало казаться плоским и каким-то ненастоящим. Даже сквозь подошвы сапог чувствовался идущий от земли сухой жар.

Воздух дрожал и преломлялся, отчего редкие маки плясали в воздухе, как язычки пламени. Отчаянно хотелось пить. Он глотнул из фляги уже начавшую припахивать воду и долго держал ее во рту. На какое-то время это помогло.

Неожиданно ему пришло на ум, что всему случившемуся есть вполне рациональное объяснение: скажем, укрытая в горах

опийная плантация, о существовании которой ни в коем случае не должны знать чужаки, — старуха и председатель наверняка в доле, а странная болезнь геологов (что, кстати, они все-таки тут искали?), возможно, объясняется не столько инфекцией, сколько злоумышленным отравлением. С ним самим, однако, другое дело — он путешествует в одиночку, и проще выдать его гибель за несчастный случай или просто заморочить ему голову так, чтобы он и не думал об укромных долинах в сердце гор.

Но если здесь неподалеку и правда опиумная плантация, тогда кто забирает сырье?

— Уля?

— Да? — девочка быстро обернулась к нему. Жару она переносила легко, даже не скинула свой тяжелый халат, только над бровями блестели бисеринки пота.

— В деревню часто приходят... чужие люди?

Уля быстро пожала плечами. Похоже, она не очень поняла суть вопроса.

— Лектор приезжал. Из района. Еще заготовители, продукцию принимать. А один раз даже кино показывали.

Она оживилась.

— Погасили свет в клубе, повесили белую тряпку, и там... ох ты! Картинки двигаются, смешно так. Большой город показывали. Люди за гробом шли, играли веселую музыку. Еще друг друга дудками по голове били.

— «Веселые ребята», — сказал он, — да... .

Нет, вряд ли заготовители. Просто кто-то приходит тайными горными тропами, граница здесь, в горах до сих пор линия чисто умозрительная.

— Почему играли веселую музыку, если похороны? У вас всегда так делают?

— Нет, — он в затруднении наморщил лоб, — это комедия, для смеха, понимаешь... Там не было покойника, просто они так тренировались. Учились хорошо играть музыку.

— Когда ты возьмешь меня в город, я тоже буду смотреть, как они ходят по улицам за гробом!

— Думаю, — сказал он, — что они уже больше не ходят по улицам за гробом. Они уже научились играть.

— Тогда, — она чуть заметно пожала плечами, — я просто посмотрю на дома. Я видела, там очень большие дома. Они там еще есть?

— Да, — сказал он, — большие дома еще есть.

Он возьмет ее в город? Он обещал ей? Или нет? События прошедшего дня воспринимались как-то смутно, колебались, казались то больше, то меньше, словно видимые сквозь линзу

раскаленного воздуха. Черт, как вообще все неловко получилось. Далеко впереди, у самого горизонта в небе дрожало пятно света. Солончак? Озеро? Впрочем, подумал он, неважно, если озеро, то наверняка соленое, с дурной мертвой водой.

Мухи стали кружиться у двух привешенных к поясу птичек — и откуда только они тут берутся? Уля обеспокоено потянула носом, потом печально сказала:

— Плохо. Нужно скорее съесть.

Запеченные в наспех вырытой глиняной яме птички показались необычайно вкусными, но чтобы протолкнуть их в пересохшее горло, ушла почти вся вода. Девчонка, впрочем, уверяла, что вскоре, ближе к закату, они выйдут к воде. Врала? Или и впрямь чуяла воду? Звери и птицы наверняка способны определять, где вода,даже с расстояния нескольких километров, но чтобы человек...

— Ты больше не боишься, что нас найдут по запаху дыма? — на всякий случай спросил он и тут же одернул себя; сейчас девочка казалась почти нормальной, а он нечаянно мог вновь возбудить в ней Очередной приступ подозрительности.

Уля равнодушно пожала плечами.

— Сейчас не опасно. Вечером будет опасно. Надо спешить. Нужны силы. Нужно есть.

— Вот как, — неловко сказал он, — значит, вечером...

Рытвины и трещины в почве сменились плотным жестким грунтом, и он вдруг понял, что они идут по старой, убитой, припорошенной пылью дороге. И это в пустынной местности, где до ближайшего города несколько дней нужно трястись на грузовике?

— Откуда дорога, Уля?

Девочка рассеянно отозвалась:

— Когда-то давно. Большой человек. Много людей. Очень давно.

Он знал: везде, от гор до соленого внутреннего моря, ходили рассказы о воинах Чингисхана, точно могучий поток переваливших через здешние холмы и пустыни. Местные жители уверяли, что странные пирамидальные насыпи камней, возвышающиеся тут и там, поставили по велению грозного хана его воины, каждый всадник положил по камню, а в результате — огромные насыпи по всей выжженной степи. Но не по дороге же они скакали на своих мохноногих лошадках?

Местность вокруг мало-помалу начала оживать: пролетели с гортанными криками белобрюхие рябки, с неба доносились песни жаворонков, а высоко над ними парил черный крест ястреба. Он машинально было потянулся к ружейному ремню, но Уля быстро

положила ему на локоть маленькую смуглую руку.

— Нельзя, — сердито сказала она, блестя зубами, — нельзя. Зачем?

И правда, зачем? Он вдруг подумал, что и не заметил, как его страстный интерес ко всему живому превратился в механическую тягу к убийству. Но когда-то же это произошло.

До сих пор он отговаривался тем, что его профессия важна для науки. Что тихони студенты, громогласные шумные аспирантки с папиросой в желтых, с обкусанными ногтями на пальцах, старенькие профессора (очки в тонкой золоченой оправе, козлиная бородка, бледные руки в старческих пятнах — когда эти люди последний раз были в поле?) будут изучать привезенные им из дальних странствий бесценные экспонаты, наверняка узнают что-то новое, важное и интересное. Что? Что вообще можно узнать, рассматривая шкурку мертвой птицы, мертвого зверя — пускай и обработанную по всем правилам таксидермического искусства? Определить их принадлежность к редкому и исчезающему виду? Ну ладно, определили. Дальше-то что?

— Извини, Уля, это я так, по привычке.

— Ты тоже будешь большой человек, — непоследовательно сказала Уля, — тебе не надо будет убивать. Покажешь пальцем — и все.

— И все... Ясно. Долго еще идти?

— Нет.

На рыжем иссохшем грунте наконец-то появились тени. Свет, отбрасываемый в небо далеким солончаком, сделался алым — в потемневшем глубоком синем небе плавало огненное пятно. Уля начала беспокоиться, она вздрагивала и быстро, торопливо оглядывала окрестности, точно вот-вот готовая вспорхнуть птичка.

— Ты чего? — на всякий случай спросил он.

Она приложила тонкий смуглый с беловатым полумесяцем ноготка палец к губам, прислушалась, покачала головой. Он на всякий случай тоже осмотрелся — девчонка обладала удивительным свойством, ее страх перекидывался на нормальных людей с той невероятной скоростью, с какой лесной пожар охватывает еще крепкие зеленые деревья.

Только теперь стало ясно: то, что он поначалу принял за холмы, оказалось занесенными песком и щебнем куполообразными древними постройками. Стены из растрескавшейся глины, кое-где грозившие вот-вот обрушиться.

На подобные оставленные поселения в этом краю он уже наталкивался — и не однажды. Все дело в воде. Уходит вода, уходят люди.

— Тут есть вода, — сказала Уля, словно угадав его мысли. — Совсем мало. Но есть.

— Хорошо, — сказал он, пожав плечами.

Похоже, им придется заночевать здесь. На деле ночь в таких развалинах опаснее, чем под открытым небом. Оставленные людьми жилища занимают не только филины и домовые сычики, степные кошки и лисы, но и ядовитые змеи и скорпионы.

Солнце опустилось еще ниже, в неподвижном воздухе висела красновато-золотистая пыль, все вокруг, казалось, было присыпано этой пылью, бархатно-переливчатой, точно пыльца на крыльях бабочки. Бурая растрескавшаяся земля тоже оказалась теперь где багряно-золотой, где лиловой, и среди этих быстро движущихся теней ему вдруг почудилось какое-то шевеление за камнем, влажный красноватый отблеск, словно бы там, припав к земле, прятался кто-то облитый сгустившейся на жаре бычьей кровью.

Он застыл, положив руку на ружейный ремень, но вокруг было тихо, только зудели вдалеке, на грани слышимости, невесть откуда взявшиеся зеленые мясные мухи.

— Я говорила, надо было убить его, — прошептала Уля.

Он досадливо дернул головой.

Галлюцинация. Голову напекло.

Но ведь не может быть у двух человек одинаковая галлюцинация. Или может?

Не галлюцинация — иллюзия. Воздушные зеркала, выпуклые и вогнутые воздушные линзы, любой предмет кажется то больше, то меньше, чем он есть на самом деле; а там, за обломком скалы, просто прячется раненая лиса, их здесь полно. Отсюда и мухи.

— Сейчас светло, — Уля по-прежнему говорила шепотом, — надо успеть. Когда станет темно, будет совсем плохо..

Он хмыкнул. Ночь в пустыне наступает стремительно.

— Смотри! Смотри!

Она схватила его за руку. Пальцы у нее были цепкие и горячие.

Сначала он не понял — птицы и птицы. Потом спохватился: пара уток летела над глинистыми холмами, порой почти касаясь земли. Утки действительно были красными — ярко-алыми, с пурпурным и золотистым отливом, лишь миг спустя он понял, что всему виной яростный закат, окрасивший их оперение в тона, скорее, присущие радостным птицам райских островов.

— За ними, — Уля подпрыгивала от нетерпения, продолжая тянуть его за руку.

Утки, пролетев еще немного, уселись на купол полуразрушенного древнего строения. Они все еще казались

красными, но уже цвета дотлевающих угольев. Самые обычные птицы. В отличие от него самого, они были частью окружающего ландшафта. Они были дома.

— Туда, — торопила Уля.

Он вырвал руку. На запястье остались красные следы от ее маленьких пальцев.

— Уля, — сказал он, — я передумал.

— Ты что? — ее узкие глаза отразили уходящий огонь заката. — Дурак? Нельзя «передумал». Надо скорей!

— Зачем? — спросил он.

— Гнездо. Они покажут гнездо!

Он покачал головой и понял, что звук, все время тревожащий его, умолк. Мухи прекратили жужжать и пропали — близилась ночь.

— Уля, — сказал он шепотом, потому что в небе стали медленно зажигаться зеленые звезды и мир вокруг настоятельно требовал молчания и тихой нежности. — Уля, зачем все это? Я больше не хочу ловить животных. Не хочу их убивать. Даже эти зоопарки, эти вольеры... Да, я знаю, ходить вот так, с ружьем и силками — это побег, единственный способ побега в наше время, другого способа нет, в городе сейчас гораздо легче пропасть, чем в горах, смешно, да? По городу ночью ездят черные машины, бесшумные машины, и люди, перетянутые в рюмочку скрипучими ремнями, люди с кожаными портупеями входят в подъезды чужих домов и уходят с добычей. И пока ты там, это может случиться с тобой в любую минуту. Как это случилось с моим профессором. С отцовским сослуживцем. С моим соседом-командармом... Но разве я не стал таким же воронком в ночи — для малых сих? Клетка в зоопарке, из которой выход — только в мусорную печь... десять лет без права переписки... какая разница? У них маленькая жизнь, полная опасностей, — лиса там, сова в ночи, я не знаю... ну, а я — как бы сверх того. Как бы лишнее зло, карающий огонь, судьба, мельница смерти, разлука с близкими, с домом... Зачем мне это? Я устал, Уля. Каждый раз, когда я возвращаюсь в город... моя жизнь прекращается. Я не живу, я просто считаю дни до новой экспедиции. До нового поля. Но ведь есть другие способы выжить. Ведь можно просто поселиться в заповеднике, на кордоне... никуда не уезжать, смотреть, как природа меняет наряды, как...

Ему ни с того ни сего вспомнился веселый бешеный взгляд Михаила Рычкова, и он осекся.

— Или уехать в маленький город, — сказал он безнадежно, — совсем маленький. Учить детей. Ходить с ними в походы по родному краю...

Уля вдруг толкнула его кулачком в грудь так злобно и яростно, что он не удержался, пошатнулся и с размаху сел на сухую землю.

— Ты что, — спросил он растерянно, — с ума сошла?

Вопрос прозвучал нелепо — поскольку мысль о безумии Ули все время маячила где-то на задворках сознания. Он остался один на один с сумасшедшей, в совершенно безлюдной, дикой местности.

Уля вдруг выругалась, замысловато и крепко, чего он никак не мог ожидать от скромной местной девочки. Скорее всего, сказалась суровая школа Рычкова.

— Э, — сказал он, — полегче!

— Ты зачем, — теперь она плакала злыми сухими слезами, — зачем говорил? Зачем врал? Говорил, ищешь красную утку. Я поверила. Привела тебя. А сам...

— Я не врал, — сказал он беспомощно, — я просто... ну вот подумай, Уля... вот сейчас я поймаю взрослую особь... взрослую птицу...

— Нет!

— Посажу ее... куда? В мешок? У меня есть специальный такой мешок. Увезу ее от ее пары, от ее гнезда. От ее дома.

— Нет! Гнездо! Гнездо!

— Что?

— Нужно гнездо, птица покажет! Покажет, где гнездо!

— Да мне и не заказывали гнездо, Уля. Разве что... птенца тоже нелегко довезти, впрочем.

— Тебе не нужно гнездо? — изумленно спросила Уля, закатившееся солнце продолжало страшно и неестественно полыхать в ее черных глазах. — Зачем же врал? Значит, ты ищешь камни? Как искали те, мертвые?

— Какие мертвые? Какие камни? Да что вы все твердите одно и то же!

— Страшные камни, камни-убийцы. Те, что молчат, лежат и убивают.

— Нет, — сказал он сердито, — ничего я знать не знаю Ни про какие камни-убийцы. Я ищу животных. Искал. Тьфу ты!

— Тогда пошли, найдем гнездо.

Опять двадцать пять. Разговор пошел по кругу; впрочем, от сумасшедшей чего ждать? Хуже всего было то, что и в своей собственной нормальности он уже не был уверен. Что здесь творится такое, что сводит людей с ума?

— Уля, — сказал он проникновенно, — ну его, это гнездо. Лучше давай выбираться отсюда. Ты говорила, тут есть вода. Наберем воды и пойдем. Ночью, по холодку. Где вообще

ближайший населенный пункт?

Уля как-то странно замычала, неразборчиво, словно сжимала зубами тряпку.

Он в ужасе взглянул на нее: бледное пятно лица плавало в наступивших сумерках, словно воздушный шарик. Она бессмысленно таращилась, пытаясь что-то выговорить, и он, проследив направление ее взгляда, тоже окаменел.

То, что пряталось за камнем, теперь стояло перед ними, пошатываясь на четырех лапах — влажно и черно блестя в полумраке: глаза, самосветящиеся бледным молочным светом, выкачены, как два мутных рыбьих пузыря...

— Это... — Он понимал, что нужно стрелять, но не мог заставить себя пошевелиться. — О господи!

«От страха ночного и от стрелы, летящей днем», — неожиданно всплыло в памяти, а он и думать забыл, что помнит.

Зверь стоял, покачиваясь на высоких ногах, потом медленно припал к земле. Все движения его были замедлены, словно он двигался в воде, но не оставляли сомнения в намерениях животного. Уля взвизгнула и бросилась прочь, слепо, не разбирая дороги, он, сбросив наваждение, сумел наконец преодолеть столбняк, подхватил ружье и выстрелил — бессознательно, поскольку разум его все еще не в состоянии был осознать происходящее. Вспышка на миг выхватила из темноты алое влажное мясо морды, белые глаза без век, оголенные до корней острые зубы.

Отдача ударила в плечо, одновременно выстрел отбросил нечто, заскулившее и перевернувшееся на лапах, и только когда он увидел, как нечто медленно, неуверенно, но упрямо вновь поднимается с земли, он тоже бросился бежать, как утопающий за соломинку, хватаясь за бесполезную «ижевку», которая сейчас только мешала ему в беге. За ним двигался влажный, блестящий сгусток тьмы.

Он петлял между полуразрушенными стенами древних строений, чьи купола сейчас темнели на фоне усыпанного звездами неба, один раз вспугнул большую мягкую сову, которая, гугукнув, нырнула во тьму, черканув ему по лицу пушистым крылом, потом развалины как-то незаметно кончились, пошли низкие холмики, было ни черта не разобрать, но тварь почему-то отстала, и он, стоя под огромным, страшным звездным небом, наконец-то смог осмотреться.

Его окружали низкие холмы, поросшие скудным жестким кустарником, частью полузасыпанные, обрушившиеся сами в себя, с чернеющими провалами, и он понял, что стоит на старом брошенном кладбище. Такие могилы — просто ямы в земле,

перекрытые жесткими ветками кустарника и присыпанные сухой землей так, что сверху образуется небольшой холмик, — были ему знакомы: со временем они становились не только прибежищем мертвецов, но жилищем барсуков и лисиц, степных кошек и крупных сов...

Один холм был выше и длиннее других — темный горб на фоне текучего сияния Млечного Пути, и оттуда, из-под него, из черного провала в земле, доносились какие-то звуки.

Он прислушался, по-прежнему держа ладонь на остывающем стволе ружья. Словно бы шипел и ворчал какой-то зверь, степная кошка, что ли, но потом он разобрал искаженную эхом человечью речь:

— Сюда! Сюда!

Бледное пятно показалось в яме, блеснули глаза — алым, почему алым? — узкая рука, повернутая к нему бледной ладошкой, парила в воздухе, точно огромная ночная бабочка. Он, не смея повернуться спиной к равнодушным, облитым звездным светом холмам, боком протиснулся в тесный провал.

— Уля? — шепотом спросил он темноту.

— Он сюда не пойдет. Ему нельзя.

— Приятно это слышать, — сказал он устало.

— Не убил его. — В темноте он слышал ее тяжелое, со всхлипом, дыхание. — Зачем? Я говорила, надо убить!

— А его вообще... — от нелепости произнесенного горло напряглось, и голос получился чужим, — можно убить?

Он не видел, как она пожала плечами, но черная коса, скользнув, прошуршала по шелку халата.

— Можно. Если серебром. Или если проткнуть сердце острой палкой. Или отрезать голову. Тогда можно. Тогда хорошо.

— Серебром, — сказал он, — хм... понятно. То есть... — Господи, что он такое говорит!

— А это вообще кто, Уля?

— Зверь, — ее дыхание, точно бабочка, трепетало у него на щеке, — человек. Зверь. Все сразу. Чужак.

— Чужак?

— У нас таких давно не было. Старики рассказывали. Приходят с севера. Чужаки. Мы их боимся.

Наверное, сплю, подумал он, только сон какой-то вязкий. Хочешь выбраться, а не можешь.

— Отдали меня ему, чтобы был доволен. Чтобы никого не трогал. Я боялась, плакала, все равно отдали. Я два раза убегала, он меня находил. Всегда находил. Бил после. Крепко. А ты сильный. Ты меня увезешь. Увезешь ведь?

Если это сон, подумал он, тогда ладно. Тогда можно.

— Увезу, — сказал он.

Он обнял ее одной рукой, второй по-прежнему придерживал ружье, поставив его между колен. Она прильнула к нему, она была горячая и по-прежнему пахла раскаленным на солнце металлом и горьким маслом. Грудь у нее была маленькая, точно у мальчика. А целоваться она не умела. Совсем.

— Ты будешь большим, — бормотала она горячечно, — будешь сильным. Теперь ничего. Не страшно. Мы уже совсем рядом.

Совсем рядом с чем? — хотел спросить он, но не спросил.

Темнота обволакивала их, как сухое войлочное одеяло, она и пахла, как сухое войлочное одеяло, — пылью, горячей шерстью, чуть-чуть мышиным пометом.

Вверху, в проломе виднелось небо. Отсюда казалось, что звезд неимоверно много, некоторые из них были круглые, точно плоды, некоторые словно бы шевелились, точно амебы или инфузории, а некоторые сверкали, как огни на елке, переливаясь синим, красным, желтым... Он никогда не видел такого звездного неба.

Он пошевелился: в яме — в сущности, могиле — оказалось неожиданно просторно, он смог распрямить спину и даже привстать с колен, не касаясь при этом ни стен, ни земляного свода. Теперь он вспомнил, что и насыпь над могилой была гораздо выше и длиннее, чем над остальными, раза в два, а то и больше.

— Странная могила, — сказал он, чтобы сказать хоть что-то. — Почему такая большая?

— Так ведь это могила великана, — отозвалась Уля тоненьким голосом.

Ну да, верно. Почти на каждом кладбище здесь есть такая вот могила великана — скорее всего, групповое захоронение или место упокоения местного князька. Никто не помнит, что там внутри, но если спросишь, все говорят: могила великана.

— Здесь, наверное, есть змеи, — сказал он.

— Ну да. Змеи и лисы. Пойдем.

Она тихонько потянула его за рукав. Он пошевелил рукой и наткнулся на что-то холодное, гладкое, но тут же понял, что это ствол отставленной в сторону «ижевки». Он какое-то время колебался, потом отнял руку — если что, все равно стрелять в таком замкнутом пространстве равносильно самоубийству.

— Ты же говорила, выходить нельзя, — он вдруг осознал, что вполне прижился внутри своего сна. Действительно, чему удивляться? Нельзя так нельзя. Снаружи караулит тварь с

содранной кожей... ну да, бывает.

— Гнездо, — сказала она упрямо.

— Уля, — он покрутил головой, некстати осознав, что хочет пить, — ну подумай: куда нам сейчас это гнездо? Что мы его, с собой потащим? Зачем? Я тебя и так возьму, я ведь обещал.

Если это сон, она просто растворится в нем, исчезнет, как ложка сахара в воде, если нет... документов-то у нее наверняка нет, никаких. Ладно, что-нибудь придумаем. Тем более это все-таки сон.

— Нужно гнездо, — твердила Уля, продолжая тащить его за собой с той особой силой, которую поначалу в ней было трудно предположить. Он покорно сделал несколько шагов во влажную тьму (наверное, здесь где-то действительно есть вода!), ударился макушкой о свод, пригнул голову, потом согнулся почти пополам, потому что коридор становился все уже и ниже. Уля шла впереди, юркая и невидимая во тьме, как ящерица-геккон.

Наконец тем шестым чувством, которое просыпается у людей, временно лишенных способности видеть окружающее, он угадал, что пространство вокруг него расступилось и он теперь стоит в некоей подземной полости, укрытой сверху плотным глиняным горбом.

— Ну и?.. — спросил он на всякий случай.

Уля молчала, звук ее дыхания мячиком отскакивал от гулких стен.

Он порылся в кармане, на ощупь достал обернутую вощеной тканью «ландриновую» жестянку со спичками, чиркнул. Красноватое пламя, отнесенное в сторону лаза, откуда они только что выбрались, осветило красно-бурое земляное возвышение, обрывки ковра, когда-то пестрого, а. сейчас тусклого, точно изъеденная сыростью половая тряпка, вытянувшиеся на глиняном ложе кости.

— Ох, — сказал он.

Уля по-прежнему молча подобрала с земли сухую ветку и сосредоточенно подала ее ему. Но спичка погасла раньше, чем от нее успело загореться дерево, и в наступившей страшной, слепой темноте он поспешно чиркнул новой спичкой.

Новый красноватый огонек осветил длинные берцовые кости, длинные, уложенные вдоль тела огромные кости рук, огромный череп с чудовищными выступающими надбровными дугами и глубоко ушедшими в кость глазницами.

— Это... что? — спросил он растерянно.

Акромегалоид? Чудовищное врожденное уродство? В лежащем на спине костяке было метра два с половиной росту. Кости рук и ног, грубые, плотные, были под стать черепу,

который мог с успехом противостоять прямому ружейному выстрелу.

— Великан, — чуть удивленная его непонятливостью, ответила Уля.

— Но это же... не человек!

— Конечно, нет, — сказала Уля терпеливо, как ребенку. — Это великан. Защитник. В каждом селении был такой. Они защищали людей от тех, кто приходит в ночи. Потом все умерли, но все равно защищают. Поэтому те, чужие, не могут пройти сюда. Им нельзя. Здесь защитник. Хозяин.

Она как-то очень по-взрослому, по-бабьи сцепила руки на животе и низко поклонилась великану. Ее черные волосы, аккуратно разделенные на прямой пробор, масляно блеснули в свете импровизированного факела.

Может быть, гигантопитек, продолжал лихорадочно думать он. Ну, считается, они вымерли, еще когда людей здесь и не было, но выжили ведь гориллы в Африке. Может, их уберегли местные суеверия, почтение, которое проявляли к ним беззащитные перед внешним миром, запуганные туземные племена?

Всему должно быть рациональное объяснение, подумал он. И той твари, которая преследовала их среди развалин, наверняка найдется какое-то рациональное объяснение, если он все-таки не спит, конечно.

— Великан, — повторил он послушно, — понятно. Спасибо, что показала.

— Какое «спасибо», — Уля опять начинала сердиться, — зачем «спасибо»?! Пойдем, тут гнездо. Надо гнездо.

— Здесь?

— Конечно. Красная утка гнездится в могиле великана, ты не знал? Конечно, не знал. Ваши не знают таких вещей.

Он опять огляделся. Никакого гнезда в пределах видимости не было, зато в стенах чернело множество отнорков. Сырость и характерный запах явно исходили именно оттуда.

Из книги «По отдаленным тропам (Дневник натуралиста)»

«Кто только ни живет в старых степных могилах! Благодаря характерной конструкции (яма, перекрытая ветками и хворостом, с насыпным холмом) в них со временем образуются провалы, сквозь которые проникают самые разнообразные животные — пернатые и четвероногие. Эти искусственные, созданные человеком совсем для других целей убежища населяют дикие

кошки, степные лисицы-фенеки, отличающиеся от обычных лисиц огромными ушами, увеличивающими площадь испарения жидкостей тела, что в жарких условиях немаловажно, барсуки, а из птиц — домовые сычики и филины. Гнездится в заброшенных могилах и красная утка.

Чтобы узнать, в какой именно могиле старого кладбища она устроила свое гнездо, достаточно проследить за самкой, однако здесь мне помог случай: я решил исследовать то странное сооружение, которое местные называют «могилой великана». Обычно это очень крупная насыпь, которую можно найти на любом старом кладбище, и, разумеется, я не мог не гадать, что она под собой скрывает. Воспользовавшись тем, что пресловутая «могила великана» давно обрушилась, я заглянул в пролом. Никакого «великана» в могиле, разумеется, не было, хотя пожелтевшие обломки костей наводили на мысль о каком-то давнем захоронении, но здесь меня поджидала неожиданная находка совершенно иного рода — из тех, что столь приятны любому натуралисту...»

Почти из всех отнорков сверкали чьи-то глаза, отчего казалось, что кто-то выставил во мраке несколько пар красноватых и зеленых круглых маленьких зеркал. Животные, обычно избегающие человека, сейчас выглядывали из своих убежищ, тлеющая ветка выхватывала из тьмы то острую мордочку лисы, то черно-белую полоску на носу барсука, то странно человеческое лицо крохотного домового сычика... самые разные твари сидели на пороге своих жилищ, и блестящие цветные зеркальца неотрывно следили за ним.

И тогда он сказал то, чего вовсе не собирался говорить.

Он сказал:

— Простите меня.

Поскольку не было здесь ни одного создания, чьего маленького собрата не держал бы он, окровавленного, в руках, не снимал шкурку, не ставил бы капканы или силки... Он вдруг, неизвестно почему, вспомнил заснеженную казахскую степь, которую пересекает скорый поезд, и там, за окном уютного, жарко натопленного купе серое небо сливается с серой поземкой, и тащится сквозь эту мутную мглу одинокий хромающий волк, волоча за собой намертво вцепившийся в лапу охотничий капкан.

Животные по-прежнему неподвижно сидели на порогах своих маленьких жилищ, лиса вылизывала лапу, держа ее на весу и широко растопырив черные острые пальчики.

— Уля, — сказал он, — Уля... Они говорят, что Бога нет, эти атеисты, лекторы, агитаторы... люди в портупеях, в бескозырках,

кто там еще... Они сбросили наземь колокола и превратили церкви в овощехранилища и скотобойни. Они смеются над старухами, они точно знают, что они правы. Что никто с нас не спросит. Никогда. За то, что мы натворили здесь, — никто не спросит. А если все-таки Бот есть? Как ты думаешь, Уля? Он же не только наш Бог. Он ведь и их Бог тоже. Все это его создания, его твари, и когда мы окажемся там... где все мы в конце концов оказываемся, кто подойдет к нам первым? Кто встретит нас, у райских врат? А что если, Уля, нам преградит путь не суровый старик с ключами за поясом, а вот эти? Если они будут сидеть у входа — окровавленные, с перебитыми лапами? Все эти собаки Павлова? Все экспонаты зоомузеев, все лягушки с рассеченным хребтом, обезглавленные, все лошади Гражданской с перебитыми ногами, все... Как ты думаешь, Уля?

— Не понимаю, что ты говоришь, — сердито сказала Уля, — надо скорей. Почему ты все время говоришь? Не надо говорить, надо ходить.

Она указала на единственную пустующую нору, зияющую темнотой.

— Я не хочу, Уля, — сказал он, — мне не надо. Уйдем отсюда. Утром просто уйдем отсюда, ладно?

— Ты ничего не понял, — Уля печально покачала головой, и он услышал, как звякнули вплетенные в косы серебряные кольца, — ты должен. Иначе мы умрем. Они нас убьют.

— Кто? — Плоские фосфорические зеркальца смотрели на него, не мигая. — Эти?

— Почему — эти? Эти — наши братья. Наши предки. Они нас любят.

— За что им нас любить, Уля?

— Потому что они — наши братья, — удивляясь его непонятливости, пояснила Уля, — ты же любишь своего брата?

— Я ненавижу своего брата. Мой брат — трусливый самодовольный чиновник. Я не понимаю, как у такого отца, в такой семье мог вырасти подобный сын!

— Значит, это не твой брат, — логично сказала Уля. — Вот твои братья. Они ждут. Они рады тебе. Иди. Я не могу. Ты должен.

— Должен что?

— Загляни в гнездо, — сказала Уля, забирая у него факел и становясь так, что свет падал у него из-за плеча расширяющимся и тускнеющим конусом.

Он неохотно опустился на колени и, упершись руками в сырую плотно сбитую землю, засунул голову в отверстие и тут же отдернул ее, услышав громкое шипение. Судя по звуку, змея была

очень крупная, не меньше той, что он убил у озера.

— Ты что? — спросила Уля за спиной.

— Змея, — сказал он, тяжело дыша. Руки, упирающиеся в грунт, вдруг мелко затряслись, а на лбу выступил холодный пот. — Там змея.

— Там нет змеи, — сказала Уля.

— Но вот же... шипит!

Уля тоже присела на корточки, отчего свет факела стал ближе и точнее, и он увидел, что шипит, широко раскрывая клюв, испуганная утка, сидящая на растрепанном гнезде из веток и соломы. Ее круглый глаз, обращенный к факелу, отсвечивал рыжим и красным, но сама она вовсе не была красной — так, буроватой, с грязно-белой полосой на крыле. Должно быть, потому что самка, подумал он рассеянно, уточки обычно окрашены скромнее селезней. А когда он видел эту пару в первый и последний раз, они были облиты красными лучами заката.

Утка, увидев, что шипением страшных больших хищников напугать не удалось, приподнялась на гнезде, растопырив крылья, смешно и жалко раскрывая клюв, отчего стал виден маленький острый язык.

— Черт, — сказал он, — Уля, что ты хочешь, чтобы я сделал? Ну, жалко же!

— Дорогая, — сказала Уля тоненько за его спиной. — Уважаемая! Сойди, пожалуйста, с гнезда. Ты сама знаешь, зачем мы пришли.

Утка по-прежнему шипела, растопырив крылья, но с места не трогалась.

Теперь он различил еще звуки — невнятный писк, возню, приглушенную мягкими брюшными перьями сидящей на гнезде утки.

— Там утята, — сказал он.

— Ну да.

Он протянул руку, пытаясь согнать утку с гнезда, она, еще шире растопырившись, распушив перья, чтобы показаться чужому человеку большой и страшной, ущипнула его за руку мягким клювом.

— Дурочка, — сказал он, — я ничего не сделаю твоим детям. Погоди.

Он осторожно отодвинул ее (она продолжала шипеть и щипаться) и увидел слипшуюся сырую соломенную подстилку, пустые скорлупы, нескольких смешных, одетых пухом комочков. Утка заволновалась и начала толкать его руку клювом, отводя от малышей. Он уже было убрал руку и вдруг замер. В гнезде, среди утят, копошилось что-то красноватое, такое же пушистое, но

более крупное.

И тихонько поскуливало.

Он осторожно подвел руку под мягкое брюшко и поднял на ладони. Четыре толстые лапки смешно свешивались по обе стороны ее, болтаясь в сыром воздухе. Утка, на которую больше никто не обращал внимания, снова плюхнулась, растопырив крылья, на гнездо, накрыв остальных птенцов. Она тревожно следила за его рукой, но словно бы успокоилась, примирившись с тем, что одного малыша у нее только что отнял большой страшный человек.

— Это не утенок, — сказал он глуповато, — это щенок.

— Это утенок, — сказала Уля у него за спиной, — и щенок. Это все сразу.

— Уля, — сказал он, — у утки не бывает щенков. У суки не рождаются утята. Так не бывает.

— Так бывает, — возразила она, — раз в тысячу лет. Царский щенок, царская добыча.

Щенок попискивал и тыкался ему в грудь, пытаясь забрать в беззубый рот пуговицу штормовки. Черт, его же надо как-то кормить. Ему нужно молоко. У уток не бывает молока. Тьфу ты, бред какой-то.

— Ты заберешь его, — сказала Уля, — он вырастет. Повелитель степей, князь ветра, пожиратель пространства, великая собака, сын красной утки,гордость хозяина.

— Это просто щенок, Уля, — сказал он, — просто маленький щенок. Хотя, наверное, вырастет большой собакой — смотри, какие толстые лапы. Интересно, как он сюда попал? Может быть, волчонок? Щенок красного волка? Приполз в гнездо, утка приняла его... слышал, так бывает.

— Это щенок, — сказала Уля, — его мама — утка. Она любит его, но отдает тебе.

— Да, верно, его лучше бы забрать отсюда. Он тут погибнет. Хотя... мы же не прокормим его. Может быть, подложить его в другую нору? У лисы наверняка свой выводок. И у барсуков.

— Он принимает дары, — сказала Уля, — он царь среди собак. Пойдем.

Она отвела факел от норы, и он успел увидеть гаснущее во тьме оперение красной утки, круглый черный глаз с огненным отблеском, отблеск становился все глуше и наконец пропал совсем.

Они прошли мимо лежащего на своем глиняном ложе великана, и когда нырнули в темный коридор, факел погас, но он понял, что темноты вокруг больше не было, а лишь мутная сероватая мгла, похожая на стоячую фосфоресцирующую воду.

Снаружи занимался рассвет.

Звезды в проломе исчезли, небо было пустым и зеленым, а с самого края — алым.

— А этот? — спросил он, вспомнив жирно блестящий сгусток мрака, таившийся где-то неподалеку.

— Этот? — Уля вдруг, откинув голову, презрительно засмеялась, смех дрожал и переливался в напрягшемся горле, — он не посмеет. Ты — царь! Ты мой мужчина! И ты — царь!

Она захлопала в ладоши и закружилась на месте, полы халата завернулись вокруг узеньких щиколоток, перетянутых завязками шальвар.

— Ты — господин мира, господин пустыни, у тебя в руках властелин ветра, несущий смерть, страшный, необоримый! Тебе поклонятся народы, ты возьмешь меня в большой город, князь большого города поклонится тебе, ты воссядешь на престол, я — по левую руку, властелин ветра — по правую, никто не посмеет тронуть нас! Никто!

Она подняла руки к небу в жесте то ли угрозы, то ли торжества, и он увидел стоящие меж горбатых могил, меж зияющих черных ям неподвижные черные фигуры.

Только теперь он понял, что это — просто деревенские старики, которых он раньше видел сидящими у стен своих глиняных мазанок, старики, одетые в бурки и высокие меховые шапки, отчего их фигуры в рассветном сумраке казались непривычно большими, нечеловеческими.

Уля выхватила у него из рук щенка и подняла на ладони. Щенок сидел, озирая вдруг открывшийся ему простор сонными молочными глазами.

— Вот! — закричала Уля на чужом, гортанном языке, который вдруг стал ему понятен, словно чужие слова сами собой рождались у него в мозгу. — Вы опоздали, хранители! Вот! Мой муж и царь, владетель великой собаки, вот он, стоит перед вами! Поклонитесь ему.

Старики, молчаливые, точно истуканы, вдруг распахнули бурки, и он увидел, что это — черные кожистые крылья, которые взвились и сомкнулись у них над головами, точно шатры.

В растерянности, обращаясь за поддержкой, он оглянулся на девочку Улю и увидел, что она тоже стоит, распахнув и воздев к небу черные кожистые крылья, и на антрацитовых их перепонках играет рассвет.

И старики, сложив крылья над головами, низко склонились, и положили что-то на землю, и попятились, и застыли в молчании.

— Вот, — сказала Уля, опуская щенка на ладони и передавая ему, — здесь сыр, и молоко, и вода, и вяленое мясо, и золотые

самородки, и барсовая шкура, а будут и другие дары, ибо ты царь, и царь сидит у тебя на руках. Повелевай ими, повелевай нами.

— Кто вы? — спросил он тихо.

— Мы — хранители, мы — сторожа пустыни, мы — древнее племя. Мы держим в своих руках нити жизни, пока мы есть, живое окликает во тьме живое.

— А... старуха?

— Старуха знает. Никто не должен пройти сюда. Никто чужой. Ты сильный, ты прошел. Сильному награда.

— Я устал, Уля, — сказал он, — эти звери... они смотрели на меня из своих нор так, как будто... Какая разница, кто тебя боится, Уля? Утка-подранок, лиса с перебитой лапой? Теперь я думаю, Уля... я ведь был для них — кем? Карающим богом, насылающим смерть — без суда. Какая разница — человек или зверь? Какая разница, Уля?

— Ты мой муж и мой царь, — упрямо сказала она, втолковывая очевидное.

— Ну, — он вздохнул, глядя на девочку Улю, на ее черные крылья, которые, постепенно складываясь, исчезали в прорезях халата, — какой же я царь? Времена изменились, Уля. Тут больше нет царей. Знаешь, что они, эти люди, делают с царями?

— Ты придешь в большой город, — сказала она, — все поклонятся тебе. Несущий смерть покарает отступников.

— Уля, — сказал он, — это просто собака. Честно говоря, собакам в городе положено носить ошейник, поводок, все такое. Намордник. Иначе будут неприятности. Зачем нам неприятности?

— Это князь ветра, — упрямо сказала она.

— Хорошее имя для собаки.

Он наклонился, поднял с земли плошку с молоком, обмакнул в нее палец и поднес к влажному черному носу. Нос пошевелился, крохотная пасть распахнулась и плотно охватила палец. Он осторожно подвел палец к плошке и смотрел, как розовый язычок зачерпнул желтоватое теплое молоко.

— Пускай поест и пойдем. Надо идти, пока не стало совсем жарко, — сказал он. — Такие маленькие щенки плохо переносят жару. У них еще не очень налажен теплообмен.

— Он вырастет и станет большим и страшным, — на всякий случай предупредила девочка Уля.

— Знаю-знаю, — сказал он, — и глаза у него будут как мельничные колеса. В райцентре есть знакомый ветеринар, надо будет попросить, чтобы он выправил ему документы. Попрощайся со старшими, Уля, и пойдем. Да, и собери подарки. Молоко быстро скиснет, но там вроде бы они принесли еще и творог.

Из книги «По отдаленным тропам (Дневник натуралиста)»

«Нет ничего лучше странствия по отдаленным краям, но разве не прекрасно оказаться дома, в старой московской квартире, и слушать, как шуршит, осыпаясь, прилипший к стеклу мокрый снег, как булькает вода в батареях центрального отопления — все такие знакомые, родные звуки. Князь Ветра, подаренный мне деревенскими стариками пес, сладко дремлет на своей подстилке, лапы его подергиваются во сне, ему снится лето и заповедник, куда меня пригласили в качестве консультанта — восстанавливать поголовье сайгаков и других редких видов антилоп. В таких условиях собака с пастушескими навыками станет неоценимым помощником. Кстати, при всех своих замечательных рабочих качествах и редком уме пес оказался беспородным, вернее, представителем одной из тех местных разновидностей, которых полно в каждом отдаленном горном селении. Впрочем, это не мешает нам с Улей его любить, а всем местным собакам — уважать и бояться его. Он же платит нам преданностью и, кроме меня и Ули, других хозяев над собой признавать отказывается.

Уля сидит за учебниками — она решила избрать профессию учителя младших классов, должно быть, следуя примеру своей замечательной старой учительницы, с которой мы до сих пор поддерживаем переписку. Сейчас она сдает экзамен по русской литературе и уже успела открыть для себя чудесный мир Толстого и Чехова. Я же пишу эти записки. Однако пора натягивать телогрейку и валенки — пес проснулся и выжидательно смотрит на меня, постукивая хвостом по полу».

ЕВГЕНИЙ ГАРКУШЕВ, АНДРЕЙ СОЮСТОВ
АРИЙСКАЯ НОЧЬ

Лютей и снежнее зимы
Не будет никогда, —
Эвакуированы мы
Из жизни навсегда.

Ах, мама... Ты едва жива,
Не стой на холоду...
Какая долгая зима
В сорок втором году.

В.Павлинов.

Иллюстрация Игоря ТАРАЧКОВА

Ветер. Петр Афанасьевич любил слушать его посвист, легкое позвякивание стекла в окошке. Бывало, лежишь зимой в мазанке на жарко натопленной печи, в выставленном бабкой на огонь чугунке аппетитно булькают щи, а за стенами свистит, свистит. А тебе в тепле так хорошо, что сердце заходится...

Пятидесятидвухлетний мужик смахнул невольно набежавшую на глаза слезу. Где то время счастливое? Куда ушло? Нет у него мазанки: разнесло еще летом германским снарядом. И супругу, Марию Григорьевну, тогда же схоронили. Сына Алексея еще в 41-м призвали в армию, а через месяц пришло извещение — «пропал

без вести». Кто он, Петр, теперь? Как есть бобыль. Никому не нужный и ни на что не способный. Дед, хоть и совсем еще не старый. Так его и ребятишки называют… Кабы не свояк — станционный смотритель, приютивший погорельца, — так давно бы уже загнулся этой второй военной зимой где-нибудь в степи.

Афанасич поморщился: правая нога, потерянная еще в империалистическую, неприятно зудела. Вообще-то инвалид давно привык к болям, но сегодня тянуло как-то особенно неприятно. Он встал с топчана и, опираясь на костыль, заковылял по комнате взад-вперед. Обычно это помогало. Но не сегодня.

Свояка в доме нет — видно, опять торчит в своей будке у разъезда. С тех пор как пришли немцы, смотритель обязан был лично присутствовать при проходе через разъезд каждого немецкого воинского эшелона. Поскольку составы шли к Сталинграду и обратно практически непрерывно, свояк предпочитал дневать и ночевать у железной дороги. Афанасич его не осуждал: всем жить хочется.

Нога продолжала болеть, и Петр понял, что, несмотря на поздний час, уснуть не сможет. Можно прогуляться к свояку. Фрицы время от времени делились с ним куревом, и свояк по-родственному заначивал табак для одноногого. Афанасич ценил заботу. Как мог, отрабатывал внимание, еду и крышу.

Покряхтев, инвалид вскипятил воду в закопченном до неузнаваемости чайнике, накинул драную телогрейку, натянул на здоровую ногу старый кирзовый сапог и, стараясь не разбудить беременную свояченицу, вышел в ночь.

Постоял на дворе, давая глазам привыкнуть к темноте. Подумал: хорошо, что у свояка, как когда-то у него самого, мазанка. Была б изба, фрицы бы ее давно по бревнышкам раскатали. С тех пор как фашисты свыклись с мыслью о предстоящей зимовке под Сталинградом, они устроили в окрестных деревнях настоящую охоту за бревнами и досками, спешно возводя из награбленного блиндажи и землянки.

Часов у Афанасича не было, однако висевшая прямо над головой луна наводила на мысли о полуночи. Шагать до разъезда — меньше километра. Но деревянный протез и костыль проваливались сквозь смерзшуюся корку наста.

Когда дед все же доковылял с кипятком до покосившегося указателя «Раз. Прудобой», телогрейка на его спине не только пропотела, но и смерзлась в бесформенный серо-грязный ком. Проклиная погоду, немцев и войну, Афанасич с трудом выбрался на тропинку, ведущую к будке обходчика. Сделал по ней шагов десять — и едва не врезался в немецкого часового. Фриц среагировал быстро. Дунул в свисток и присел на колено,

выставив оружие.

— Halt!

— Мил человек, дай пройти, Христа ради!

Вообще-то расквартированный на разъезде взвод охраны прекрасно знал в лицо безобидного инвалида. Так что обычно, немного покуражившись, Афанасича пропускали. Даже ночью и в комендантский час.

— H[a:]nde hoch!

Кротко вздохнув, Петр Афанасьевич осторожно поднял правую руку и повис всем телом на костыле. Левую руку, сжимавшую чайник, выше пояса задрать не получалось. Надо полагать, эта раскоряченная поза серьезно озадачила часового. Потоптавшись, немец осторожно приблизился. Ствол его оружия неотрывно смотрел в грудь инвалиду. Афанасич удивился: лицо и форма часового были совершенно незнакомыми. Внимательно осмотрев одноногого нарушителя режима, немец успокоился, опустил карабин.

— Du wer? Wohin gehen Sie?

— Дык, это, свояк у меня тут на разъезде смотрителем. Вот, понимаешь, кипяток ему несу. — Он чуть встряхнул булькнувшим чайником.

— Du der Partisan?

— Бог с тобой, мил человек! Найн, найн!

Но немец оказался недоверчивый. Недолго думая, врезал сапогом по чайнику, так что тот плюхнулся в снег и зашипел. Потом толкнул инвалида прикладом:

— Vorw[a:]rts!

Делать нечего, пришлось идти. Пока спускались с косогора к разъезду, часовой обменялся парой фраз с примчавшимся на свисток караулом. Форма на прибежавших тоже была незнакомой. Афанасич привык видеть охранников в серо-зеленых шинелях, а эти, новые, — в белых куртках, белых штанах и даже на каски у них нахлобучены белые чехлы. Такие в сугроб залягут — с двух шагов не разглядишь. Высокие, хваткие, мордастые — прежние охранники рядом с ними, как дворняжки подле овчарок. В разрезе белых курток инвалид разглядел черные петлицы с какими-то молниями. Подумал: «Связисты, что ли?».

Вот и разъезд. Афанасич удивленно замер. Несмотря на ночь, жизнь впереди буквально бурлила. На запасных путях за плотным оцеплением стоял окутанный паром состав: два сцепленных цугом паровоза, за ними — десяток вагонов и две большущие платформы. Несмотря на добрую половину жизни, проведенную рядом с железной дорогой, дед никогда не видел таких транспортеров. Навскидку у каждой платформы было по

четырнадцать—шестнадцать пар колес! На каждой высилось что-то большущее, прямоугольное, тщательно упрятанное под брезент и маскировочные сети. У основания насыпи суетилось человек сто немцев, в свете фонариков выгружая ящики и бочки. Другие громоздили у платформ штабелями деревянные шпалы: инвалид не сразу опознал в этом буреломе импровизированные пандусы.

Глазея на растревоженный муравейник, в который нежданно превратился прежде тихий разъезд, Петр Афанасьевич пропустил момент, когда к ним приблизился офицер. На его слегка обвисшей по краям фуражке дед в лунном свете разглядел изображение черепа с костями. Под сердцем кольнуло от неприятного предчувствия.

Солдат щелкнул каблуками и вытянулся. Офицер что-то резко спросил. Солдат ответил. Афанасич разобрал имя — «Фогель».

Офицер смерил русского презрительным взглядом, молча пожевал губами. Кинул руку к своей сдвинутой на поясе влево кобуре:

— Er wird schwatzen!

«О чем я буду болтать?» — успел удивиться Петр Афанасьевич, немного разбирающий гортанную речь оккупантов.

Потом прямо в лицо инвалиду треснул пистолетный выстрел.

* * *

Афанасич закричал и упал. С топчана на пол. Ошалело уставился на захлопнувшего за собой входную дверь свояка. Тот высоко поднял над собой керосиновую лампу и недоуменно таращился на своего родственника.

— Вы там совсем с глузду двинулись? — высунулась из-за занавески испуганная свояченица. — Я чуть не родила с перепугу.

— Приснится же такое, прости, Господи! — дед торопливо перекрестился. Зачем-то потрогал свое лицо.

— Тихо вы, — цыкнул свояк, приворачивая фитиль коптящей керосинки. — Эвона какие дела-то делаются. Немцы промеж себя лопочут, что наши под Сталинградом в наступление пошли.

— Бог им в помощь, — снова закрестился Афанасич.

— Немцам?

— Едрить их! Нашим, конечно!

— А ты чего орал-то? — поинтересовался свояк. — Я ж вроде не особенно громко дверью хлопнул. Или привиделось чего?

— Во-во, привиделось. Такие страсти, — всхлипнул Афанасич, но не стал ничего рассказывать. Вынул из кисета

оставшуюся щепотку табаку, свернул цигарку? вышел на крыльцо. Морозец был знатный, но густые тучи наконец-то разошлись — в небе сияли необычайно крупные, яркие звезды.

* * *

С востока опять тянула поземка, взбивая густые хлопья снежной пыли над белыми просторами необъятной России. Солнце скрывали густые серовато-синие облака, и на утреннем небе все еще висел лунный полумесяц. В царящем вокруг мире снега и стужи он тоже казался обледенелым и безжизненным.

— Волшебная картина. Мистическая, — резюмировал капитан Рудольф Ланге, закуривая первую сигарету после завтрака. — Есть в ней что-то от незабвенного Вагнера, светоча нашей культуры.

— Угу, — поддакнул обер-лейтенант Эрих Бауэр, поежившись от холода. — Прямо декорация для «Полета валькирий». Снег, лед, ветер — чем не Нифльхейм из скандинавских сказок, которые так обожает наш фюрер? Хотя, по-моему, в Скандинавии не так холодно.

— В тридцатые годы мне случалось бывать в Швеции с родителями. Гораздо теплее.

— Эри, ты имеешь что-то против фюрера или скандинавских мифов? — Ланге нарочито сурово взглянул на приятеля.

— Конечно, нет, Руди, — выражение лица Бауэра стало постным. — Просто мне кажется жуткой несправедливостью, что этим прекрасным ноябрьским утром фюрер не может разделить с нами радость созерцания русского ледяного царства. Верю: он пришел бы в неописуемый восторг. А уж бравый вид германских солдат, замотанных во что попало и похожих на пингвинов-голодранцев, вообще привел бы его в восхищение.

— Восхищение чем? — счел нужным уточнить педантичный Ланге.

— Разумеется, нашей подлинно арийской морозоустойчивостью!

Офицеры помолчали, вглядываясь в снежную даль.

— Должно быть, мы здорово нагрешили, раз Господь засунул нас в эту дыру. — Каждое слово капитана сопровождалось облачком пара, далеко вылетающим изо рта.

— Это не дыра, это «но-гай-ски-е сте-пи», — сообщил приятелю Бауэр, выдержав полуминутную паузу.

Ланге с нескрываемым отвращением окинул взором расстилающийся до самого горизонта белоснежный ковер:

— Эри, всем в полку известно, какой ты везунчик и зазнайка. Признавайся: про «но-гай-ски стэ-пьи» ты сам придумал?

— Ничего подобного, — без тени смущения парировал Бауэр, — у меня в роте есть один хиви[5], бывший учитель немецкого языка, вот он и просветил.

— С каких это пор ты. обер-лейтенант непобедимого вермахта и член НСДАП, стал верить этим русским унтерменшам[6]? — подначил товарища Ланге.

— С тех пор, как они остановили наш натиск под Москвой в сорок первом, — отрезал Бауэр. — Впрочем, культуры русским, несомненно, не хватает. Дикий народ.

Промчавшийся мимо рассыльный сообщил, что командир полка требует всех офицеров к себе. Вот и закончилась передышка...

Две недели тому назад русские штурмовики сожгли девятитонный штабной фургон «Магирус», так что теперь походный штаб 15-го моторизованного полка представлял собой весьма странное зрелище. Фактически, это была вырытая в глубоком сугробе и накрытая сверху брезентовым тентом траншея. С одной ее стороны был узкий вход, с другой же торчала тупая морда бронетранспортера. Двигатель машины мерно рокотал на нейтральной передаче. От нагревшегося капота несло чем-то горелым, зато температура под тентом была значительно выше, чем снаружи. По крайней мере, в штабе можно было снять перчатки, не опасаясь отморозить пальцы.

Свет фар бронетранспортера заменял люстру, придавая происходящему цирковую гротескность.

— Господа, — голос полковника был мрачен, если не сказать, зловещ, — как известно, вчера, 19 ноября 1942 года, русские крупными силами перешли в наступление севернее Сталинграда. Сегодня в восемь утра, после артподготовки, Советы танками и пехотой проломили оборону румын южнее города и устремились на северо-запад. Таким образом, наша застрявшая в Сталинграде 6-я армия охватывается силами противника сразу с двух сторон. Если подвижные части русских будут продолжать свое движение в прежнем темпе, то через день-два они займут наши переправы через Дон у Калача. Вся 6-я армия и часть 4-й танковой армии попадут в «котел». Во избежание этого командир 4-й танковой генерал-полковник Гот отдал приказ нашей 29-й моторизованной дивизии развернуться фронтом на юго-восток и нанести контрудар по наступающим силам противника. Наша задача: отбросить русских на исходные позиции и не допустить прорыва их танков к Калачу. Из-за погоды помощи от люфтваффе ждать не приходится. Господа, нам предстоит встречный бой. Выступаем в

десять тридцать. Впереди пойдет танковый батальон, за ним — мы, мотопехота. На этом у меня все. Разойтись!

Ветер, снова ветер... Он выжимал слезы из глаз, забивал ноздри и рот снегом. Видимость была отвратительной, но это не мешало 29-й моторизованной продвигаться вперед. Если бы не снегопад, то отдохнувшая и пополненная за время длительного стояния в тылу дивизия представляла бы собой величественное зрелище. Пять десятков панцеров 129-го танкового батальона широким клином вспарывали белую целину. По флангам торопилась самоходная артиллерия. В центре по сугробам, как по белым волнам, плыли полугусеничные БТР моторизованных полков. Замыкала шествие колонна тягачей с буксируемыми пушками. Воплощенная мощь великой державы, олицетворение превосходства немцев над дикими восточными племенами.

Впрочем, о величии арийской расы Бауэр сейчас не задумывался. Основная его задача — не выбить себе зубы о железные потроха раскачивающегося на кочках бронетранспортера. Обер-лейтенант сидел справа от водителя и изо всех сил старался сохранить хотя бы какое-то подобие равновесия. Фельдфебель Бляйхродт по прозвищу Фатти — «папочка» — старался вести свой «ганомаг» как можно аккуратнее, но это не помогало.

По рации пришло сообщение:

— Головной дозор 129-го встретил русских.

— Сигнал роте: к бою!

Через пять минут мчащаяся на всех парах моторизованная дивизия врезалась в боевые порядки наступающего врага. Как это произошло, сам Бауэр из-за снежной пелены не видел. Но не понять, что означают разом полыхнувшие впереди десятки орудийных вспышек, было невозможно. Танковый батальон уже сцепился с противником. Следующие на очереди были они — моторизованная пехота. В эфире творилось черт знает что: «Пипер-один, два ивана на 12 часов — бей!», «Пипер-один, это Леон, держитесь, мы на подходе!», «Вэтгауэр, я подбит! А-а-а!..».

Где-то позади ожил штаб и искаженным до неузнаваемости голосом полковника передал: «Всем ротам: вперед на максимальной».

Они пронеслись километра полтора и внезапно выскочили из снежного облака. Остановились перед подножием холма. Впереди, на исполосованном гусеничными траками склоне, чадно дымили угловатые коробки танков. Своих и русских. Русских было больше: противник явно не ожидал столь скорого и мощного контрудара.

— Неплохо. Похоже, наши раскатали штук двадцать

«тридцатьчетверок», — заметил привставший со своего места Бляйхродт.

— Да, но дозор мы потеряли, — невесело ответил Бауэр. — «Пипер» больше не выходит на связь. Давай-ка, Фатти, трогай дальше...

Тут-то их и накрыли.

Что произошло, обер-лейтенант так и не успел осознать. Просто на юге в небе появились огоньки, похожие на взметнувшуюся из костра гигантскую тучу искр, а потом... Потом наступила темнота. Бауэр ничего не слышал и не видел. Попробовал пошевелиться и понял, что не может. Легкие сжало с такой силой, что дышать не осталось никакой возможности. Еще немного, и он просто задохнется. Боже, дай мне воздуха! Я хочу жить. Я хочу дышать. Боже! Неужели конец?

Неподвижность и слепоглухонемое состояние испугали обер-лейтенанта до того, что он затрясся от ужаса. Затрясся? Так он жив?!

— ...! ...рих!

* * *

Кто это? Кто здесь?

* * *

— Эрих, ты жив? Сейчас я тебя вытащу. Эй, фельдфебель, нука взяли!

Прорвавшийся внутрь черепной коробки голос показался Бауэру смутно знакомым. Что-то заелозило по лицу — и, о чудо, в глаза ударил свет! Тусклый свет русского зимнего неба, который сейчас показался обер-лейтенанту невыносимо ослепительным. Со зрением, впрочем, что-то все же было не так. Маячившая перед Бауэром человеческая фигура казалась Эриху прозрачной. По крайней мере, Бауэр отчетливо видел позади нее второго человека, которого тут же и узнал — Бляйхродт. Без каски, в истерзанном и свисающем клочьями обмундировании, Фатти с пыхтением оттаскивал в сторону колесо «ганомага», какой-то неведомой силой оторванное от машины вместе с куском оси.

— Эри!

Обер-лейтенант дернулся от громкого окрика:

— Да?..

На закопченном до неузнаваемости лице капитана Ланге

прорезалась улыбка.

— Я уж было подумал, что ты оглох навсегда.

— Что со мной, Руди? Мне нужен санитар. — Каждое движение причиняло боль, но Бауэр заставил себя сесть.

— Полагаю, еще одна контузия, дружище, — излишне жизнерадостно сообщил Ланге. — А санитара нет. И роты твоей больше нет. Впрочем, моего батальона тоже.

— Как нет? — удивился Бауэр, шаря ладонью по заледеневшей земле в поисках опоры.

По земле? Интересно, куда делись сугробы? Неужели весь снег растаял?

— Привет от чертовых «сталинских органов». Русские еще называют их «ка-тью-ши». — Капитан сплюнул и поднялся с корточек. — Жуткая штука, Эри. Настоящая кара Господня. От всего батальона остались железные обломки, три десятка солдат да два офицера: я и ты. Где все остальные, черт его знает. Ни раненых, ни убитых. Видимо, их успели забрать с собой, а нас в заварушке боя просто потеряли. Полк вместе с дивизией сгинул. Связи нет. Нашу технику разнесло вдребезги.

Ланге поручил обер-лейтенанта заботам Бляйхродта и удалился, нетвердо ступая по выжженной земле. Бауэр смежил веки. И во второй раз за день потерял сознание.

* * *

Долго отлеживаться в беспамятстве Бауэру не дали. Капитан бесцеремонно влепил контуженому пару пощечин, а когда тот беспомощно заморгал, потряс перед носом Эриха своим кулаком:

— Не вздумай больше отключаться. Во-первых, замерзнешь. Во-вторых, ты мне нужен для встречи гостей.

Ох, как трещит голова. Каких гостей?

— Пока ты валялся носом в грязи, я перебинтовал тебе голову и послал двух солдат с биноклем на холм. Только что один из них вернулся — к нам движутся танки Иванов. Штуки четыре.

— Мы обречены, — меланхолично произнес Бауэр, сам поражаясь своему спокойствию. — Мы даже окопы отрыть в промерзшем грунте не сможем.

— Ну-ну, Эри, не все так плохо. — Ланге подмигнул обер-лейтенанту. — Есть одна идея... Сразу за моим батальоном шел противотанковый дивизион. Русские его тоже раздолбали, но одно орудие уцелело. К его прицелу мы тебя и поставим — ты же все равно сейчас у нас ограниченно-подвижный, верно?

— Допустим, — согласился Бауэр. — Но что я сделаю одной

пушкой против четверки русских танков?

— Выбора все равно нет... А я залягу с «хирургической пилой»[7] в воронке между твоим орудием и холмом.

— Зачем? От кого ты меня там собрался охранять?

— Не хотелось тебя расстраивать, дружище... Но русские идут с десантом на броне.

До орудия едва переставлявшего ноги лейтенанта дотащил Бляйхродт.

— Спасибо. Фатти, — Бауэр не без сожаления отлепился от спины Папочки. Осмотрелся.

— Что ж. все могло быть и хуже...

— Куда уж хуже-то, герр обер-лейтенант?! — Бляйхродт в попытке отдышаться наклонился и уперся руками в колени. — Уж лучше б я погиб там, в «ганомаге», вместе со своими ребятами. Я же с ними, почитай, с самой Франции с 40-го вместе топал...

— Отставить сопли, фельдфебель! — гаркнул Эрих, стягивая хрусткий, заледеневший брезент со щита орудия. — Когда я сказал «могло быть и хуже», то имел в виду, что нам могла достаться и 37-миллиметровая «колотушка»[8]. А у нас целая 75-миллиметровка Рак-40. Да мы из нее любого ивана насквозь просверлим! — Откровенно говоря, обер-лейтенант совсем не был уверен в последнем.

Следующие десять минут ушли на то, чтобы мрачно нахохлившийся фельдфебель вместе с пятком солдат под руководством Бауэра отцепили длинноствольную Рак-40 от завалившегося на бок тягача. Двигать почти полуторатонную пушку по разлохмаченной взрывами земле было не так-то просто: Бауэр сорвал глотку, подгоняя свой расчет. Ефрейтор Хартман приволок плоский деревянный ящик, вскрыл укупорку. Бронебойный снаряд блеснул латунью гильзы и нырнул в камору орудия. Фатти с лязгом запер затвор:

— Готово, герр обер-лейтенант.

Секунду спустя на гребне холма появились человеческие фигурки. Русские покрутились-покрутились на вершине и исчезли. Врага они не заметили. Из-за холма донеслось клацанье траков и звук газующих танковых двигателей.

— Идут, — почти всхлипнул Бляйхродт, распластавшийся по другую сторону казенника. Но Бауэру сейчас было не до павшего духом Папочки.

— Надеюсь, прицел не сбит? — Обер-лейтенант прищурился в оптику и положил руки на штурвальчики наводки.

В облаке сизого выхлопа над гребнем холма выпрыгнула сплюснутая по бокам башня первой «тридцатьчетверки».

Эрих плавно, почти нежно нажал на штурвальчики. На холм,

далеко выбрасывая из-под гусениц фонтаны перемолотого снега, въехал второй танк. В цейсовскую оптику Бауэру было отлично видно, как поверх русской машины, словно вороны на заборе, торчат силуэты пехотинцев.

Первый танк, второй, третий, четвертый... Прицельная марка точно легла ему на башню, потом сместилась чуть влево, добавляя упреждение...

Бауэр настолько сосредоточился на наводке, что самого выстрела даже не услышал. Просто в лицо вдруг дохнуло вонью сгоревшего пороха и жаром да казенник орудия дернулся назад, едва не снеся голову не вовремя приподнявшемуся Бляйхродту.

— Есть! — крикнул кто-то сзади.

Замыкающий танк русских клюнул пушкой и остановился. Людей с его брони снесло, словно ураганом.

— Фатти, заряжай.

— А? Что?

— Хартман, снаряд!

— Яволь.

БАНГ!

Огненный росчерк попал русским в башню, проломил ее броню и, очевидно, угодил в боеукладку. Вспышка, разнесшая Т-34 в куски, напоминала извержение вулкана. Очухавшаяся пехота противника кубарем посыпалась с уцелевших танков в снег...

Хартман без напоминания воткнул в камору третий снаряд.

БАБАХ! — метрах в двухстах позади Бауэра взлетел столб разрыва.

«Это уже русские. Но пока их танки ползают по гребню холма, мое орудие — в мертвой зоне!»

Третьим выстрелом лейтенант «снял» башню с предпоследнего танка русских. Хартман в восторге заорал. Бауэр рукавом шинели смахнул со лба пот — от чудовищного напряжения тот катил буквально градом:

— Снаряд!

— Есть!

Остался последний танк. С него наконец-то разглядели врага. Молотя из пулеметов и выжав полный газ, «тридцатьчетверка» ринулась с холма вниз — смять, раздавить! За танком цепью, что-то крича, спешили пехотинцы.

БАБАХ!

Уже ближе. Ударной волной Бауэра хорошо приложило о щит орудия. Двум рядовым повезло значительно меньше — сноп осколков просто разорвал их пополам. Третьего солдата при виде такой картины немедленно вытошнило.

Наскоро протерев глаза, Эрих вернулся к прицелу.

У подножия холма зашелся длинной очередью пулемет Ланге, заговорили карабины стрелков.

БАНГ!

Промах? Проклятье.

— Снаряд.

— Так...

— Снаряд, Хартман!

— Нет больше снарядов, герр обер-лейтенант. Их в тягаче было всего четыре.

— Что?!..

Танк, мчавшийся на орудие по прямой, идеально лег в перекрестие. На его борту, словно светлячки, плясали искры от пулеметных пуль — Ланге делал все, что мог. Но это теперь уже не имело никакого значения, коль у Хартмана не было снарядов.

— Да чтоб ты сгорел! — Бауэр в ярости дернул бесполезный сейчас спуск.

...БАНГ!

Танк полыхнул отметиной попадания. Размотал перебитую гусеницу. Замер. И зачадил.

— Как это вы?.. — у Хартмана отвисла челюсть.

— А я везунчик, — машинально ответил обер-лейтенант. С силой зажмурился. Открыл глаза. Посмотрел. Впереди, шагах в ста пятидесяти, горел русский танк. Последний. Четвертый. А под холмом в ближнем бою сошлись солдаты Ланге и русские пехотинцы.

Все еще потрясенный, Бауэр встал, перетянул из-за спины на грудь свой МР-40[9] и удивительно спокойным голосом приказал:

— За мной, ребята. Есть еще работа.

И все же они опоздали. К тому моменту, как Бауэр со своей командой подоспел к месту схватки, выстрелы уже стихли. Полдюжины русских убегали, петляя зайцами по склону холма. Измотанные до предела немцы их не преследовали.

Капитан сидел на краю воронки и стоически держал руки вытянутыми перед собой, пока ефрейтор Хоффман бинтовал ему ладони чистой тряпицей. Один погон на изгвазданной в глине шинели Ланге был вырван с корнем. Зато на голове Рудольфа красовался трофейный красноармейский треух.

Услышав шаги за спиной, Ланге обернулся:

— О, а вот и ты, дружище, — сказано это было без всякой интонации. Чувствовалось, что капитан устал до смерти.

— Что с руками? — Бауэр уселся рядом.

— Ствол пулемета перегрелся, — все тем же бесцветным голосом сообщил капитан. — Я бросился его менять. Вообще-то

для этого, как ты помнишь, есть асбестовые рукавицы. Но где бы я их нашел? Пришлось обходиться... У тебя троих не хватает — погибли?

— Двое — да. Фатти жив, но как-то раскис. Отстал — вон тащится.

— А у меня почти две трети полегло... семнадцать человек, — Ланге провел по почерневшему лицу чуть подрагивающей рукой, — Хоффман умудрился взять пленного — хорошо бы его допросить. Может, он знает, в какие тартарары провалилась наша дивизия? Утром, помнится, ты что-то лопотал по-русски, вот тебе и карты в руки. Я, кроме «рус, сдавайся», больше ничего ивану сказать не смогу. Ефрейтор, веди его сюда...

Восемнадцати—двадцатилетний русский был худ, небрит и бледен. У пленного уже отобрали телогрейку, ватные штаны, шапку и валенки, так что он приплясывал на мерзлой земле в гимнастерке, кальсонах и портянках. Глаза его глядели затравленно — как у молодого попавшего в капкан волчонка.

Понимать «русский язык» Бауэра парень напрочь отказывался, так что обер-лейтенанту пришлось выуживать необходимые сведения посредством мимики и жестов. Не похоже было, что солдат окончательно сломлен. Хоть и не молчал гордо, но время от времени в его словах сквозила плохо скрываемая ненависть. После некоторого раздумья Бауэр объявил:

— Похоже, наши прорвались в какую-то Тингуту, но на них там сильно наседают. Пожалуй, нам стоит поспешить — все лучше, чем бродить по степям.

— Тингута? — Ланге достал из планшета карту и присвистнул: — Ого, это железнодорожная станция километрах в тридцати отсюда на юго-восток.

Грохот внезапной короткой очереди заставил офицеров и Хоффмана немедленно растянуться на дне воронки. Когда они осмелились выглянуть наружу, русский неподвижно лежал с тремя дырками в спине. А рядом стоял зло ощерившийся Бляйхродт и менял магазин в своем пистолете-пулемете.

— Идиот! — выругался Ланге. — Зачем убивать пленного?

— При всем уважении, герр капитан, прежде всего это русский! — Фатти вытянулся по стойке «смирно». — Один из тех проклятых унтерменшей, что сегодня положили кучу наших хороших ребят. Животное в человеческом обличье. Фюрер призывает уничтожать таких без всякой пощады и жалости! — Глаза у Папочки горели безумным огнем.

— Похоже, у бедняги поехала крыша, — сделал вывод Бауэр, попутно размышляя над тем, что поступок Фатти значительно облегчил им жизнь. Таскаться с пленным полураздетым русским

совсем не хотелось. Но не убивать же его...

— Бывает, — чересчур спокойно ответил Ланге. Похоже, он сделал для себя такие же выводы, что и Бауэр.

— Может, отобрать у Фатти оружие?

— Черт с ним, — обреченно махнул рукой Ланге. — Нас осталось всего тринадцать — каждый боец на счету. Главное, мы знаем, где искать наших.

Бауэр заикнулся было: мол, неплохо бы похоронить погибших. На что капитан резонно возразил:

— Тогда уцелевшие рискуют присоединиться к павшим товарищам. Если на них тут, в открытом поле, наткнется новая русская часть. К тому же, возможно, мы сюда еще вернемся. На морозе тела хорошо сохранятся...

Мысль мало утешала, но с выводами капитана трудно спорить. Заботиться нужно о живых, а не о мертвых, и лейтенант ограничился тем, что организовал сбор личных жетонов погибших. Ланге добавил к ним боеприпасы, еду и теплые вещи:

— Мертвым это уже ни к чему, а нам пригодится. Русских покойников тоже стоит потрясти.

Бауэр не спускал глаз с Бляйхродта. Так, на всякий случай. Пока все вокруг суетились, Фатти сидел в сторонке и, зажав оружие между коленей, то ли молился, то ли просто нашептывал что-то себе под нос. Обер-лейтенант тихо подкрался к фельдфебелю сзади и заглянул ему через плечо. Папочка остановившимся взглядом уперся в извлеченное из чьего-то распотрошенного ранца карманное издание «Майн кампф» и, как заведенный, бубнил: «Русский большевизм есть новая, свойственная XX веку попытка евреев достигнуть мирового господства. Русский большевизм есть новая...». Ничего не сказав, Бауэр вернулся к Ланге.

Капитан хмуро протянул обер-лейтенанту целую стопку собранных половинок солдатских жетонов:

— Убери к себе, Эри. Пора уходить. Мало того, что завтра нам надо соединиться со своими. В поле мы попросту сдохнем, — мрачно сообщил капитан. — И ты, Эрих, не получишь очередной Железный крест, который, несомненно, тебе полагается. На ночь глядя у нас один выход: найти жилье, добыть себе тепло, еду и крышу.

— Угу, — согласился Бауэр. — Кстати, мне стало гораздо лучше. Странно, правда?

— Ничего странного, дружище, — Ланге вымученно подмигнул: — Не иначе дух победителя придает тебе сил.

— Я думал, что не скоро оправлюсь после контузии, — не принял шутливого тона Бауэр. — А ты? Не чувствуешь усталости?

— Прежде всего я чувствую желание выпить, — отозвался Ланге. — И отлежаться в тепле. В целом же все могло быть гораздо хуже.

— С этим не поспоришь. Но надо идти...

* * *

Скрип снега. Тяжелое дыхание. Лязг оружия. Они упрямо шагали на юго-восток — Хартман и Бляйхродт чуть впереди, следом за ними офицеры, а потом и все остальные. Русских видно не было, своих — тоже. Выгоревшие проплешины вокруг воронок. Дымящиеся остовы машин и танков. И снега, снега кругом. Где-то далеко впереди непрерывно гремела канонада...

Зимой в России темнеет быстро. Не прошло и полутора часов, как на степь упала ночь. «Интересно, сколько мы уже отмахали?» — задал мысленно вопрос Бауэр и не смог на него ответить. Обер-лейтенант уже давно перестал следить за пройденным расстоянием, сосредоточив внимание только на компасе, стрелку которого приходилось периодически подсвечивать зажигалкой.

Главное — не потерять направление. На юго-восток, только на юго-восток — туда, где гремят пушки!

Ноги от долгой ходьбы по проваливающемуся насту одеревенели. Кое-как ковыляющий впереди Бляйхродт фальшиво напевал: «Дойчланд, Дойчланд убер аллес...»[10], и от заунывности этого лейтмотива у Бауэра сводило зубы. Еще хуже приходилось Ланге: осунувшийся капитан едва шел, спрятав забинтованные ладони в карманах шинели.

— Шире шаг, — в который раз подал команду Бауэр. Тащить кого-то они просто не смогут, значит, нужно поторопиться, пока Рудольф еще в состоянии двигаться.

Темнота продолжала сгущаться. На юго-востоке ее то и дело рвали в клочья алые всполохи выстрелов, похожие издалека на полярное сияние. Над всей этой потусторонней картиной плыл бледный лунный серп, превращавший каждое движение внизу в пляску изломанных теней.

— Герр обер-лейтенант, — Хартман вдруг замер. — Вы чувствуете?

— Что именно?

— Дым, — ефрейтор привстал на цыпочки и несколько раз с шумом втянул ноздрями колючий стылый воздух: — Дымом пахнет. Не гарью, а настоящим печным дымом.

«Дым—печь—тепло!» — цепочка этих образов мгновенно промелькнула в измученном сознании Бауэра. И не у него одного.

Эрих буквально спиной почувствовал, как оживились солдаты.

Уже без всяких понуканий отряд ходко двинулся дальше — людей подгоняла надежда. Едва не толкаясь, дюжина окоченевших немцев преодолела еще метров сто, а потом степь наконец-то кончилась. Бляйхродт запнулся, нелепо взмахнул руками и исчез. Остальные какое-то время остолбенело пялились на то место, где только что был фельдфебель, потом дружно бросились вперед. И шумно рухнули с полутораметрового обрыва на лед замерзшей реки.

— Тихо! — яростно прошипел Ланге, заставив всех замереть в самых неожиданных позах. Целую минуту капитан испуганно всматривался в противоположный берег, но все было спокойно. Только сухо и уныло шумел на ветру камыш да едва слышно костерил товарищей погребенный под их телами Бляйхродт.

На фоне луны с громким карканьем промелькнул птичий силуэт. Бауэр проводил вестницу бед взглядом. Откуда и куда летит зимней ночью одинокая птица?

Когда карканье смолкло, капитан жестом подал знак продолжить движение. На всякий случай сняв оружие с предохранителей, тринадцать человек одним броском пересекли неширокую речку, продрались сквозь ломкие камыши и вскарабкались на плоский береговой холм. Отсюда деревня был видна как на ладони.

— Почему дым идет только из одной трубы? — спросил Бауэра Ланге, настороженно разглядывая дома.

— Жители погибли или эвакуировались, — предположил Бауэр.

— Скорее, второе: не вижу ни воронок, ни разрушений, — лежащего животом на насте капитана уже начинало колотить от холода.

— Тизенхгаузен, Хоффман — вперед, — скомандовал Бауэр. — Проверить!

Солдаты, путаясь в полах длинных шинелей, побежали к домам, перелезли через плетень у ближайшего к полю жилища. Через несколько минут кто-то из них крикнул:

— Чисто!

Почерневшие мазанки угрюмо смотрели на людей темными зрачками окон. Можно зайти в любой дом, но обер-лейтенант зашагал к тому, где горела печь. Им нужно тепло и совсем не помешает информация о том, что это за деревня и далеко ли русские.

— Есть кто-нибудь? — прокричал обер-лейтенант, распахивая дверь.

Никто не отозвался.

Тогда обер-лейтенант поудобнее ухватил пистолет, напружинился, досчитал про себя до трех и прыгнул в помещение. Упал, откатился в сторону, чтобы не маячить на фоне светлого проема.

Осмелев, обер-лейтенант медленно поднялся. Не опуская «вальтер», прошел через горницу в спальню — никого. Еще одна маленькая комнатка тоже пуста. Чуланчик слишком мал для того, чтобы уместить хозяев, но лейтенант заглянул и туда.

— Никого нет, — сообщил Бауэр товарищам.

Они проверили чердак, затем подпол. Хозяева исчезли неведомо куда — причем, похоже, только что.

— Не нравится мне здесь, — констатировал Бауэр. — Хартман, отведи капитана поближе к печке, пусть греется. Заодно сделай ему новую перевязку. Остальным — обыскать соседние дома.

Но поиск не дал результатов — во всяком случае, таких, на которые рассчитывал обер-лейтенант. Тизенхгаузен нашел приличный запас уже наколотых дров. Хоффман притащил огромный кусок сала — хватит, чтобы накормить всех. Странно, что местные жители не забрали такое сокровище с собой. Или они уходили в спешке?

Когда все собрались во дворе, обер-лейтенант обратился к подчиненным:

— Без часового оставаться нельзя. Но все вы замерзли и устали. Кто согласится дежурить первым?

— Я, — отозвался Бляйхродт.

— Минут через двадцать мы тебя сменим, — пообещал Бауэр. — А сейчас — к огню.

Заслонку печи отодвинули, впустив тем самым в комнату свет. Солдаты окружили печку со всех сторон и, пятная смерзшиеся шинели о побелку, с наслаждением вбирали в себя тепло. Остро пахло мокрой тканью, в воздухе повис пар.

Капитан сидел на лавке позади всех и, привалившись к печи спиной, тихонько хрипел. Бауэр потряс его за плечо.

— Руди, Руди, ты спишь?

— Задремал, — хрипло ответил Ланге.

— Поешь сала.

— Да, конечно, — вскинулся Ланге. — Мне не помешает подкрепиться.

Счастливый обретением тепла и еды, Хоффман выложил сало на деревянный стол, счистил в отдельную горку соль, порезал тяжелый кусок не слишком тонкими, но и не огромными ломтями. Клинок у хозяйственного ефрейтора был отличный.

Каждый получил по куску сала и зубчику чеснока —

полезный и нужный продукт был найден Тизенхгаузеном в погребе неизвестных хозяев, таинственно уступивших им дом. Начали жадно есть.

Хартман даже постанывал от наслаждения.

— В жизни ничего вкуснее не пробовал, — сообщил он спустя минуту.

— Это ты оголодал, — усмехнулся Бауэр. — Сало как сало. Немного с душком. Наш шпик лучше.

Молодой солдат — звали его, кажется, Ферстер, — проглотив свою порцию, вызвался сменить фельдфебеля. Никто не возражал. Бляйхродт, вошедший с мороза в тепло, довольно крякнул, впился зубами в кусок сала и едва не подавился.

— Как вы едите эту дрянь? — спросил он, швыряя кусок на стол.

— Не привередничай, Фатти, — нахмурился Бауэр. — Или тебе попался плохой ломоть? С краю?

Удольф поспешно отрезал еще один шмат сала, протянул его Бляйхродту.

— Похоже, издеваться над боевыми товарищами вошло у вас в привычку, — едва ли не со слезами на глазах бросил фельдфебель. — Что плохого я вам сделал?

Хартман забрал у Бляйхродта новый кусок, попробовал его сам.

— Что тебе не нравится, Папочка? Хорошее сало!

— Оно воняет! Совсем прогоркло.

— Да нет же. Свежее.

— Но есть его я не стану!

Бляйхродт отошел к стене, присел, а потом и прилег прямо на пол. Развязал дотоле болтавшуюся на боку сухарную сумку и извлек из нее скудные остатки сухпайка. Уныло прожевал кусок галеты.

— Все здесь провоняло русскими, — сообщил он через некоторое время. — Полы, воздух, сало, дым из печки.

Никто не ответил. Зачем спорить с фельдфебелем, который, похоже, помешался?

— Меняем постового через час. Всем спать, — скомандовал обер-лейтенант. — Завтра будем пробираться к своим.

* * *

Ночью воцарилась пронзительная тишина. Обезлюдевшая деревня словно подглядывала за вымотанными немецкими солдатами — молчаливо, страшно. Тоска и ужас нависли над

домами. Ни людей, ни зверей вокруг. Ветра и то не было. Лишь плотные тучи, скрывающие луну и звезды.

Бауэр вздремнул часа на три и вышел во двор, сменил часового, старину Хартмана. Стоял на крыльце, вглядывался в холодную темень, размышлял, куда исчезли хозяева дома. Словно сквозь землю провалились! Наверняка ведь где-то прячутся. Или бегут к своим, за подмогой. Но утром немецкие солдаты оставят варваров с носом. Уйдут в морозную степь, отправятся к Тингуте...

Страшный крик разорвал тишину. Кричали в мазанке, к которой Бауэр стоял спиной. Потом внутри послышался топот, возня. Обер-лейтенант рывком распахнул дверь, взял на мушку тех, кто был внутри. Как разобрать, кто свой, кто чужой?

Ему в лицо смотрели несколько стволов.

— Эрих? — осторожно спросил откуда-то из темноты Ланге.

— Да, — по возможности спокойно ответил Бауэр. — Что произошло?

— Папочке приснился кошмар. Его пытались утащить черти.

— А вы что так всполошились? Пусть бы тащили, — усмехнулся Эрих.

Кто-то из солдат хохотнул, но у большинства в глазах притаился страх.

— Заорали бы так у вас над ухом, герр обер-лейтенант, вы бы тоже вскочили! — убежденно заявил Хоффман. — Я думал, поседею.

— Фатти, что тебе приснилось? — мрачно спросил Тизенхгаузен.

— Я тоже не райские сады видел, но чтоб так орать...

— Шел я по полю, а из земли — когтистые лапы. Потянулись, вцепились и потащили вниз. И, главное, я почувствовал, что проваливаюсь сквозь землю. Как на болоте.

— Данте, «Ад», — констатировал Бауэр. — Читал Данте, фельдфебель?

— Еврей? — подозрительно поинтересовался Бляйхродт.

— Итальянец. Можно сказать, союзник.

— Макаронник, — отозвался Фатти. — Нет, не читал, а теперь и не стану.

— Выйди на воздух, подыши, — посоветовал фельдфебелю Ланге.

— Только чертей не гоняй. Людям надо отдохнуть.

* * *

Остаток ночи миновал без происшествий. Встали с рассветом, но какой рассвет зимой? Поздно... Бауэр умывался во дворе снегом, когда из мазанки показался Ланге. Вид у капитана был, мягко говоря, растерянным. Подойдя к приятелю, Рудольф с полминуты постоял, покачиваясь с носка на пятку, а потом решительно сунул под нос удивленному Эриху свои руки:

— Что скажешь?..

Бауэр не сразу нашелся с ответом. Еще вчера обильно покрытые волдырями и струпьями от ожогов, ладони капитана имели вполне здоровый вид. О вчерашних ожогах напоминали только небольшие шрамы и покраснения.

— Потрясающе, Руди.

— Сам глазам не верю. А ведь ожоги были сильными. Мне не показалось!

Солдаты собрались, дожевали ту сухпайную скудность, что еще водилась в сухарных сумках, и запили ее талым снегом. Проверили оружие. Уже готовились выступать, когда Бляйхродт предложил сжечь дом, в котором они ночевали.

— Зачем? — изумился Бауэр. — Привлечь внимание русских? Лишить себя возможности вернуться, если заплутаем в снегах? Или настроить против себя гражданское население? Никакой пользы, один вред. Даже если хозяева прячутся где-то неподалеку — пусть их. Вряд ли это закоренелые коммунисты. А то, что они не захотели с нами встречаться, вполне понятно. Любой предпочел бы переждать нашествие вражеских солдат в надежном укрытии.

Ланге усмехнулся:

— Может, ты еще и за постой им заплатишь, Бауэр? За продукты.

— Хорошая мысль, — Эрих кивнул, вытащил из портмоне купюру в пять рейхсмарок и, вернувшись в дом, положил ее на стол, придавив глиняной кружкой.

Бойцы посмотрели на лейтенанта с уважением. Великая немецкая культура учит благородным поступкам.

Вышли в степь и побрели к Тингуте. Через два-три километра по-прежнему исполняющий роль головного дозора Бляйхродт набрел на что-то, по выражению начитанного Хоффмана, напоминающее «лунную поверхность, покрытую кратерами». Уже порядком заметенные снегом, среди вздыбленной и окаменевшей на холоде земли высились пушки и автомашины.

— Русские, — сказал Ланге, осматривая место побоища, — их полуторки. А вон там — тяжелый «Клим Ворошилов» без башни. Похоже, наши сумели разнести целую колонну.

— Причем без особых потерь, — добавил Бауэр, — я не вижу

ни одной нашей подбитой машины. Авиация, артиллерия?

— Эй, Бляйхродт опять куда-то провалился. Похоже, у бедняги это уже входит в привычку.

Голова отчаянно ругающегося Папочки торчала из чего-то, напоминающего траншею шириной чуть больше метра. Заметить ее, заметанную снегом почти доверху, было непросто.

Когда отряд подошел поближе, Ланге, не сдержавшись, выругался. Не от злости — от удивления. Траншея оказалась не одна, а две. Строго параллельные, они начинались где-то на севере, пересекали кладбище русской техники и упирались в обезбашенный КВ. Корпус сорокатонного тяжелого русского танка при ближайшем рассмотрении оказался расплющен.

— Похоже на следы от гусениц, — поиграв желваками, озвучил наконец Ланге то, во что никак не могли поверить остальные.

— Когда я был в Берлине, со мной вместе лечился один танкист, — Бауэр прищурился. — Он говорил, что на заводах Хеншеля готовится какой-то подарок для большевиков. Но тот «сюрприз» должен был весить тонн пятьдесят — не больше. С такой массой вряд ли можно раскатать русский «призрак» в тонкий блин...[11] Как бы то ни было, похоже, что неизвестный гигант все-таки на нашей стороне, — постарался подбодрить своих людей обер-лейтенант. — Колеи его гусениц ведут точнехонько на Тингуту. А мы вчера в темноте приняли сильно в сторону... Так что давайте-ка просто пойдем по следам.

* * *

Бауэр свистнул в свисток:

— Хоффман, Тизенхгаузен, смените Бляйхродта, пока он еще куда-нибудь не свалился. Осталось совсем немного. Вперед.

Уйти, однако, далеко не удалось. Из-за спин солдат прорезался вначале едва слышный, а потом все быстрее и быстрее нарастающий рокот.

— Воздух! — закричал обер-лейтенант и первым нырнул головой в сугроб.

Рокот становился громче с каждой секундой. Уже можно было различить в шуме двигателей характерный шелест винтов, когда до Бауэра дошло: что-то тут не то. Звук доносился не сверху, он слышался значительно ниже. С земли?!

В следующий миг из-за небольшой возвышенности выскочили два окрашенных в белый цвет аппарата. Обтекаемые, вытянутые, подпрыгивающие на чем-то, напоминающем поплавки от

гидросамолетов, два странных транспортных средства буквально летели по снегу. Позади аэросаней бешено вращались диски пропеллеров.

Удивительные колесницы пронеслись мимо залегших солдат так быстро, что никто не успел и слова сказать. Только Хартман вдруг вскочил и заорал, бешено размахивая сорванной с головы каской:

— Эй! Стойте! Стойте, черт вас побери!

— В чем дело, ефрейтор?

— Кресты! На них кресты!

Спустя пару минут из ложбины, куда нырнули стремительные силуэты, раскатисто ударила пулеметная очередь. Потом еще одна. Пулемету ответили сухие щелчки винтовочных выстрелов. Следом громыхнуло несколько гранатных разрывов, и пулемет захлебнулся. Вместе с шумом двигателей.

Ланге с Бауэром, не сговариваясь, вскочили и побежали к ложбине. Вслед за ними припустили солдаты.

Взгляда вниз хватило, чтобы понять: дело, как говорят русские, «пахнет керосином». Один из аппаратов с оторванной лыжей беспомощно завалился на бок. Второй, судя по всему, с разбега врезался в первый. А к месту дорожно-транспортного происшествия полукругом методично стягивались фигурки с вещмешками за плечами. Человек двадцать или больше.

Русские энергично били из своих «трехлинеек», из-за аэросаней им отвечали редкие очереди немецких пистолетов-пулеметов. Сомнений в том, на чьей стороне преимущество, у Бауэра не было.

Русский, подползший ближе всех, взмахнул рукой. Хлопок гранатного разрыва подбросил вверх чье-то тело и заставил замолчать немецкие стволы. Красноармейцы радостно взревели, но, как оказалось, преждевременно. Из все еще оседающего облака взрыва появилась фигурка в белом, упала на колено и вскинула МР-40. Очередь в упор свалила ивана на спину, попутно вызвав целый шквал пуль в ответ.

— Эй, да там женщина! — Глазастый Хартман заметил вовремя юркнувшую за аэросани фигуру с копной длинных светлых волос.

Будучи в трезвом уме и твердой памяти, совершенно не представляя, сколько русских находится перед ним, обер-лейтенант Эрих Бауэр высадил вниз весь магазин своего МР и дико закричал:

— Вперед! В атаку!

Ланге и глазом моргнуть не успел, как вслед за лейтенантом в ложбину ссыпались Хартман и Хоффман, а за ними и остальные.

Стрелять на бегу — последнее дело. Но они бежали и стреляли. Бауэр опустошил второй магазин.

А потом началась рукопашная.

Русский со старшинскими знаками на полушубке судорожно пытался впихнуть в «мосинку» новую обойму. Понял, что не успевает и, перехватив винтовку на манер дубины, попытался огреть обер-лейтенанта прикладом. Бауэр поднырнул под замах, врезал русскому стволом пистолета-пулемета по зубам. Тот зарычал и выронил оружие. Лейтенант добавил противнику коленом между ног, но тут же сам полетел в снег от сильного удара по каске. Дальнейшие минуты три сохранились в памяти Эриха какими-то кусками. Вот Хартман сбивает русского с ног и всаживает ему в шею свой клинок. Вот молоденький Ферстер получает в грудь штыком и, вытаращив глаза, оседает. Вот озверевший Бляйхродт, оседлав упавшего врага, лупит его гранатой, как кастетом, по затылку. Вот ползет Тизенхгаузен, зажимая правой рукой простреленное левое плечо. А вот раскрасневшийся Хоффман, широко расставив ноги, полосует по убегающим русским из трофейного «Пэ-Пэ-Ша»...

«Что я тут делаю?.. Почему мы атакуем?.. Ах, да — женщина!»

Бауэр встал на четвереньки и пополз к аэросаням. Перебрался через несколько неподвижных тел в белой форме. Машинально отметил, что это не русские. Завернул за продырявленный пулями корпус и столкнулся с искомой особой лицом к лицу. Вернее — лицом к сапогам. Высокая стройная девушка в армейских стеганых штанах и белой парке с откинутым капюшоном сноровисто перезаряжала свой пистолет-пулемет. Глаза уколол блеск массивного золотого перстня с выбитыми двойными «зиг» — рунами в форме молний и схематическим изображением ирминсула, древнескандинавского символа мирового древа.

Но что там перстень и пулемет? Какая она была хорошенькая! Аккуратный носик, правильно очерченный рот, ямочки на щеках... Если бы не копоть на лице — прямо девушка из лучшего берлинского журнала мод. И совсем молодая.

— Фройляйн, с вами все в порядке?

Девушка поставила оружие на боевой взвод. Сверху вниз прохладно посмотрела на Бауэра:

— По сравнению с вами, обер-лейтенант, несомненно...

Эрих сообразил, как нелепо выглядит, продолжая пребывать на четвереньках, и смущенно выпрямился.

— Что касается остального — нет, не в порядке, — продолжила девушка, снова переключая внимание на поле боя. — Когда вляпываешься в засаду, это мало похоже на порядок, не так

ли?

Бауэр кивнул — в логике незнакомке отказать было нельзя.

— Кстати, обер-лейтенант, представьтесь, — в голосе девушки прорезались властные нотки.

Бауэр невольно подтянулся, а когда разглядел мелькнувшие в вырезе парки петлицы штурмбанфюрера СС, так и вовсе едва не щелкнул каблуками. Насколько, конечно, это было возможно в валенках.

Ничего себе пташка! А какие у нее голубые глаза!

— Обер-лейтенант Бауэр, командир первой роты первого батальона 15-го моторизованного полка 29-й моторизованной дивизии.

В ложбине ухнули гранаты. Затем все стихло. Ошеломленные неожиданной атакой с фланга русские отступили. Слышно было, как Ланге созывает солдат и проводит перекличку.

— Как здесь оказались? — продолжила допрос штурмбанфюрер.

— Во время столкновения с противником понесли большие потери, лишились техники и отстали от основных сил полка. Теперь следуем к Тингуте: от пленного узнали, что там находятся части нашей дивизии.

— Механик-водитель есть?

— Бляйхродт! — гаркнул Бауэр.

Фельдфебель обежал аэросани, выпучил глаза при виде знаков различия офицера СС, но тут же нашелся и козырнул.

— Это вездеходы Триппеля, — пояснила девушка. — На них стоят практически такие же карбюраторные двигатели, как на «ганомагах». Сможете запустить винт на второй машине?

— Так точно.

— Отлично. Марш в вездеход, — приказала штурмбанфюрер. Повернулась к Бауэру: — Пусть остальные ваши солдаты, обер-лейтенант, оттолкают ее на чистое место, чтобы я могла продолжить движение.

— Слушаюсь!

Эрих бросился исполнять приказание и налетел на капитана.

— Отличная атака. Но, признаться, такого идиотизма я от тебя не ожидал. Без всякой подготовки — в лоб… О! — Ланге увидел спутницу обер-лейтенанта и осекся.

— Капитан, я штурмбанфюрер СС Вернер. Ввиду особой важности имеющегося у меня боевого задания фельдфебель и обер-лейтенант поступают в мое распоряжение. Приказываю вам оказать помощь моим людям в случае, если кто-то из них еще жив. С опрокинувшимся вездеходом не церемоньтесь: чинить его некогда и нечем. Вытащите пулеметные ленты и канистры с

бензином. Саму машину сожгите. После этого двигайтесь дальше к Тингуте. Будьте осторожны — хотя контрудар 29-й моторизованной отбросил большевиков, но в степи все еще попадаются их разрозненные группы. Все понятно?

— Да, но...

— Никаких «но», капитан. Речь идет о высших интересах рейха. Пожалуй, я еще захвачу вот этого ефрейтора — его лицо внушает мне доверие... Как звать?

— Хартман, госпожа штурмбанфюрер!

— Полезайте в вездеход, Хартман, и становитесь к турели. Зачехленное орудие не трогайте, а пулемет — ваш.

Перед тем как Бауэр захлопнул за собой дверцу, Ланге успел поймать его за локоть:

— Ну что? Тебе опять везет? Уносишься в компании валькирии-блондинки, а нас оставляешь глотать русский снег?

— Руди, будь моя воля...

— Да это я так, в шутку. Береги себя, Эрих.

Бляйхродт тронул рычаг газа, лопасти винта слились в один призрачный диск, и вездеход умчался, осыпав капитана тучей снега.

Передвигаться в аэросанях оказалась вовсе не так комфортно, как выглядело со стороны. Аппарат то и дело дергался и подпрыгивал на неровностях, а надсадный рев установленного практически открыто двигателя заставлял общаться криком. Проникающий сквозь пулевые отверстия в лобовых стеклах ветер больно стегал по лицу. У Бляйхродта, который вел вездеход, слезились глаза, но фельдфебель в присутствии грозной эсэсовки не смел не то что их вытереть, но даже на секунду снять хотя бы одну руку с руля.

Штурмбанфюрер сидела по правую руку от цепенеющего вояки и упрямо старалась заправить свои длинные волосы под подобранную где-то шапку. Наконец ей это удалось. Облегченно вздохнув, девушка повернулась к вцепившемуся в спинку ее сиденья Бауэру:

— Обер-лейтенант, три вопроса. Первый: ваша кровь чиста?

Бауэр слегка удивился, но твердо прокричал в ответ:

— Я чистокровный ариец.

— Отлично, — штурмбанфюрер удовлетворенно кивнула. — Другим опасно работать с нашим оружием. Вопрос второй — ваш фельдфебель. Он ариец?

— Я ненавижу русских унтерменшей, — выкатив глаза, заявил Бляйхродт. — Регулярно читаю «Майн кампф»!

— Ненавидеть и читать мало, — отрезала девушка. — Мне не вполне нравятся пропорции вашего черепа... Впрочем, выбора у

нас все равно нет.

— А еще вопрос, герр штурмбанфюрер? — посмел напомнить Бауэр. — Вы сказали, что у вас ко мне их три...

— Третий вопрос, — фройляйн Вернер подняла глаза чуть выше лица обер-лейтенанта: туда, где в турели трясло в обнимку с пулеметом Хартмана. — Третий вопрос...

Голова ефрейтора вдруг взорвалась россыпью кроваво-красных капель. Обмякшее тело рвануло назад и буквально вышвырнуло за борт.

— ...Третий вопрос отпал, — спокойно сообщила девушка. — Фельдфебель, прибавьте газу. Не то следующий выстрел снайпера достанется вам.

Бляйхродт испуганно сгорбился и выполнил приказ — погнал вездеход вперед с такой скоростью, что, казалось, сани летят над степью.

— Разрешите и мне, госпожа штурмбанфюрер, — снова набрался смелости Эрих, ошарашенный как внезапной смертью боевого товарища, так и полным презрением к ней со стороны спутницы.

— Слушаю вас, обер-лейтенант.

— Мы направляемся в Тингуту с донесением?

— Мы направляемся туда в качестве главной ударной силы вермахта на данном участке фронта.

— Разрешите еще один?

— Слушаю.

— Как вас зовут?

Девушка нахмурилась, потом, видимо, решила, что дерзкий обер-лейтенант просит не так уж много. Как-никак там, в ложбине, он спас ей жизнь.

— Эльза, — ответила штурмбанфюрер. — А вас, обер-лейтенант Бауэр?

— Эрих.

— Хорошее имя.

Аэросани вылетели на очередной пригорок, и Бауэр едва сдержал стон. Перед ними раскинулось поле, до отказа заполненное русскими войсками. Танки, орудия, грузовики, пехота и даже всадники...

— Механизированная бригада Советов, — перекрывая рев двигателя, прокричала в самое ухо лейтенанта девушка. — Похоже, Бауэр, наша дивизия отрезана!

— У нас хорошая скорость, госпожа штурмбанфюрер. Успеем уйти?

— Что вы, обер-лейтенант. Сейчас мы уничтожим весь этот сброд, — совершенно серьезно заявила Эльза.

— Одним пулеметом?!

— Разве я сказала что-то про пулемет? Помогите мне расчехлить орудие. А вы, фельдфебель, сбросьте обороты двигателя.

* * *

Непостижимое спокойствие девушки буквально завораживало обер-лейтенанта. Пусть им суждено умереть — в присутствии такой красавицы Бауэр решил сделать это красиво. Главное, оставить последнюю гранату — для них с Эльзой.

Признаться, чехол поставил лейтенанта в тупик. По крайней мере, раньше офицер вермахта не сталкивался с тем, чтобы орудия зачехляли не грубым брезентом, а тонко выделанной кожей, изукрашенной непонятными надписями и многоконечными звездами. Он даже обернулся к Эльзе, надеясь спросить ее о том, что за оружие установлено на вездеходе, но в ответ получил лишь приказ поторапливаться.

Под чехлом оказался не пулемет и не пушка. Такого устройства обер-лейтенанту прежде видеть не доводилось. Объемистый серебристый кожух соединялся с расширяющейся трубкой большим прозрачным кристаллом. Вот и все орудие…

Штурмбанфюрер СС оттолкнула оторопевшего обер-лейтенанта, протиснулась в турель и крепко взялась за ручки диковинного аппарата. Раструб, который, пожалуй, являлся подобием ствола, начал разворачиваться в сторону скопления русских войск.

— Вам помочь, госпожа штурмбанфюрер? — спросил Эрих.

— Каждый, кто прикоснется к оружию возмездия без допуска, пойдет под трибунал, — сверкнув на Эриха глазами, заявила Эльза. — Ваше дело — отгонять из пулемета мелкие группы противника. Будьте готовы, если у нас не выйдет разогнать этот сброд, взорвать вездеход. Ни мы, ни наше оружие ни за что не должны попасть к русским!

— Слушаюсь!

Между тем русские засуетились. Два легких танка развернулись в сторону замеченного вездехода. Впереди бежали несколько пехотинцев. Вот один из танков слегка довернул башню, опустил ствол автоматической пушки… Высверк. Короткая очередь ушла куда-то дальше, за холм.

— Получайте, ненавистные! — яростно воскликнула Элизабет, нажимая на гашетки.

Выстрела не последовало. Не произошло вообще ничего.

Раструб странного ствола флегматично смотрел в сторону железнодорожной станции. Русские танки продолжали переть вперед, как ни в чем не бывало. Только опередившие их солдаты вдруг стали валиться в снег. Если Эриху не изменяло зрение, некоторых из них словно разрывало изнутри. А Эльза поворачивала раструб аппарата все дальше, в сторону основного скопления войск.

Две, а потом еще три яркие орудийные вспышки впереди дали понять, что русские начали принимать нежданных гостей всерьез.

— Фельдфебель, полный газ! Вниз и вправо.

Русские открыли шквальный огонь. Вездеход словно танцевал, шарахаясь то влево, то вправо. По сторонам рвались снаряды. Тонкий корпус машины периодически вздрагивал, насквозь прошиваемый иззубренным металлом. Однако экипажу везло. Все были живы, хотя Бляйхродту осколок оторвал каблук на сапоге. Бауэру располосовало рукав шинели. Эльза, похоже, вообще была заговоренной от металла. Закусив губу, она болталась на турели и тщетно пыталась прицелиться.

— Не дать им уйти, — бормотала девушка. — Проклятые кочки... Помогите мне, обер-лейтенант!

Не думая о трибунале, Эрих переместился за спину Эльзы, схватился за рычаги немного ниже рук девушки. Прекратить хаотичные рывки раструба оказалось не так легко. Теперь, находясь позади Эльзы, Бауэр рассмотрел перекрестье прицела таинственного оружия, и толстую линзу. Через нее был виден мертвенно-синий свет, который поражал русских. Словно прожектором, Эрих водил лучом по вражеским позициям, одновременно невольно обнимая девушку. Такого наслаждения от уничтожения врагов обер-лейтенант не испытывал ни разу в жизни. Торжество победы сливалось с сексуальным возбуждением — волосы Элизабет пахли хорошими духами, а не вшивыми окопами. Ее волосы щекотали его огрубевшую на морозе щеку...

Рядом кто-то пронзительно взвыл, но Бауэру сейчас было не до того. Даже когда винт вездехода перестал вращаться и машина, не закончив очередного виража, замерла, Эрих не оторвался от прицела.

Между тем в рядах русских воцарилась паника, беспорядочная и совершенно бесполезная.

Словно невидимая коса смерти прошлась над их позициями. Шарахались потерявшие седоков лошади. Замолчали орудия. Беспомощно взрыкивали двигателями, но не двигались с места танки. Десяток еще живых красноармейцев попытались найти укрытие в канаве, но удачным движением рук обер-лейтенант

достал русских и там. Вспотевшие ладони Эльзы съехали по рычагам наводки чуть ниже, коснулись заскорузлых пальцев Бауэра. Бауэр замер, стремясь продлить это обжигающее чувство единения.

— Хватит, — сказала девушка спустя пару минут и отпустила гашетки. — Все кончено. Пустите меня, обер-лейтенант.

— Извините.

— Мы не на балу, — мрачно усмехнулась Эльза и, помолчав, добавила: — Эрих.

Она все-таки запомнила имя!

— Теперь меня расстреляют? — поинтересовался Бауэр.

— Скорее всего. Впрочем, у вас есть еще один путь. В войска СС, в нашу команду. Я буду ходатайствовать о переводе.

Слабый стон заставил молодых людей обернуться. Увлеченные друг другом, они не заметили, что Бляйхродт сжимает голову руками, словно пытаясь не дать ей лопнуть. Из носа фельдфебеля на руль текли тоненькие струйки крови.

— Отдача, — усмехнулась Элизабет. — Ваш товарищ оказался не такой чистой крови, как мнил. Скорее всего, в его роду имелись евреи.

— Почему вы так решили?

— Строение черепа, — ответила Элизабет. — К тому же карающий луч по-разному действует на представителей разных рас. У русских останавливается сердце, а некоторые словно выгорают изнутри. У евреев взрывается голова. Цыгане сходят с ума. Негров разбивает паралич. Японцы, как правило, пытаются себя убить. И не надо так на меня смотреть: да, мы проводили опыты и на союзниках. Тех, кто больше не внушал нам доверия.

— Я смотрю на вас вовсе не так, госпожа штурмбанфюрер, — прошептал обер-лейтенант.

Девушка подмигнула.

— Только без глупостей. Попытаетесь меня поцеловать — пристрелю.

— Поцеловать? Отчего вы решили, что я намерен совершить столь безрассудный поступок?

— Слишком глупый у вас вид, — заметила Эльза и отвернулась от Бауэра. — Фельдфебель, соберитесь! Все кончено, мы едем дальше. Вытрите кровь.

— Фатти провел ладонью по лицу, тупо посмотрел на измазанные в крови рукавицы.

— Это было ужасно, — сообщил он непонятно кому.

— Наверное. Вы оправились?

— Никак нет. Позвольте выйти на пару минут.

Эльза расхохоталась, и счастливый осознанием пришедшей

любви Бауэр — вместе с ней. Бляйхродт спрыгнул в снег и исчез за кормой вездехода.

— С фантастической победой вас, фройляйн, — поздравил Эрих, лишь бы что-нибудь сказать, пока они не двинулись навстречу новым опасностям. — Целая бригада русских!

— И вас, обер-лейтенант, — отозвалась девушка. — Только перестаньте причитать. Вам не к лицу.

— Она неожиданно резко придвинулась к Эриху и поцеловала его в губы — мимолетно и нежно, так, что почти нельзя было понять, случилось это или нет.

— А как же...

— Молчи! — приказала она.

* * *

Бауэру самому пришлось сесть за руль — Бляйхродта все еще трясло после пережитого. В полном молчании они пересекли место невиданного побоища. Обер-лейтенант старался объезжать мертвых, но тех было слишком много, и время от времени машина неприятно подпрыгивала.

— Меня мучает один вопрос, — признался наконец Бауэр. — Почему, имея такой устрашающий излучатель, рейх применил его только сейчас?

— Должно быть, вы невнимательно слушали последнюю мюнхенскую речь фюрера, — покачала головой Эльза. И наставительно процитировала: — «Моя практика — применять новое оружие только тогда, когда старое становится фактически бесполезным!».

До Тингуты добрались без помех — буквально долетели по гладкому снежному полю. Возле железнодорожного переезда перед вездеходом выросли из сугробов четверо солдат и унтер-офицер. Позади них из-за кирпичного завала прямо в лоб прибывшим смотрел ствол двадцатимиллиметрового зенитного автомата. Бауэр поторопился убрать газ и остановиться.

— Стоять! Документы!

Эльза привстала и распахнула парку, продемонстрировав на правой петлице две вышитые серебряной нитью руны «зиг», а на левой — четыре квадратные «шишечки» штурмбанфюрера:

— Вы действительно хотите проверить у меня документы?

Потрясение, которое отразилось па лицах солдат, было красноречивее слов.

— Э-э-э... Фрау...

— Фройляйн! — раздраженно поправила госпожа

штурмбанфюрер. — Кто старший караула? Мне нужен провожатый до штаба дивизии.

Примыкавший с юга к станции поселок больше напоминал обитель призраков, чем жилище людей. Прогоревшие и рухнувшие кровли, исхлестанные пулями печные трубы. Ни одного целого окна. Стены с проломами от снарядов.

Посреди улицы стояли столкнувшиеся лоб в лоб две кучи металла, не так давно бывшие советской самоходкой и немецкой «четверкой»[12]. Объехать этот «памятник» Бауэру удалось далеко не сразу.

Солнце по-прежнему не показывалось. Мрачный, свинцового цвета небосвод низко висел над развалинами. Под ним рефлекторно хотелось согнуться, скрючиться, чтобы не удариться головой. Эриха поразило полное отсутствие в поселке какой-либо живности. Ни птиц, ни кошек, ни собак.

Местных жителей обер-лейтенант тоже не увидел, за исключением сидевшей на пеньке согбенной годами и замотанной в тряпье старухи. Если бы не колкий взгляд из-под прихваченной платком копны седых волос, Эрих принял бы ее за окоченевший труп.

* * *

Когда вездеход замер перед обуглившимся фасадом хлебной лавки, в подвале которой ныне квартировал штаб 29-й моторизованной, поглазеть на это зрелище сбежались все, кто только мог.

— Фельдфебель! — позвала успевшая покинуть машину Эльза.

— Да, госпожа штурмбанфюрер? — голова Бляйхродта появилась над турелью.

— Если кто-нибудь в мое отсутствие попробует забраться в вездеход, пристрелите его без всякой жалости.

Фельдфебель кивнул, исчез и тут же снова появился. Но на этот раз уже с пистолетом-пулеметом. Зеваки на всякий случай попятились.

— Обер-лейтенант, за мной, — Эльза растолкала часовых у входа в подвал и скатилась по ступеням вниз. Бауэру ничего не оставалось, как последовать за своим новым командиром.

В помещении штаба дивизии оказалось неожиданно мало народу. В одном углу кучковались пятеро радистов, в другом, рядом с молчащим телетайпом, полушепотом о чем-то беседовали снабженцы и двое-трое адъютантов. У дальней стены

тарахтел генератор, питающий током две тусклые переносные лампы под потолком. Седой обер-фельдфебель неистово молотил по кнопкам печатной машинки, а напротив него нахохлившейся вороной сидел замотанный в женскую шаль офицер. По фиолетовому канту на фуражке Бауэр узнал капеллана.

Отсутствовала привычная толпа рассыльных. Куда-то подевался начальник штаба дивизии, меланхоличный подполковник Мейснер. И начальник дивизионной канцелярии, вечно озабоченный чем-то майор Редниц. Да и самого командира дивизии, сурового вояки генерал-майора Ганса-Георга Лейзера тоже нигде не было видно.

Вместо всего дивизионного синклита под моргающими лампами сидел с посеревшим от усталости лицом лишь один человек — начальник оперативного отдела штаба дивизии подполковник Пауль Крафт. К нему-то госпожа штурмбанфюрер и направилась:

— Хайль!

Крафт моргнул, оторвал взгляд от стопки донесений. Увидел Эльзу и от неожиданности едва не свалился с табурета.

— Хайль... Что вам угодно, фрау?

— Во-первых, герр подполковник, я не фрау, а фройляйн.

— С чем вас и поздравляю, — буркнул подполковник.

— Во-вторых, согласно уставу ко мне следует обращаться «госпожа штурмбанфюрер». Здесь, по-моему, не настолько темно, чтобы нельзя было опознать знаки различия на моей форме?

«Вот это она зря», — успел подумать Эрих, вспомнив прозвище подполковника Бешеный Бык.

— Какого дьявола, будучи ниже по званию[13], вы смеете делать мне замечания?! — Крафт вскочил и, сразу став на голову выше Эльзы, принялся буравить ее налившимися кровью глазами.

Девушка выдержала дуэль взглядов. Подчеркнуто неторопливо извлекла из внутреннего кармана парки бювар искусственной кожи «прессштоф». Достала из него сложенный лист бумаги, встряхнула и в развернутом виде протянула подполковнику.

— Согласно этому распоряжению, подписанному лично командующим 4-й танковой армией генерал-полковником Готом, с момента моего прибытия в ваш штаб 29-я моторизованная дивизия со всеми приданными ей частями переходит в мое подчинение.

Влети в подвал снаряд, это произвело бы куда меньший эффект, чем заявление Эльзы. В рейхе, где границами женского пространства вовсю декларировались три К — Kinder, K[u:]che, Kirche, — такое было попросту невозможно. По крайней мере, до

сего момента.

— Да вы... Да вы совсем сошли с ума! — глаза у подполковника едва не выпрыгнули из глазниц. — А вы что, тут делаете, обер-лейтенант? Вон отсюда!

Бауэр смутился. Сам того не заметив, он оказался между Эльзой и разъяренным Крафтом — вот и попал под горячую руку. Не придумав ничего лучше, он вскинул правую руку к виску, сделал четкое «кру-гом» через левое плечо...

— Стойте, лейтенант. Я вас еще не отпускала. А вы, герр подполковник, читайте, читайте распоряжение, — исподволь Эльза показала Эриху кулачок.

— Идиотизм, — уже на полтона ниже бросил Бешеный Бык, не только прочитав, но и едва ли не обнюхав документ, в силу обилия разнообразных печатей и грифов имевший вид предельно официальный. — Гм, прошу прощения, госпожа штурмбанфюрер. Но вы должны меня понять...

— Извинения приняты, — отмахнулась Эльза. — Где командир дивизии?

— Вчера пропал без вести. Как и остальные старшие офицеры. В их отсутствие в командование дивизией временно вступил я.

— Что ж, раз так, доложите о состоянии частей.

* * *

— Вчера вечером полчища Советов обошли нас с севера. — Крафт отвернулся, чтобы высморкаться. — Сегодня мы отбили четыре их атаки. Отбили за счет прибывшего ночью на станцию тяжелого танкового батальона и прорвавшегося к нам... — обер-лейтенант заметил, что подполковник замялся, — отдельного штурмового взвода СС.

— Подполковник Пост и хауптштурмфюрер Фогель здесь? — повеселела Эльза.

— Так точно. Но даже с их бронированными монстрами долго мы тут не протянем. Если не начать этой же ночью отход, завтра русские подтянут тяжелую артиллерию и...

— Понятно, — госпожа штурмбанфюрер оттянула рукав парки и посмотрела на часы: — Срочно собирайте командиров частей. Будем готовиться.

— К отходу?

— К наступлению.

* * *

Поскольку от всего 15-го моторизованного полка осталось меньше сотни человек, возвращать Бауэра в родную часть особого смысла не имело. Тем более на сократившийся до размеров потрепанной роты полк приходилось целых три выживших офицера. Поэтому Эльза откомандировала лейтенанта в штурмовой эсэсовский взвод, предупредив, что скоро и сама туда прибудет. Теперь Эрих трясся на заднем сиденье «кубельвагена». На переднем сидел хауптштурмфюрер Фогель, не отрываясь от лежащего на коленях планшета. Несмотря на то, что офицер СС был всего года на два старше Бауэра, благодаря Рыцарскому кресту и золотому знаку за танковые атаки смотрелся он настоящим ветераном. Особый фронтовой шик хауптштурмфюреру придавала фуражка с вынутой в нарушение регламента пружиной и обвисшими краями.

Автомашина выскочила на восточную окраину Тингуты.

— Что это за... — Эрих вспомнил слова Крафта и договорил: — Бронированные монстры?

— Это? — Фогель поднял глаза. — 503-й тяжелый, хозяйство Поста. Недавно прибыли из учебного центра в Падерборне. Восемнадцать «тигров» и два с половиной десятка «троек»[14], не считая всякой мелочи.

— «Тигров»?

— Тяжелый танк, совсем недавно принятый на вооружение.

— Продукция Хеншеля, масса — пятьдесят тонн?

— Пятьдесят пять, — поправил хауптштурмфюрер и с уважением посмотрел на Бауэра. — Причем машина управляется не труднее легкового автомобиля — баранкой! У этого зверя лобовая плита толщиной в сто миллиметров! И восьмидесятивосьмимиллиметровая пушка, прошивающая любой русский «ролик»[15] с двух километров.

Сразу за церковью, у развалин складов, их встретил энергичный эсэсовец-танкист, затянутый в утепленную куртку с серебряными черепами-«тотенкопфами» на петлицах.

— Зиг хайль!

— Как дела, Карл?

— Происшествий нет. Периодически русские пытаются прощупать оборону станции, но после первых же выстрелов откатываются. Экипаж первой машины на дежурстве. Экипаж второй отдыхает.

— Очень хорошо. — Фогель хлопнул подчиненного по плечу. — Обер-лейтенант Бауэр прикомандирован к нам, элитной части СС. Так что негоже ему изображать из себя бродягу с задворков Нижней Саксонии. Подыщите ему теплую воду, мыло, бритву и новую одежду.

Эрих принюхался, сглотнул и покосился на тщательно замаскированную полевую кухню:

— И поесть, с вашего позволения.

— Да побольше! — добавил Фогель, уперев в небо указательный палец. Взгляд обер-лейтенанта сам собой уцепился за золотой блик.

Перстень с рунами и ирминсулом. Совсем как у Эльзы. Они что, женаты?!

Тщательно подбирая слова, Эрих постарался деликатно выяснить, в каких отношениях находится хауптштурмфюрер с фройляйн Вернер. К великому облегчению Бауэра выяснилось, что в чисто служебных.

— Я имею честь знать госпожу Эльзу уже два года. Между нами, это Та Еще Штучка, как выражаются наши противники янки, — Фогель состроил мину, которую обер-лейтенант после некоторых раздумий решил считать знаком большого уважения. — К тому же, насколько я знаю, она протеже самого герра Хаусхофера, а это уже говорит о многом, не так ли?

— Конечно, — с умным видом кивнул Эрих, хотя понятия не имел, кто такой «герр Хаусхофер».

* * *

Минут через тридцать растершийся для бодрости по русскому обычаю снегом, выбритый до синевы, накормленный немыслимым в этих краях деликатесом — омлетом из яичного порошка с грудинкой — и переодетый в чью-то чистую запасную парку, Бауэр ощутил себя на вершине блаженства.

«В СС идут лучшие, чтобы получать только лучшее!» — в первый раз за свою службу обер-лейтенант был безоговорочно согласен с этим лозунгом. Особенно с последней его частью.

От непривычной сытости и тепла клонило в сон. Обер-лейтенант сидел на подножке тягача, курил и лениво размышлял, какая это странная штука — человеческое сознание. За последние полтора суток он, Эрих, раза три чуть не погиб, лишился почти всех своих сослуживцев, лично убил человек семьсот—восемьсот — сколько там народу в бригаде у Советов, — оказался в русском окружении и теперь вот-вот примет участие в операции, из которой никто живым не вернется. И о чем же сейчас обер-лейтенант Бауэр думает? Что вспоминает? А думает он о прекрасной валькирии с петлицами штурмбанфюрера СС и вспоминает восхитительный запах ее волос.

Воистину, мир сошел с ума, и обер-лейтенант вместе с ним!

Госпожа штурмбанфюрер оказалась легка на помине.

Где-то на юге Тингуты часто-часто заухали разрывы — видимо, русские начали новую разведку боем. Одновременно с этим ухо Бауэра уловило знакомый шелест винта аэросаней. Как всегда деловитая и стремительная, Эльза выпрыгнула из аппарата еще до того, как Бляйхродт успел заглушить двигатель.

— Фогель, я утрясла с этими тупицами все вопросы. До выступления — час. Срочно монтируйте прибор на вашего динозавра.

— Яволь. Что-нибудь еще?

— Еды. И ведро кофе.

Эрих решил, что сейчас самое время напомнить Эльзе о себе. Подбежав к вездеходу, он вскинул правую руку к каске:

— Какие будут распоряжения, госпожа штурмбанфюрер?

Девушка секунду таращилась на него, потом ехидно прищурилась:

— Да вас просто не узнать, обер-лейтенант. Раньше выглядели оборванцем, а теперь — вылитый Вотан![16] Хотя вряд ли он разгуливал в обносках унтерменшей даже в худшие времена, — расхохоталась девушка.

— Если вы о моих валенках, — покраснел Бауэр, — то русской зимой они ценнее патронов. Тысячи солдат вермахта, валяющихся по госпиталям с отмороженными ногами, это подтвердят. Окажись Вотан с нами, он бы русской обувью точно не побрезговал. В конце концов, что плохого в том, чтобы бить врага его же оружием?

— Валенок — оружие победы, — медленно смакуя каждое слово, произнесла Эльза. — Глубокая мудрость.

Бауэр набычился.

— Ну-ну, не обижайтесь, — Эльза тепло улыбнулась Эриху. — Имейте в виду, что я уже считаю вас своим. А если так, то какие церемонии?

Обер-лейтенанта как обухом ударило. Сердце радостно защемило.

— Между прочим, — не упустила случая вставить новую шпильку Эльза, — раз уж вы почти вступили в СС, запомните: мы — боевое братство. В нашем ордене нет места подобострастным приставкам «герр» И «госпожа» Мы обращаемся друг к другу только по званиям, и вне строя офицер и рядовой СС именуются одинаково — kameraden[17], Понятно?

— Так точно, — Эрих представил, как где-нибудь в Берлине приглашает Эльзу на прогулку «вне строя» и расплылся в глупой улыбке.

— Ребята, заводи! — заорал Фогель, мигом вытряхнув из

головы обер-лейтенанта все романтические картинки. Оглянулся на Эриха, ухмыльнулся:

— Бауэр, я вам обещал показать настоящих монстров? Извольте.

За скалящейся осколками оконных стекол стеной склада началась суета. Бухнуло железо. Потом чихнули и мерно затарахтели два-три двигателя — словно готовилась к отбытию колонна грузовиков. Простуженный голос гаркнул: «Есть вспомогательные». Другой глухо, как из бочки, ответил: «Основной, генератор и электродвигатели готовы. Внимание, зажигание!».

И тут уж взревело, так взревело.

С завибрировавшей стены вниз посыпались снег и остатки стекол.

Столь же внезапно рев спал до вполне терпимого рокота. Что-то звонко клацнуло, провернулось. И в шуме падающей кладки, прямо сквозь заднюю стену наружу выкатилось нечто громадное, серо-белое, в красных пятнах кирпичной пыли.

— Да уж... — только и смог сказать Бауэр.

«Нечто» было размером с двухэтажный дом.

— Обер-лейтенант, перед вами сверхтяжёлый танк конструкции доктора Порше, — Фогель подошел к отфыркивающемуся выхлопными газами титану, ласково погладил его по борту. — Мы называем этого зверька maus.

Хауптштурмфюрер сполна насладился видом напавшего на Эриха столбняка, потом щелкнул пальцами:

— Карл, бери техников: «Мьёллнир» должен стоять на своем штатном месте.

Эсэсовцы мигом выгнали из аэросаней Бляйхродта, не меньше своего командира потрясенного видом чудовищной «мыши», сняли с турели смертоносный излучатель и бережно подняли талями диковинное оружие в башню.

— Бауэр, вы, кажется, жаждали распоряжений? — госпожа штурмбанфюрер сосредоточенно вставляла тонкую дамскую сигарету в длинный костяной мундштук. — Как офицера, имеющего практический опыт использования в боевой обстановке орудия «Мьёллнир», назначаю вас его стрелком-наводчиком. Полезайте в танк и ознакомьтесь со своим рабочим местом.

— Слушаюсь, штурмбанфюрер.

* * *

Темнело.

Первым, кого увидел обер-лейтенант, вернувшись на землю из чрева гигантской «мыши», оказался Бляйхродт. Не заметить его было просто невозможно. Эсэсовцы шарахались от растрепанного и грязного Папочки, как от прокаженного. Глаза фельдфебеля горели сумасшедшим блеском, в руках он держал большую стеклянную банку, полную чего-то темного и скользкого. Поначалу Бауэр решил, что это машинная смазка, но когда Фатти запустил в банку пятерню, выудил оттуда нечто склизкое и принялся его жевать, лейтенанту стало по-настоящему страшно.

— Что ты делаешь, Бляйхродт?

— Сначала я хотел застрелиться, когда услышал, что во мне есть иудейская кровь, — фельдфебель дико хихикнул. — Но когда вы покинули штаб, госпожа штурмбанфюрер объяснила мне, что кончают жизнь самоубийством только слабаки и унтерменши. Так что стреляться я раздумал, решив принести свою жизнь в жертву на алтарь победы. Пока же такой оказии не представится, подкрепляю силы, растраченные в борьбе с коммунистами, — довольно заявил Фатти. — Здешний повар попытался угостить меня каким-то тухлым омлетом и прогорклыми сухарями, но я сразу понял, что питаться этой дрянью опасно для здоровья. И отправился на поиски пищи. Вот, нашел кое-что стоящее. Хотите, герр обер-лейтенант?

Бауэр подавил рвотный позыв.

— Что это?

— Грибы. Маринованные грибы. Сами проскальзывают в глотку.

— Ты не боишься их есть?

— Нет. Русские хозяйки хорошо готовят грибы. Этого у них не отнять, — хмыкнул Бляйхродт. — После того, как мы захватим все земли до Урала, нужно будет выращивать здесь не только пшеницу, но и грибы. Так сказал фюрер.

Эрих хотел заявить Фатти, что он несет полную чушь, не мог фюрер делать таких странных заявлений, но потом решил промолчать. Кто его знает, что он там сказал, и тогда получится, что Бауэр критикует линию партии.

— Кстати, дело с прекрасным штурмбанфюрером идет на лад? — осклабился Фатти. — Красотка, правда? Хоть и ведьма.

— Но-но, — нахмурился Бауэр.

— Я в хорошем смысле, — хихикнул Бляйхродт. — И вам, лейтенант, она явно благоволит.

От продолжения общения со свихнувшимся фельдфебелем Бауэра отвлекли два неожиданных события. Во-первых, земля под ногами ощутимо задрожала, и из-за соседнего склада высунулась

морда второго «мауса». Танк тут же со всех сторон облепили техники. Во-вторых, появился запыхавшийся рассыльный, объявивший, что обер-лейтенанта требует к себе госпожа штурмбанфюрер.

Бледная и усталая Эльза обнаружилась возле полевой кухни — она глотала таблетки первитина[18] и запивала их мелкими глотками кофе. Покончив с этим, девушка вернула повару кружку. Кивнула Бауэру на исходящую паром канистру:

— Берите... Личное оружие с собой?

Эрих подхватил канистру, оказавшуюся почти горячей, и хлопнул по кобуре с «вальтером».

— Следуйте за мной.

Обер-лейтенант вошел в разгромленную церковь с наполовину заложенными кирпичами окнами. В алтарной части на полу лежал большой белый тюк и полыхал сложенный из обломков каких-то досок, подозрительно напоминавших остатки иконостаса, костер. У огня девушка остановилась, погрела руки, скосила глаза на запнувшегося спутника:

— В СС не крестятся и не зовут священника к умирающему. Ребенка освящают согласно древним обычаям, но не требуют от него рабской покорности. Воля и разум, дух и честь поведут нас к победе.

— Но на наших армейских пряжках выбито «Gott mit uns»[19], — осмелился напомнить Бауэр.

— А на наших — «Meine Ehre heisst Treue!»[20], — кивнула штурмбанфюрер, почему-то расстегивая парку.

— Верность фюреру, — предположил Эрих, которого мало занимала теологическая дискуссия. Куда больше обер-лейтенанта увлекал продолжающийся процесс избавления девушки от одежды.

— Нашей великой расе и вере предков, — отозвалась Эльза.

Фройляйн Вернер кинула на пол измазанную парку вместе с мундиром, встала на них ногами и начала сноровисто стаскивать сапоги. Потом штаны.

Не прошло и минуты, как Эльза осталась в одном белье. А потом и без него. К этому моменту старательно отворачивающийся и раскрасневшийся обер-лейтенант безуспешно пытался сообразить, что за видения все еще пляшут перед его зажмуренными глазами? Искры от костра или соблазнительные части тела старшего офицера, на которые он взглянул случайно — и смог отвести глаза, как ни странно!

— Эрих, — укоризненно раздалось у него за спиной. — Если вы намереваетесь и дальше играть в целомудренного девственника — воля ваша. Но я тогда умру от холода. Что самое

отвратительное — умру грязная и потная.

Бауэр едва не выронил канистру.

— Обер-лейтенант, возьмите себя в руки! Это приказ старшего по званию!

То, как он поливал посиневшую, но радостно подвывающую Эльзу теплой водой, Бауэр запомнил плохо — перед глазами все плыло. От возбуждения перехватывало дыхание. В памяти осталась маленькая татуировка у подмышки Эльзы — номер группы крови и стрелочка острием вверх — руна «Тюр»[21].

Потом он помог стучащей зубами девушке наскоро вытереться скинутой ранее майкой и буквально впрыгнуть в новый комплект формы. На фройляйн Вернер он висел как мешок, зато на лице девушки расцвела улыбка:

— Поверь, это самое счастливое мгновение за последнюю неделю.

— Верю. Я бы и сам не против... А почему ты спрашивала про мое личное оружие? — вдруг вспомнил Эрих.

— Потому что должен же был кто-то стоять на страже моих покрытых мурашками прелестей, — хохотнула девушка. — Голой не очень удобно участвовать в перестрелке. Но я уверена: найдись кто-то, пожелавший нарушить наше уединение, ты бы его тут же прикончил.

* * *

Районом сбора была назначена станция. Утробно взрыкивая двигателями на прогазовках, первыми туда двинулись «тигры» Поста.

— Я буду в «маусе» Буша, ты — вместе с Фогелем, — шепнула Эльза Бауэру. С неожиданной горечью добавила: — Береги себя, Эрих.

И сорвалась в наполненную топотом ног темноту. Исчезла среди лязга железа и криков команд.

— Бауэр, где вас носит? — откуда-то сверху раздался озабоченный голос хауптштурмфюрера.

Обер-лейтенант припустил к своему танку. Последнее, что он заметил, перед тем как за ним захлопнулся люк, — сиротливо сгорбившиеся в свете фар фигуры: капеллан, осеняющий всех крестным знамением со сложенного из пустых снарядных ящиков амвона, и Бляйхродт, левой рукой прижимающий к себе пустую стеклянную банку, а правой — отдающий честь.

Оставив позади Тингуту, ударная группа достигла железнодорожной насыпи и повернула вправо. Следуя вдоль

рельсов на северо-восток, армада — почти 100 танков, бронетранспортеров и тягачей — начала перестраиваться.

— Пойдем двумя шеренгами с минимальными интервалами, — объяснил Бауэру Клаус. — Иначе в темноте рискуем перестрелять друг друга. В первой шеренге — «ролики», во второй — мотопехота.

Несмотря на громадные размеры башни «мауса», внутри нее было не развернуться: слишком много места занимали казенные части артиллерийских орудий, выстрелы раздельного заряжания калибра 128 мм и прочие полезные железки. В бликах ламп дежурного освещения обер-лейтенант видел Клауса, оказавшегося наводчиком, двух заряжающих и свисающую с потолка пару ног, принадлежащую Фогелю. Тот напялил поверх фуражки наушники и через открытый люк выглядывал наружу.

Мерное движение по ровной белой пустыне действовало усыпляюще. Оторванность от внешнего мира отупляла. Первоначальное возбуждение схлынуло, рев тысячевосьмидесятисильного «Даймлера» тоже как-то приелся. Эрих сидел на решетке пола и от безделья разглядывал толстые жгуты проводов, соединяющие «Мьёллнир» с упрятанными под башню батареями.

В наушниках, подключенных не только на внутреннюю, но и на внешнюю связь, было слышно, как трясущийся во втором эшелоне подполковник Крафт координировал действия группы:

— Тигр-один, я Бык, доложитесь.

— Бык, я Тигр-один, — надтреснутый голос Поста даже среди помех узнавался очень хорошо. — Противник не обнаружен, продолжаю движение.

— Принято. Мышь-один, как у вас?

— Скорость — двадцать, противника нет, норма, — завозился в люке Фогель.

— Пипер-один, что-нибудь видите?

— Темно.

Бауэр жестом привлек внимание Клауса:

— Эй! Мне показалось, что «Пипера» вчера сожгли русские.

Эсэсовец пожал плечами и сообщил, что целый и невредимый танковый взвод «Пипер» вчера поздно вечером самостоятельно вышел к Тингуте.

Ударная группа рассеяла скупыми очередями дозор русских у какого-то разъезда и стала перебираться через железнодорожную насыпь. Основные силы противника, судя по следам на снегу, спешно двигались в направлении Сталинграда. Немецкие танки устремились вдогонку.

Чтобы хоть чем-то себя занять, Эрих поднес к лампочке

наручные часы. Двадцать два тридцать по Берлину. Неприятности начались две минуты спустя.

«Маус» едва заметно качнуло, одновременно рассыпав по броне серию глухих щелчков.

— Разрыв слева! — объявил хауптштурмфюрер, и не думая покидать люк. — Экипаж: к бою.

Бауэр пружинисто вскочил и ужом проскользнул в свою башенку. Подключил, как показывали, питание. Доложил о готовности. И тут же получил команду отбоя:

— Отставить, Бауэр. «Мьёллнир» побережем для более серьезного противника, а пока обойдемся артиллерией. Клаус, стопор башни — долой. Работаем вспомогательным калибром. Бык, я Мышь-один, вступаю в бой. Прошу подсветки.

С бронетранспортеров отстрелили полдюжины ракет. Повисшие на парашютах, они залили степь нестерпимо ярким белым сиянием.

— Водитель, стоп!

Сверхтяжелый танк споткнулся, дернулся и замер,

— Орудие на двенадцать часов. Бронебойным. — Фогель что-то прикинул: — Дальность триста. По скоплению вражеских танков — беглый огонь!

Казенник 75 мм дернуло на откате. Потом еще раз и еще. Внутри башни остро запахло порохом.

Сквозь прицел «Мьёллнира» Бауэр видел, как трассер болванки чиркнул по броне русского танка и рикошетом ушел в сторону.

— Клаус, главный калибр. Бронебойным. Дальность та же. Огонь!

«Мауса» словно копытом лягнули — настолько была сильна отдача, Зато от КВ мигом полетели ошметки. Одновременно расположение русских накрыло зигзагами пулеметных очередей — вперед пошла спешившаяся пехота.

— Вперед! Вперед! — надрывался по радио Крафт.

* * *

...Слева полыхнул длинный сноп выстрела — «мышь» оберштурмфюрера Баха тоже вступила в игру.

Удар. Фонтан искр. Эрих чувствительно треснулся затылком о крышу своей башенки.

— Ерунда, — штурмбанфюрер поглубже надвинул на голову фуражку. — Врезали в орудийную маску. У нас там больше двадцати сантиметров отличной крупповской брони — пусть долбятся! Водитель, вперед.

И они пошли вперед, извергая огонь, проламывая наст чудовищной массой и наматывая эту бескрайнюю страну на траки своих громадных гусениц. А по краям, чуть приотстав, катили гребнем стальной волны остальные. И было в этом слитном неудержимом движении столько мощи, что Эриха мороз пробрал по коже. Обер-лейтенант сам не заметил, как затянул в полный голос марш панцергренадеров:

Под траки танков брошена планета.
Вспороли Землю линии окоп.
А где-то там, на горизонте, у рассвета
Земля чужая, да и народ не тот.
И чтоб чужое тоже стало нашим,
Мы засучим повыше рукава.
И от железной поступи солдата
Уже дрожат поджилки у врага!..

Бауэр орал бы песню и дальше, но тут в переговорном устройстве раздался рык хауптштурмфюрера, объявившего, что если обер-лейтенант не заткнется, то его немедленно вышвырнут из танка:

— Бауэр! У меня и так куча дел, чтобы еще отвлекаться на ваше не слишком мелодичное соло!

* * *

По плацдарму русских у Бекетовки ударная группа прошлась, как каток по полю. «Маусы» с «тиграми» исковеркали, разметали, вдавили в обуглившийся грунт фланговое охранение и тылы сразу двух советских армий. Обошлось это удовольствие недешево — в две трети мотопехоты и двадцать семь танков, включая восемь «тигров». Подполковник Пост со всем своим экипажем сгорел заживо, когда осатаневшие иваны забросали его

железного зверя бутылками с «коктейлем Молотова». Да вообще никто живым бы не вырвался, если бы не Фогель. Хауптштурмфюрер терпеливо дождался, когда на грохот ночной канонады сползется побольше русских «роликов» и дал отмашку Бауэру: мол, давай! И тот «дал». И продолжал мести синим лучом «Мьёллнира» влево и вправо до тех пор, пока близким разрывом башенку с излучателем не заклинило намертво.

— Все, — обреченно сообщил обер-лейтенант Фогелю. — Я спекся.

— Это уже не важно, — ответил хауптштурмфюрер. — Смотри!

Перед закопченными, с выщербинами на броне машинами немцев из темноты выползали скелеты сталинградских руин.

— Мышь-два, это Бык. Боевая задача выполнена, — в голосе Крафта не было ничего, кроме запредельного изнеможения. — Что дальше?

— Бык, это Мышь-два... — Бауэр вздрогнул. Впервые с начала операции он слышал голос Эльзы. — Спасибо за помощь. Дальше мы пойдем одни. Уходите.

— Как? — Крафт вздохнул. — У нас почти не осталось топлива.

— На сколько хватит, на столько и уходите. Мышь-один, вы знаете, что делать.. Бык, конец связи.

На самой нижней передаче «маусы» стали втягиваться в перепаханный войной город. Глядя, как в приглушенном свете фар плывут мимо бортов бесконечные развалины, обер-лейтенант просто отказывался верить, что еще год назад тут проживало полмиллиона человек.

Головной «маус» миновал топорщащийся перекрученной арматурой кусок фасада, проскрежетал траками по бетонной крошке и влип. Казалось, кто-то включил большую новогоднюю иллюминацию. Но грохот молотящих по броне снарядов быстро развеял эту иллюзию.

Башня танка заходила ходуном от чужих попаданий и собственных ответных залпов. Клаус на пределе скорострельности бил из обоих орудий осколочными снарядами. Лопнули, окатив всех мелкими осколками, лампочки. Чрево танка погрузилось в темноту. Фогель приказал включить аварийные фонарики.

Бой продолжался.

Злобно шипел компрессор, пробанивая сжатым воздухом стволы после каждого выстрела. Заряжающие не успевали выбрасывать раскаленные гильзы, и те гроздьями перекатывались по полу. Надрывно ныли вентиляторы, безуспешно стараясь очистить воздух от порохового дыма. В башне творился сущий ад.

* * *

Им все же удалось прорваться через плюющийся смертью перекресток. И через следующий. И еще через один. «Маус» протаранил баррикаду со скрывающимися за ней противотанковыми пушками, размазал их по земле вместе с расчетами и остановился над поймой замерзшего водоема. Стрельба стихла — в темноте отчаянно дравшиеся русские потеряли противника.

— Конечная станция — речка Царица, — объявил хауптштурмфюрер. — Вон там — элеватор, вот — трубы тракторного завода, эта глыба — Мамаев курган, а справа — Волга. Мы почти в центре Сталинграда. Зиг хайль!

— Хайль! — хором взревели эсэсовцы.

— Выключить фары, заглушить двигатели.

— Есть.

Наступившая тишина ударила по ушам больнее разрыва снаряда. Понадобилось какое-то время, чтобы глаза адаптировались к темноте.

— Хауптштурмфюрер!

— Да, обер-лейтенант?

— Наблюдаю массовые перемещения людей и техники в походных колоннах. Черт побери, весь город буквально кишит большевиками.

Фогель оскалился:

— Так и есть, Бауэр. Из-за того, что 29-я моторизованная удержала Тингуту, Советам пришлось перенацелить почти все боеспособные части своего Сталинградского фронта сюда. Сотни тысяч людей. Тысячи орудий. Сотни танков. Когда рассветет, вся эта орда обрушится с тыла на армию Паулюса, кое-как отбивающуюся у Калача от еще одного советского фронта — Юго-Западного.

— Шах и мат, — тихо сказал Бауэр.

— Именно так русские и считают. Но они не принимают в расчет нас.

Клаус оторвался от перископа:

— На шесть часов — бегущий человек.

— Это оказалась Эльза. Как всегда с растрепанными волосами, плюс запыхавшаяся и со свежим бланшем под глазом.

— У Баха осколками срезало антенны. Выйти на связь с бомбардировщиком не получается, — разъяснила ситуацию девушка, стараясь отдышаться.

— Да, неприятно, — покачал головой Фогель.

— Разве это неприятно? — фройляйн Вернер зло закусила

губу, отчего, на взгляд Бауэра, необычайно похорошела. — Неприятно другое. Советы сумели закатать Баху с короткой дистанции в борт чем-то увесистым. Броню прошило навылет. Пожар мы потушили, но танк лишился хода.

Хауптштурмфюрер приник к перископу:

— Бах слишком заметен на фоне горящего дома. Может, мы попробуем починить Мышь-два?

— Действуйте. А я пока воспользуюсь вашей рацией.

Дважды повторять приказания Фогелю не приходилось. Забрав с собой всех, кроме Эриха, он заторопился ко второму «маусу».

Самолет откликнулся далеко не сразу, но все же отозвался. Госпожа штурмбанфюрер расслабилась, закрыла глаза:

— Вот теперь почти все.

— Блестяще, — тускло промолвил Эрих.— Поздравляю. Жаль только, что не могу разделить вашу, штурмбанфюрер, радость. Ибо не в курсе, чего такого потрясающего в том, что «почти все»...

Тут-то и выяснилось, что на самом деле вовсе не «почти все», а даже совсем-совсем наоборот — далеко еще не все. Не заметить угольно-черный силуэт «мауса», подсвеченный всполохами пожара, было трудно. Русские вычислили Мышь-два.

Корректировщики приникли к телефонам.

На восточном берегу Волги советский артиллерийский полк резерва Главного командования задрал стволы своих гаубиц почти вертикально и за две минуты выпустил по загодя пристрелянному квадрату две дюжины «чемоданов» калибром двести три миллиметра.

Второй залп дал накрытие. Сразу два стокилограммовых снаряда попали в танк Баха. Один из них пробил относительно тонкую — всего 65 миллиметров — крышу башни и взорвался в боеукладке «мауса».

Гигантский танк просто испарился, снеся напоследок мощной ударной волной соседнее здание.

«Боеприпасов — почти четыре тонны...» — с горечью вспомнил слова Клауса Бауэр.

Вот теперь точно все.

— Это Грифон. Готов к сбросу. Жду сигнала наведения, — квакнул неизвестным голосом динамик в наушниках Бауэра.

Смертельно бледная Эльза дотянулась до панели радиомаяка.

— Что ты делаешь?

— Мщу.

Байер поднял голову. Сквозь так и оставшийся распахнутым после Фогеля верхний люк был виден круглый кусок черного, почти антрацитового неба. Потом тучи вспыхнули, разорвались и

на ледяную землю обрушились протуберанцы столь хорошо знакомого обер-лейтенату синего света «Мьёллнира». Расходясь от эпицентра широкими волнами, убийственные лучи накрыли своим мерцающим саваном и город, и его окрестности, и скованную льдом Волгу.

— Сброс произведен. Ухожу с боевого курса, — сообщила рация.

В углу башни, скорчившись и обхватив руками колени, тихо плакала штурмбанфюрер СС Эльза Вернер.

С запада наплывал едва слышный гул моторов: 6-я армия генерала Фридриха фон Паулюса возвращалась в Сталинград.

Бауэр сидел на уже успевшей покрыться инеем башне «мауса» и с удовлетворением рассматривал пальцы — те только что перестали дрожать. Эта приятная мелочь позволяла наконец-то спокойно закурить, а не играть с сигаретой в пляску святого Витта.

Пальцы обер-лейтенанта стали дрожать после утренней прогулки по Сталинграду. Эрих никогда не считал себя мягкотелым, но зрелище десятков квадратных километров, заваленных в несколько слоев мертвыми солдатами, рабочими, стариками, старухами, женщинами и даже детьми, ввергло обер-лейтенанта в жесточайшую депрессию.

— Господи, откуда здесь гражданские? Откуда женщины и дети? Неужели население не было эвакуировано до начала боев?

— Не было, — подтвердила Эльза, подошедшая сзади.

— Что?

— Ты размышлял вслух. Эвакуация не состоялась. Все переправы через Волгу были заняты подкреплениями. Гражданским пришлось остаться в городе.

Как-то незаметно получилось, что они перешли на «ты», что с точки зрения обер-лейтенанта являлось многообещающим обстоятельством. Но в голубых глазах Эльзы плавала пустота. Когда Эрих заглядывал в них, у него сразу появлялось ощущение, что он смотрит в бездну.

— Как удалось нанести... столь эффективный удар? — выдавил из себя Эрих. — Как вы узнали, что здесь будет огромное скопление войск?

— План утвердил лично фюрер, — тускло ответила Эльза. — Времени было в обрез. Мы страшно спешили! Завернули сюда новейшие «тигры» Поста, пригнали из Кумерсдорфа Фогеля с его «мышами»... Единственное, что могло спасти попавшую в ловушку армию Паулюса, это колоссальные одномоментные потери русских. К этому времени у нас уже была собрана мощная «Мьёллнир»-бомба. Одна! Поэтому мы не имели права

промахнуться. И рвались сюда, теряя людей. Я мчалась через степь на санях: ты видел, что обычным оружием, даже сверхмощным, русских не победить. Но теперь... Теперь все будет хорошо, мой храбрый Эрих!

Девушка устало провела пальцами по заросшей щетиной щеке обер-лейтенанта.

— 29-я моторизованная дивизия не дала русским вырваться на оперативный простор южнее Сталинграда, а Паулюс сыграл в поддавки, оставив город и отступив на запад? — сообразил Бауэр.

Скупым движением век госпожа штурмбанфюрер дала понять, что так оно и было. Потом последовало дополнение:

— У Паулюса была еще одна весомая причина для отхода. Попади 6-я армия под бомбежку «Мьёллниром», ее потери оказались бы чересчур велики. Ведь не секрет, что значительная часть военнослужащих рейха не является носителем безупречно чистой крови. Возможно, не все умерли бы, но тысячи сумасшедших и покалеченных... этого не надо.

— Бляйхродт...

— Да.

— По той же причине вы завернули назад уцелевшие танки Крафта?

— Совершенно верно.

Эльза сгребла с крыши башни пригоршню снега и, склонив голову, смотрела, как сквозь пальцы просачиваются талые капли. Едва слышно произнесла:

— Вы верите в победу, обер-лейтенант?

— Всем сердцем, — отозвался Бауэр, стараясь не думать о тысячах погибших. Эх, не в рейхе это придумали: «Труп врага хорошо пахнет...».

— Вы пойдете со мной до конца?

— Конечно, госпожа.

— Госпожа? — улыбнулась Эльза. Усталое лицо ее стало необычно мягким, на подбородке появилась милая ямочка — такой штурмбанфюрера Бауэр еще не видел. — Ах, Эрих, вы не представляете, как тяжело быть женщиной на войне.

— Не представляю, — согласился обер-лейтенант. — Но вы ведь сами попросились в войска? На передовую?

Эльза приложила свои мокрые от снега ладони ко лбу, словно хотела остудить пожирающий сознание жар.

— Не все так просто. Я была ученым, училась у профессора Хаусхофера, потом работала с ним. Ездила в Тибет. Что за счастье — подняться на крышу мира, приобщиться великой мудрости первопредков человечества! В Тибете мы нашли ключ к созданию нового оружия — оружия богов... Мы назвали его «Мьёллниром».

Звание штурмбанфюрера мне за особые заслуги по рекомендации герра профессора присвоил лично рейхсфюрер. Но я не служака. Мне тяжело спорить со всеми этими мужланами в форме.

— Никогда бы не подумал, — ляпнул Эрих.

Девушка грустно взглянула на него.

— Я стремлюсь к победе. И хочу добиться ее любой ценой. Для этого приходится быть жесткой и сильной, уверенной в себе и безжалостной.

— Вместе — до конца, — пообещал Эрих, обнимая девушку.

— Если бы я не верила тебе, то расстреляла бы еще там, в поле, — голос Эльзы стал холодным, но руку лейтенанта она не стряхнула, только слегка съежилась. — Отчего я верю тебе, Бауэр?

Ответить на этот вопрос он вряд ли сумел бы. Лейтенант лишь крепче прижал девушку к себе и спросил:

— Мы сможем отдохнуть? Отойти на зимовку из этого мертвого города? Или нам предстоит война, которой нет конца?

— Надеюсь, отдохнем, — ответила Эльза. — Пойдем в лучшее кафе в каком-нибудь не разоренном войной городе, будем танцевать весь вечер... Впрочем, какое кафе? В этой дикой стране нет даже частных ресторанов, все закрывается, как только эвакуируется начальство. То ли дело цивилизованная Европа.

— Там люди живут для себя, а не для правителей, — вновь невпопад сказал Эрих.

— Для своего народа, — поправила его Эльза. — Когда рейх победит, мы сможем пожить и для себя. Но не раньше.

Часовая стрелка медленно, но уверенно подползала к цифре «девять». Попытка выйти на связь с частями 6-й армии с помощью все той же танковой радиостанции окончилась фиаско: за ночь сели аккумуляторы, а как запускаются двигатель и электрогенераторы «мауса», Бауэр разобраться не сумел. Сидеть дальше здесь почти наверняка означало обморожение.

Посовещавшись, Эрих и Эльза решили двинуться навстречу войскам Паулюса. Наступивший день добавил лишь чуть-чуть света, высветлив изуродованную осколками скульптурную композицию напротив сталинградского Центрального железнодорожного вокзала.

— Кто там изображен? — заинтересовалась фройляйн Вернер, изящно придерживая длинными тонкими пальчиками висящий через плечо МР.

— Танцующие пионеры и пионерки, — разъяснил Бауэр, немного разбиравшийся в реалиях и атрибутах советской жизни.

— Это что-то вроде нашего гитлерюгенда, — догадалась Эльза.

— Именно так.

Улицы были запружены замершей военной техникой, но больше всего подавляло огромное количество мертвецов. Они лежали вповалку: кто-то умиротворенный, словно спящий, а кто-то с искаженным страданием лицом. Начавшийся еще до рассвета снегопад укрыл многих тонким белым саваном, постепенно заметая, делая тела издалека похожими на бревна. По крайней мере, Бауэр старался думать о них именно как о бревнах. Так было легче не сойти с ума от мысли, что вокруг тебя — слева, справа, снизу — одни мертвецы. Десятки тысяч мертвецов. Единственными живыми существами, попавшимися навстречу, были лошади. Лишившиеся возниц, они так и продолжали терпеливо стоять, запряженные в сани, телеги и повозки.

* * *

К своим Эльза и Эрих выбрались только после полудня, перевалив Мамаев курган.

6-я армия имела вид потрепанный, но непобежденный. Засунув руки поглубже в карманы, солдаты медленно плелись со стороны Гумрака, чтобы занять свои же блиндажи, оставленные два дня тому назад. Единственные, кто в этой процессии выделялся своей кипучей энергией, были представители ведомства доктора Геббельса — военные корреспонденты. Вот один из них, увидев что-то необычное, выбежал вперед, как охотник, упал на колено и азартно отщелкал несколько кадров. Уже зачехляя объектив, спросил:

— Эй, приятель, зачем ты закапываешь свою шинель в снег?

— Вшей вымораживаю.

Корреспондент не нашелся, что сказать.

Отыскать командование передового батальона оказалось непросто. Наконец на какой-то телеге нашелся черный от недосыпания капитан. Несмотря на эсэсовские петлицы, Эльзе потребовалось целых полчаса, чтобы убедить офицера предоставить в их распоряжение коротковолновую радиостанцию. Еще пятнадцать минут ушло, чтобы связаться со штабом армии, представиться, назвать кодовое слово «Мьёллнир» и потребовать эвакуации.

Время до прибытия машины они провели в гостях у капитана — на телеге. Заинтригованный появлением девушки-штурмбанфюрера, тот принялся взахлеб расписывать свои подвиги у Калача и предлагать трофейную русскую водку.

Когда Эльза убедилась, что «Мьёллниру» ничто не угрожает,

она отправилась по делам, поручив Бауэру написать отчет об их деяниях. Обер-лейтенант вытребовал в канцелярии стопку бумаги и принялся за отчет. С перерывами на перекур Эрих справился с делом часа за три. Пообедал. Перепечатал рукописный черновик на машинке. Отыскал в сооруженной еще прошлым летом русскими землянке свободное место и завалился на набитый холодной соломой тюфяк. Напряжение последних дней, щедро сдобренное адреналином и усталостью, наконец-то доконали организм Эриха. В сон он провалился, едва успев лечь.

Обер-лейтенант успешно проспал все утро, оставшись без завтрака, а также наверняка бы и без обеда, если бы не приставленный денщиком к офицерской землянке рядовой Киттель. Справедливо рассудив, что нечего герру обер-лейтенанту почти сутки валяться в постели, солдат принес из столовой исходящий аппетитным паром фасолевый суп, поставил котелок в изголовье офицера и осторожно растолкал спящего.

— Боже мой!

— М-м-м?.. — приподнявшийся с тюфяка Бауэр оглушительно зевнул и вопросительно уставился на денщика.

— Герр обер-лейтенант, да вы поседели.

— Что? — Эрих подтянул поближе планшет, который использовал вместо подушки. Извлек из него маленькое зеркальце для бритья.

Вместо привычного блондинистого колера волосы Бауэра приобрели равномерный светло-пепельный цвет.

Эрих убрал зеркальце. Придвинул котелок, благодарно кивнул солдату. Запустил ложку в суп, но глотать не стал. Остановился. Заглянул в глаза Киттелю:

— Скажи-ка, рядовой, сколько врагов рейха ты убил?

Киттель смутился:

— Герр обер-лейтенант, я в Остмарк[22] попал меньше месяца тому назад, так что...

— Понятно, — Бауэр вяло поболтал ложкой в котелке. — Я-то всегда считал себя везунчиком. А на самом деле везунчик ты.

— Почему?

— Потому что тебе не снились лица убитых тобой. А мне снились. Сегодня. Все те десятки тысяч русских, которым я вчера помог отдать концы. Они являлись ко мне, а я перед ними каялся.

Киттель посмотрел на обер-лейтенанта как на сумасшедшего. Поспешно козырнул и убрался вон. Эрих же приналег на суп, с каждой новой ложкой обнаруживая, что странная рефлексия, владевшая им после сна, отступает. Уходит. Истончается, превращаясь в едва заметный неприятный осадок на самом дне подсознания.

Бауэр отнес пустой котелок в столовую, потолкался на окраине станицы, где вне поля зрения начальства предавались табачной неге штабные посыльные. О чем они только не болтали!

О том, что после удара чудо-оружия рейха по Сталинграду в обороне русских образовалась громадная брешь.

О том, что вот-вот сквозь эту брешь на Астрахань и к нефтяным скважинам Грозного рванется 4-я танковая армия Гота.

О том, что дезорганизованные своими чудовищными потерями русские начали отступать, а то и панически бежать не только в районе Волги, но и на других участках Восточного фронта.

О том, что фюрер уже утвердил наградной «Сталинградский щит» для участников боев за город.

Наконец о том, что нашлись остатки 29-й моторизованной дивизии, сумевшей удержать Тингуту и не пропустить врагов в обход Сталинграда с юга.

Эрих порадовался за Крафта, но на этом хорошие слухи иссякли. Ни об отряде Ланге, ни о группе Эльзы никто ничего не знал.

В отсутствие фройляйн Вернер Бауэр по-прежнему оставался не у дел. Поэтому обер-лейтенант вернулся в уже знакомую землянку и снова растянулся на тюфяке. Следующие полтора дня Бауэр провел предельно однообразно — вдыхая запах прелой соломы, прерывая сон только ради еды, курения и отправления естественных надобностей. Время, с одной стороны, тянулось невыносимо медленно, с другой — совершенно незаметно.

На третий день его пребывания при штабе армии обер-лейтенанта выдернул из затянувшейся зимней спячки сильный удар по пятке.

— Что такое? Это ты, Киттель? — Бауэр с трудом разлепил веки.

Широко улыбаясь, в дверном проеме стояла госпожа штурмбанфюрер Эльза Вернер собственной персоной. С откупоренной бутылкой шампанского. И примеривалась, как бы половчее еще раз двинуть сапогом разоспавшегося обер-лейтенанта.

Эта картина показалась Бауэру настолько фантастической, что он несколько раз с силой зажмурился. Но чудное видение и не думало исчезать. Напротив, заметив, что обер-лейтенант проснулся, фройляйн Вернер торжественно протянула ему тяжелую бутылку:

— Пей!

Бауэр послушно отхлебнул из горлышка, но перестарался. Закашлялся. Поймал краем глаза удивленные взгляды соседей по

землянке. Ну да, уж на что он, можно сказать, «старый знакомый» Эльзы, но и то не сразу поверил в реальность появления в этой зачуханной берлоге блондинки-офицера СС. Да еще и с шампанским.

— Что празднуем, госпожа штурмбанфюрер? — нерешительно спросил кто-то из глубины землянки.

— Как — что? — удивилась Эльза и отменным командирским голосом рявкнула: — Господа офицеры, смирно! Имею честь сообщить вам, что за проявленные в боях храбрость и героизм находящийся здесь обер-лейтенант Эрих Бауэр... Эрих, черт тебя подери, встань же наконец!.. Представлен мною к награждению Железным крестом 1-го класса и досрочному производству в чин капитана. Хайль!

— Хайль, — ошеломленно откликнулась землянка.

Но, как выяснилось, Эльза еще не закончила:

— Для получения заслуженной награды обер-лейтенант Бауэр обязан сегодня же вместе со мной вылететь в Москву.

Ответом была оглушающая тишина.

— А разве вы не в курсе, что вчера вечером наши войска вошли в покинутый русскими город, а сегодня заняли Кремль? — Лицо госпожи штурмбанфюрера лучилось от радости. — Советы повержены.

* * *

Вермахт обживался в городе удивительно быстро. С улиц убирали противотанковые ежи и мешки с песком. На перекрестках с важным видом маячили жандармы, а у наиболее важных зданий уже торчали свежесколоченные будки с часовыми внутри. Рядом с Боровицкими воротами Кремля торчала длинная очередь нижних чинов, желающих взглянуть на кабинет Сталина.

Помпезный отель «Москва» в самом центре захваченной вражеской столицы был полон народа. Еще бы — здесь восстановили не только холодное, но и горячее водоснабжение, ярко горели электрические лампы, и было очень тепло. Какое наслаждение для прибывших с передовой офицеров!

Одной из немногих женщин, да еще и штурмбанфюреру, Эльзе полагались отдельные апартаменты. Эриху повезло меньше — его поселили в трехместный номер. Соседями стали капитан Мейснер и майор Кох. Китель капитана украшали два Железных креста, майор был награжден Рыцарским крестом. Оба, как и Бауэр, служили в мотопехоте.

Познакомиться с соседями близко Эрих не успел. Он принял

душ, вздремнул пару часов — за это время Мейснер и Кох распили две бутылки шнапса, слушая портативный радиоприемник. А потом за обер-лейтенантом зашла Эльза и пригласила его поужинать в ресторане.

— Без вас мне не дадут прохода, — мило улыбнулась девушка.

Можно подумать... Станет ли Эрих помехой? Его будут принимать за адъютанта штурмбанфюрера, а кому и когда мешали адъютанты?

Московский отель — русские называли его «гостиницей» — удивил Эриха своим сходством с имперским стилем рейха. Такие же монументальные формы и приглушенные цвета, огромные лестницы, вздымающиеся под высокий потолок колонны, засохшие, а может быть, замерзшие растения в больших деревянных кадках.

В выходившем окнами на улицу Горького ресторане обстановка оказалась еще более германской. Белые скатерти, хорошая фарфоровая посуда и предупредительные официанты, в которых каждый мог распознать переодетых солдат. Все верно, доверять русским не стоит — да и осталось их в городе совсем мало. Кто сбежал, кто погиб, кто отправлен в лагеря. Москва — оплот коммунизма, фюрер даже собирался затопить ее.

Рослый светловолосый парень, которому нужно таскать на плече пулемет или противотанковое ружье, а не тарелки в офицерской столовой, принес две кожаные папки с меню. Котлеты с грибами, жюльен, отварной картофель, маринованные грибы, тушеные грибы, капустный салат. Большого разнообразия блюд не наблюдалось, а цены поражали воображение, но куда тратить деньги на фронте? Эрих заказал картофель с котлетами, фройляйн Вернер — капустный салат и жюльен. Хотя сам Бауэр выпил бы коньяка, с ним была дама, и пришлось попросить бутылку белого вина. Девушка удовлетворенно кивнула, когда он показал ей строчку в меню.

— Чересчур много грибов предлагают в ресторане, — улыбнулся обер-лейтенант. — Мы захватили русские грибные склады?

Эльза посмотрела на него как-то странно.

— А ты не знаешь? Впрочем, откуда, ты же не работал в Аненербе.

— Нет, трофеи ни при чем. Все грибы немецкие, с берегов Рейна. Грибная промышленность развивается передовыми темпами.

Так вот что это за организация, о которой Эльза говорила много, но все как-то вскользь! «Наследие предков» — общество,

созданное в середине тридцатых годов под патронатом СС. Таинственный орден оккультистов, мистиков и академиков, странным образом сочетающий интерес к естественным наукам и штудирование средневековых инкунабул о гадании по рунам. Кто бы мог подумать, что эти чудаки и в самом деле на что-то способны?

Сделав для себя некоторые выводы, Эрих не подал вида и поинтересовался:

— Грибоводство как-то связано с вегетарианством фюрера?

— Нет, с необходимостью выживания нации. Грибы можно выращивать в любых условиях. Им не нужно солнце, не требуется свежий воздух, они весьма питательны — словом, идеальная пища в годы лишений.

— Но ведь лишения кончились?

— Боюсь, все не так радужно, как тебе представляется. С открытым врагом мы разделались — по крайней мере, загнали его в берлогу. Но другой враг, тайный, спешно готовится обрушить на нас мощь своего оружия. Мы должны опередить его. Впрочем, не будем говорить о войне хотя бы сейчас. Согласен?

— Конечно.

— Жаль, здесь нет музыки.

— Ты бы хотела потанцевать?

— А ты? — улыбнулась Эльза.

— О да. Конечно.

Официант принес вино, не слишком грациозно наполнил бокалы.

— За победу, — предложила фройляйн Вернер.

— За победу, — выдохнул Эрих. Горло перехватило. Неужели и правда победа? Неужели за окнами — Кремль, неприступная русская твердыня, сдавшаяся только Наполеону?

Вино отдавало бочкой. Может быть, так и надо, но Бауэр не был ценителем и не мог сказать наверняка.

— Хоть бы пластинку какую-нибудь поставили, — вновь вздохнула девушка, аккуратно поддевая на серебряную вилку салат. — Тоска!

В своем новеньком мундире штурмбанфюрера Эльза смотрелась просто потрясающе.

— А пойдем гулять? — предложил Эрих. — Посмотрим город.

— Пойдем, — отозвалась девушка. — Только оружие возьми. Представляешь, сколько недобитых большевиков может скрываться в подвалах?

Выйдя из гостиницы, Эрих и Эльза вступили на брусчатку пустынной Красной площади. От мавзолея цвета засохшей крови веяло холодом и злом. Красная кремлевская стена угнетающе

давила. Даже ели около нее были какие-то серые, страшные. В Кремле размещалась администрация гауляйтера Москвы, но внутрь идти не хотелось. Чужая мощь не станет своей. Может быть, этот город и правда лучше затопить...

Часы на Спасской башне уныло застыли на двенадцати дня. Вычурный собор в конце площади красиво пронзал тьму пасмурного вечера своими куполами, но Эрих не хотел подходить к зданию близко. Этот храм — не для них. Эльза тоже инстинктивно шарахнулась прочь — и они оказались на мосту через Москва-реку.

Река стояла. Пара барж вмерзла в лед. Ни русских, ни своих...

— Большой город. Его будет трудно контролировать, — проговорила Эльза, теребя в руках захваченный из отеля немецко-русский разговорник.

— Ничего. Мы справимся, — без особой уверенности ответил обер-лейтенант. Ему так и чудились страшилища, таящиеся в темных провалах выбитых окон, в безлюдных кварталах. Но они, как дети в опасной игре, шли и шли вперед. Пустынный квартал, фабричная постройка, за ним — дома, дома и дома.

Разговорник не понадобился: закоулки Москвы были совершенно безжизненны, если не считать немецких патрулей.

Одно из зданий — темно-красное, хорошо сохранившееся, с целыми стеклами — отчего-то притянуло взгляд Эриха. Он подошел к двери в подъезд, открыл ее.

— Посмотрим, что внутри?

Эльза кивнула.

Они поднялись на второй этаж, увидели несколько добротных деревянных дверей. Бауэр наугад толкнул одну — она отворилась.

В квартире было тепло. Не иначе дом подключен к системе центрального отопления, которую сейчас спешно реанимировали техники. Вполне немецкая квартира — фотографии хозяев на стенах, паркетный пол, патефон на столе.

Эрих покрутил ручку, поставил иглу на пластинку. Женский голос по-русски нежно и трогательно запел о белом шиповнике.

«Для любви не названа цена, лишь только жизнь одна, жизнь одна, жизнь одна...»

Обер-лейтенант хотел перевести слова для своей спутницы, но увидел в ее глазах слезы — она все понимала. Обняв девушку, Эрих послушал песню, а потом взял Эльзу на руки и понес ее в спальню. Там девушка сама начала страстно целовать его. Пусть вокруг этот страшный город, пусть впереди кровь, мгла и смерть — сейчас они вместе, и этот вечер их. Двое в брошенной квартире принялись срывать с себя форму так яростно, словно она жгла их

кожу.

* * *

На торжественную церемонию фюрер не прибыл. Даже рейхсканцлер не явился. Не было ни победного парада, ни салюта. Короткий строй бойцов явно терялся посреди обширной Красной площади. Бауэр даже почувствовал себя уязвленным: если верить кинохронике, торжества по случаю вступления в Париж выглядели куда помпезнее.

Поблескивая моноклем в правом глазу, прямой, как штык, генерал-фельдмаршал в шинели с малиновыми отворотами медленно двигался вдоль шеренги, пристально всматриваясь в лица. После вручения награды он крепко пожимал очередному счастливцу руку, звонко щелкал каблуками своих кавалерийских сапог и провозглашал приветствие столь громко, что эхо начальственного вопля еще с минуту гуляло между Кремлем и длинным зданием ГУМа.

— Лицо знакомое, но никак не могу вспомнить, кто это, — шепотом пожаловался Эрих стоящему справа Коху.

— Вальтер фон Рейхенау, — одними губами ответил майор, указывая глазами на скрещенные жезлы генерал-фельдмаршальского погона. — Тот, что в 40-м взял Париж. Он командовал 6-й армией до Паулюса.

После окончания церемонии всех участников пригласили на банкет в уже знакомую Бауэру «Москву», но Эрих задержался, дожидаясь Эльзу. Она подошла к нему минут через десять — как всегда, деловая и собранная.

— Как дела? — поинтересовался Эрих.

Фройляйн Вернер продемонстрировала безымянный палец левой руки. На нем плотно сидело серебряное кольцо с рунами и черепом.

— Какое изящное... Я представлял его чуть побольше... Это ведь Totenkopfring — «Мертвая голова»?

— Одна из высших наград СС. Только что получила его в Георгиевском зале Кремля из рук начальника Главного управления имперской безопасности обергруппенфюрера СС Рейнхарда Гейдриха.

— Поздравляю!

— Спасибо. А где твой Железный крест?

Эрих потряс коробочкой с наградой и жестом фокусника материализовал в руке пару капитанских погон.

— Тогда поторопитесь, капитан, — девушка улыбнулась. —

Нас вызывает герр Хаусхофер. По слухам, он может быть одновременно везде и нигде. Но это не означает, что он привечает опаздывающих.

Эрих кивнул. Хоть к Хаусхоферу, хоть на расстрел — лишь бы с ней, лишь бы вместе. Имя показалось ему знакомо: кажется, Фогель говорил, что она его протеже.

* * *

Быстрым шагом Эльза прошла мимо мавзолея. Какой-то офицер СС, вышедший из темного провала и расположившийся на сорванной гранитной двери, словно в этом было особое удовольствие, приветливо помахал ей рукой. Сердце Бауэра ревниво кольнуло, а Эльза, махнув в ответ, презрительно фыркнула:

— Люди Зиверса. Гробокопатели, воображающие себя некромантами.

Эрих слегка расслабился.

Обогнув кремлевскую башню, они оставили по правую руку приютившую их гостиницу и двинулись вдоль кремлевской стены. Здесь Бауэр еще не был, но, похоже, девушка хорошо знала дорогу — непонятно только, откуда. Успела проведать своего покровителя с утра? Хорошо изучила карты? Или была в Москве прежде? Почему бы и нет. Несколько лет назад рейх и Советы сотрудничали...

— Куда мы идем? — спросил Эрих.

— В Кремль.

— Но мы же стояли рядом с воротами!

— Разве они были открыты? — раздраженно бросила Эльза, но потом смягчилась и объяснила: — У меня нет пропуска для тех ворот. Представители Аненербе контролируют другие.

— Но у тебя нет пропуска и для них?

— Конечно. Но там меня пропустят.

* * *

В Кремль вошли по мосту, прикрытому с боков зубчатыми бойницами. Эльзу пропустили беспрекословно, как только она продемонстрировала свой перстень, к Эриху вопросов тоже не возникло. Прошли мимо Царь-пушки и Царь-колокола — тщеславных и глупых русских символов. Обогнули колокольню Ивана Великого и Архангельский собор, из которых солдаты уже

выносили и грузили в автофургоны золотую церковную утварь.

— Стоп! — широкоплечий офицер с горжетом полевой полиции на груди предупреждающе вскинул руку, но, разглядев петлицы Эльзы, поторопился отступить в сторону. Пять шагов и снова «Halt!». Второе кольцо оцепления, состоящее из солдат элитной моторизованной дивизии «Великая Германия», капитан и штурмбанфюрер миновали тоже без затруднений, но у входа в Благовещенский собор, куда, судя по всему, и направлялась Эльза, маячила еще и третья преграда — спешенные рейтары кавалерийской дивизии СС.

— Профессор здесь? — обратилась Эльза к рейтарам.

Парень с тремя квадратными «шишечками» в петлице — унтерштурмфюрер СС — вышел навстречу девушке, вскинул руку в приветствии и, как показалось Эриху, без должного уважения к званию дамы спросил: — К самому?

— Да, — бросила Эльза.

— С вами? — кивнул он на Бауэра.

— Конечно.

— Герр Хаусхофер в курсе?

— Под мою ответственность.

— Пропустить, — приказал унтерштурмфюрер.

За сводчатым проемом двери пахло затхлостью и табачным дымом. Под суровыми взглядами нарисованных на стенах русских святых два десятка эсэсовцев аккуратно что-то паковали в длинные кофры. За иконостасом обнаружился приличных размеров ход вниз.

Этаж, другой, третий... Казалось, лестницам не будет конца. Бронированные двери, клетки лифтов, вентиляционные шахты, пулеметные гнезда с узкими щелями — правда, зачастую без пулеметов. Тусклые лампочки, мрачные, выкрашенные зеленым стены.

На четвертом подвальном этаже встретились с двумя рейтарами, тащившими наверх железный ящик. Эсэсовцам было тяжело, они останавливались на каждой площадке, тяжело дышали.

— Что тут за бункер? — спросил Эрих, когда они разминулись с рейтарами, которые оглядели фройляйн Вернер с головы до ног.

Эльза устало улыбнулась.

— Изучаем. Откуда же мне знать, милый?

Действительно, откуда? Но не зря же здесь построили такие кротовые норы! Да какие там кротовые... Целая шахта с многоуровневой системой тоннелей. Сколько секретов она скрывает?

Наконец, где-то в пыльной глубине, на восьмом или девятом этаже они достигли коридора, полого уходившего вдаль. Лестница вела дальше вниз, но Эльза уверенно зашагала по коридору, туда, где в конце тоннеля горел яркий свет.

— А Хаусхофер — он кто? — запоздало догадался спросить Эрих.

— Большой ученый, друг моего отца. Я знаю его с детства, он посылал меня в Тибет. А еще он учитель Гесса.

— Вот как? Заместителя фюрера по партии, сошедшего с ума и улетевшего в Англию?

— Поверь, Рудольф Гесс не более сумасшедший, чем ты или я. Кстати, на днях он сбежал из Англии и вновь на высокой должности.

Эрих не нашелся, что сказать. Гесс сбежал? На фоне взятия Москвы новость не слишком потрясала, но все же, все же...

* * *

Герр Хаусхофер сидел за широким столом, заваленным документами, и внимательно изучал стопку бумаг, в которой Бауэр признал собственный доклад. Профессор оказался бодрым крупным стариком. Тяжелый взгляд, большие усы над тонкими губами, мощные руки. Увидев Эльзу, Хаусхофер кивнул, коротко бросил:

— Привела?

— Вот он, профессор.

— Везунчик. — Хаусхофер перевернул последнюю страницу доклада. Прихлопнул ее ладонью и сделал неожиданный вывод: — Это настораживает.

В руках Хаусхофера оказалась круглая штука с множеством дырочек. Бауэр даже подумал, что это знаменитое «яйцо Фаберже», но только цвет у штуковины был местами темный, а местами серебристый. Профессор сдвинул какой-то рычажок, и у Бауэра случился приступ головной боли, который тут же прошел.

— Зачем, профессор? — поморщилась Эльза.

— Тебе тоже больно, внучка? — хмыкнул Хаусхофер. — Ничего, привыкнешь. Полезно выжигать заразу из своих генов. А она есть практически у каждого, в той или иной степени.

— Но вы сделали это для проверки? Я же рассказывала, что он работал с «Мьёллниром».

— Одно дело — твой рассказ, другое — необходимость убедиться самому. Что ж, рад: герр Бауэр имеет сравнительно чистую кровь и может помочь нам в наших затеях.

— Капитан Бауэр, — осмелился поправить старика Эрих.

Хаусхофер усмехнулся.

— Какая разница? Звания ничего не решают. А вот знания — да. Кто владеет знаниями, тот правит миром. Так?

— По-видимому, — ответил Бауэр.

— Но знания — слишком серьезная сила. Мы выпустили джинна из бутылки. Советы тоже переусердствовали... Но на своей земле у нас есть шансы выстоять. Однако до этого придется решить некоторые проблемы. И я надеюсь, что ты, Эльза, мне поможешь. Ты и твой новый друг.

— Что от нас потребуется? — спросила Эльза.

— Добраться до Англии и встретиться с Уинстоном Черчиллем. Война между нами и англичанами — война между людьми одной расы. Настоящая трагедия, которую необходимо прекратить как можно быстрее. В противостоянии надвигающемуся с востока кошмару нам понадобится каждый ариец. И совершенно неважно, откуда он родом: из Пруссии или Уэльса. Фюрер понимал это с самого начала. Поэтому в 40-м позволил англичанам эвакуироваться из Дюнкерка, а в 41-м по моей просьбе послал к ним Гесса. Но погрязшее в гордыне английское правительство и не подумало пожать протянутую нами руку дружбы.

«Ого. А ведь за знание об этом в гестапо могут три шкуры спустить...»

— Могут-могут, — подтвердил Хаусхофер, и Эрих вздрогнул от его колкого взгляда. Профессор читал его мысли!

Хаусхофер меж тем продолжил:

— После победы над большевиками фюрер снова предложил Альбиону мир. И снова получил отказ. Это переполнило чашу его терпения, что позволило Гиммлеру, ярому англофобу, уговорить фюрера пойти на крайние меры. Я оказался бессилен что-либо изменить.

— И?.. — Эльза взволнованно подалась вперед.

— Он приказал стереть Англию с лица земли.

— Но на англичан не действует «Мьёллнир»-бомба!

Хаусхофер не ответил. Он сдвинул бумаги в сторону, положил на стол портфель и начал в нем рыться. Эрих с интересом наблюдал за его манипуляциями и был очень удивлен, когда старик выудил из портфеля замшевый пенал, в котором, в свою очередь, лежало несколько золотых колец. Таких же, как у Эльзы, таких, какое было у Фогеля.

— Клянешься ли ты самыми страшными клятвами быть верным делу нации и заветам предков? — спросил старик Эриха.

— Клянусь, — пожалуй, слишком поспешно отозвался тот.

— Тогда держи, — Хаусхофер протянул ему кольцо. — Даже рыцарю и капитану вермахта я не могу сказать многого. Одному из нас скажу все. Но не обижайся на меня, если знания станут слишком тяжки. В этом случае уйди как мужчина и воин.

— Да, — во рту Бауэра пересохло. Он надел кольцо на безымянный палец правой руки и удивился, насколько впору оно пришлось.

— Мы нанесем три бомбовых удара, — сказал Хаусхофер, повернувшись к Эльзе. — По Глазго, Манчестеру и Бристолю. Оружием из Аушвица. Англии конец.

— А Лондон? — все еще ничего не понимая, спросил Бауэр.

— Лондон вместе с миллионами английских арийцев и большей частью Британии уйдет под воду. Побережье Франции, Бельгии и Голландии сметет чудовищным цунами, порожденным гибелью Атлантиды XX века, — профессор горько усмехнулся. — Весь мир окончательно окутают радиоактивные облака, а мы останемся одни лицом к лицу с древним ужасом Востока.

Эрих почувствовал, как в довольно-таки теплом подвале его прошиб холодный пот. Он почему-то безоговорочно верил этому старику. Знал, что именно так и будет.

— И что дальше? — довольно тупо спросил новоиспеченный капитан и член ордена Аненербе.

— Конец, — пожал плечами профессор. — Если, конечно, вы не сможете убедить Черчилля и его кабинет министров немедленно вывесить белый флаг.

— А... — начал Бауэр, но Хаусхофер жестом остановил его.

— Эльза, я люблю любознательных молодых людей, но сейчас мне не до просветительской работы. Я даю вам два письма. Первое — с материалами о радиационных облаках по Шпицбергену, и с его помощью вы будете убеждать Уинстона. Второе — инструкции. Передадите его Гессу. Он поможет вам добраться до Англии. Думаю, ты найдешь Рудольфа в замке Вевельсбург.

Старик достал из портфеля два пухлых коричневых конверта, бросил их на стол. Эрих обратил внимание, что конверты скреплены сургучом, на котором красовалась витиеватая печать со свастикой.

— Опасно, — коротко бросила Эльза.

Хаусхофер хмыкнул:

— Русские говорят: волков бояться — в лес не ходить... Могут и расстрелять, если попадешься головорезам Гиммлера. Уж он-то не замедлит раззвонить на всю Европу о предателях, осмелившихся вести переговоры с врагом за спиной у фюрера. Но ты единственный человек, которому я могу доверить эту миссию.

К тому же у тебя есть надежный друг с пистолетом в кобуре, — старик подмигнул. — Хотя лично я предпочитаю друзей с мозгами.

Бауэр вспыхнул, но решил, что обижаться на профессора глупо.

* * *

Письма Эрих спрятал в потертом офицерском планшете. Обидно было уезжать из русской столицы так спешно, но приказ Хаусхофера звучал недвусмысленно: до вечера убраться из города.

Четырехмоторный лайнер «фокевульф Кондор» улетал в Фатерлянд в шесть вечера, нужно было торопиться. И все же по дороге в отель Эрих спросил:

— О каких радиационных облаках говорил профессор? Что это вообще такое?

— Вот что, — Эльза ткнула пальцем в небо. — Думаешь, плохая погода установилась просто так?

— Нет, — не слишком радостно улыбнулся Бауэр. — Не просто так. Думаю, это оттого что зима.

— Зима не закончится, — жестко ответила девушка. — Она будет продолжаться несколько лет.

— Что за глупости?

— Если бы. Еще до войны в Германии было открыто такое явление, как самопроизвольное деление ядра урана. Рейхсминистр вооружений и боеприпасов Альберт Шпеер доказал фюреру возможность использования открытия в военных целях. На разработку нового оружия были ассигнованы миллионы рейхсмарок. Концерн «И.Г.Фарбен» возвел в Аушвице завод по производству синтетического каучука — буны. Там работали сотни немцев и тысячи расово неполноценных заключенных из концлагерей. И все же завод не выпустил ни одного грамма каучука.

— Почему?

— Потому что на самом деле там делали урановую бомбу! Ее тайно испытали на Шпицбергене. Взрыв наполовину уничтожил остров и поднял в верхние слои атмосферы столько пыли, что это стало преградой для солнечного света. Когда осядет пыль, точно неизвестно. А что произойдет с атмосферой планеты после бомбардировки Англии, можно только догадываться.

— И все-таки фюрер без колебаний готов пойти на это?

— Да. Именно поэтому мы выращиваем грибы. Теперь ты

понял?

— Большинству из них не нужен свет?

— Именно.

Эриху стало тоскливо, как никогда. Неужели все лишения, все страдания ведут к еще большим лишениям и страданиям? И все в мире становится только хуже с каждым годом?

— В Африке тоже выпадет снег и воцарится холод?

— Думаю, там все-таки будет теплее, чем здесь. И мы сможем получать из экваториального пояса продукты. Но о временах изобилия придется забыть.

— О дивный новый мир, — вздохнул Бауэр.

— Без борьбы нет жизни.

— Кстати, о борьбе... Думаю, нам нельзя разлучаться.

— Почему?

— Нам ведь дано важное поручение и письма. Да и вообще, вдруг кто-то захочет организовать на тебя покушение? Я не могу этого допустить.

— И что ты предлагаешь?

— Думаю, я должен проводить тебя в номер. И неустанно находиться там, пока профессор не пришлет обещанный автомобиль до аэродрома.

Эльза взъерошила волосы Эриха.

— Наглец! Ну что ж, твое предложение не лишено смысла. Примерно час у нас есть.

* * *

Избежать пересадок не получилось. Над польским генерал-губернаторством пилот объявил, что впереди сплошной грозовой фронт, простирающийся чуть ли не до самого Берлина. Посланцам Хаусхофера пришлось приземляться в Варшаве и искать иной транспорт.

Нашелся он удивительно быстро. Эрих уже отвык от гражданской жизни и хотел получить пропуск на борт какого-нибудь военного самолета или, на худой конец, места в воинском эшелоне, а Эльза просто приехала на вокзал и купила билеты на поезд. Точнее, на суперэкспресс «Варшава—Брюссель».

Огромный состав с двухэтажными вагонами потрясал воображение. Не поймешь, что выше — поезд или здание вокзала. Вагоны выглядели как дома, а состав — как целая улица.

Внутри поезд смотрелся роскошно. Указатели «Ресторан», «Кинотеатр» и «Парикмахерская» удивляли только поначалу. Когда они вошли в каюту с душем и мягкими диванами, Бауэр

решил, что попал в сказку. И это всего лишь купе первого класса! А как выглядит люкс?

Зигзаги молний исчеркали весь горизонт на западе, но отличная звукоизоляция заглушала раскаты грома.

Через час после отправления пошли в кинозал — он располагался в соседнем вагоне. После просмотра лирической картины «Люби меня», где в главной роли блистала Марика Рекк, фройляйн Вернер не удержалась от шпильки:

— Я понимаю, что нашел в этой вертихвостке ее муж режиссер. В конце концов, они оба венгры. Но чем эта напомаженная дива покорила фюрера, почему он так к ней благоволит?

Угадав в словах спутницы уязвленную женскую гордость, Бауэр не стал торопиться с ответом. Эльза же, очевидно, сама быстро пришла к какому-то выводу. Оставив капитана посасывать кубинскую Hoyo de Monterrey в курительном салоне, девушка унеслась в направлении парикмахерской. Назад она вернулась нескоро, зато успела сменить брюки на форменную юбку, сапоги — на грациозные «лодочки» и в довесок ко всему обзавелась прической а-ля Рекк.

— О-о-о! — только и смог выдавить из себя капитан, торопливо гася в пепельнице сигару. Вскочил с кресла, оправил мундир и галантно предложил даме руку.

— Куда прогуляемся? Вперед или назад?

— Назад, — решила Эльза. — Там есть роскошный зимний сад. А впереди — помещения с остарбайтерами. У них глаза жалостные, как у коров на бойне. Видеть их не могу.

Но прогулка закончилась, так и не начавшись. Раздался удар гонга — состав начал торможение.

— Падерборн. Мы выходим, — объявила Эльза, сразу забывая про флирт. — Отсюда до замка рукой подать.

* * *

Вевельсбург — суровая крепость, оплот власти Великого магистра Черного ордена СС Генриха Гиммлера и источник вечного страха для врагов рейха. Глыба, уходящая корнями глубоко в скалу, туда, где под криптой таится зал группенфюреров с круглым дубовым столом в окружении двенадцати черных колонн, где в стенных нишах, как в средние века, чадят факелы, где плиты пола испещрены свастиками и руническими заклинаниями.

Замок оставил у Эриха ощущение давящей тяжести и холода.

Хотя здесь, рядом с рекой Альтенау, было не в пример теплее, чем на берегах Волги, капитан все равно испытал озноб. Эрих буквально чувствовал, в каком месте приносились кровавые жертвоприношения, где замурованы мертвецы — и те, что ушли в мир иной сотни лет назад, и те, кто был принесен в жертву новыми хозяевами. Золотое кольцо с символами Аненербе помогало ему — не только когда он проходил мимо часовых, но и словно бы согревая в давящих казематах.

В ставку Черного ордена, цитадель СС, они с Эльзой приехали уже глубокой ночью, когда нормальные люди спят. Но здесь, напротив, кипела жизнь. Бегали с донесениями унтерштурмфюреры и хауптштурмфюреры, деловито вышагивали с папками под мышкой ученые, сменялись в воротах и на вышках часовые. Стылый туман прорезали яркие лучи прожекторов, от которых хотелось спрятаться.

— Пока нам ничто не угрожает, — успокоила спутника Эльза и тут же ушла по своим делам.

Эриху выделили небольшую келью в одной из башен. Днем, в хорошую погоду отсюда, наверное, открывался неплохой вид. Но сейчас капитан видел лишь клочья тумана и время от времени мерцающее яркое пятно прожектора на другой башне.

Бауэр скользнул глазами по висящему на стене портрету фюрера, повертел в руках склянку с туалетного столика. «Hugo Boss — поставщик НСДАП с 1924 года». Похоже, в этой келье до него жили не самые простые парни. Ну да что ему до этого? На узкой и жесткой койке Эрих забылся тревожным сном.

Среди ночи его словно толкнули. Он не выполнил свой долг, так и не сдал в канцелярию жетоны павших солдат своей роты! Как он мог об этом забыть?! А планшет с письмами Хаусхофера унесла Эльза, там же, на дне, в холщовом мешочке, лежали жетоны.

Эрих поднялся — келья была освещена лунным светом, чудом пробившимся сквозь облака, — и обнаружил планшет на столе.

Надо составить список. Благо, в келье имелись и письменный стол, и чернильница, и несколько листов бумаги, стилизованной под пергамент.

Вытряхнув половинки жетонов[23] на стол, Эрих взял первый попавшийся.

Личный знак Рудольфа Ланге.

Что за дикая ошибка? Капитан Ланге жив и никогда не позволил бы своему жетону валяться, где попало. Может быть, Руди сильно тряхнуло в поле, и он выронил жетон, а Бауэр поднял его вместе с остальными? Наверное, так. При случае нужно будет вернуть жетон. Но вряд ли они свидятся когда-

нибудь — слишком далеко в русских степях остался капитан вермахта Ланге...

Отложив жетон в сторону и ничего не записывая, Бауэр взял следующую половинку. Личный знак Карла Тизенхгаузена.

Но Тизенхгаузен остался с Ланге. Раненый в плечо, но живой! Его жетон никто не ломал, потому что Карл не лежал, оскалившись, на русском снегу, глядя мертвыми глазами в пасмурное небо! Как такое может быть?

Следующая половинка. Номер Эммануила Бляйхродта. Фатти. Рыжий фельдфебель.

А этот жетон здесь откуда? Потрепанный, но живой и полный решимости бороться с унтерменшами Фатти остался под Сталинградом и с удовольствием поедал грибы неизвестного происхождения. Чокнутый фельдфебель... Может, он и виноват во всем? Подменил жетоны? Логику поступков сумасшедших понять невозможно.

Еще один жетон. Личный знак Хоффмана. Точно. Бляйхродт каким-то образом забрал жетоны своих товарищей и подсунул их обер-лейтенанту. Милая шуточка... Но могло быть и хуже — ведь у Фатти так и не отобрали автомат...

Следующий жетон Бауэр взял для очистки совести — и все же вздрогнул. Это была его половинка. Эрих Бауэр. Но как фельдфебель мог подобраться к его жетону? Неужели Бауэр ничего не почувствовал?

Он потянул за шнурок, вытаскивая медальон, висевший на шее. Медальон оказался целым! Чужой? Повернув его к лунному свету, Эрих прочел: «Мертвец Бауэр». Написано было шрифтом, стилизованным под руны. Где-то в лесу, за стенами и рвом, громко завыли волки. Капитан почувствовал, что в спину ему кто-то смотрит, но ведь дверь закрыта. Или двери вообще нет?

Волосы на голове капитана зашевелились. Он захотел закричать и не смог. Захотел вырвать из кобуры «вальтер», хотя пистолет не поможет против того ужаса, что надвигается на него сзади, и не смог пошевелиться.

Чудовищным усилием воли Бауэр вырвал себя из столбняка... и едва не упал с кровати.

Сердце бешено билось, в окно светил прожектор, и ни планшета, ни жетонов на столе не было. Планшет действительно забрала с собой Эльза. А мешочек с жетонами? Он благополучно сдан в канцелярию штаба 6-й армии еще до вылета в Москву.

* * *

Морозное утро оказалось куда веселее душной ночи. Замок уже не казался таким ужасным, да и люди здесь служили самые обычные: по двору сновали невыспавшиеся сотрудники Аненербе, уборщики в серой форме — несомненно, арийского происхождения, но с таким выражением лица, будто им сделали лоботомию. Вид же группы вполне солидных эсэсовцев, синхронно во дворе замка исполняющих какую-то пантомиму и нараспев издающих нечленораздельные звуки типа: «Лаф! Лаф! Лаф! Л! Л! Л! Лу! Лу! Лу!» — Бауэра откровенно позабавил.

— Руническая гимнастика по методике Зигфрида Кюммлера, — заметив недоумение на лице новичка, пояснил появившийся из стенной ниши незнакомый унтершарфюрер.

— Да-да, руническая гимнастика. Конечно, — с видом знатока поспешил согласиться Эрих.

— Они стремятся добиться счастья и успеха, — продолжал незнакомец. — Для этого необходимо вязать гальдстаф тела из рун Нод, Бар, Фа, Зиг, Манн, Бар, Ар, Тюр, Хагаль.

— Хагаль? Крайне действенное средство! — поддакнул Эрих.

Унтершарфюрер пристально посмотрел на Бауэра. Порывисто протянул руку:

— Меня зовут Отто Ран. Я из Гессена. А вы?

— Бауэр. Эрих Бауэр. Очень приятно, — капитан пожал руку и, сославшись на занятость, поспешил ретироваться подальше от навязчивого лектора.

«А рука-то у него — как ледышка. Все они тут какие-то ненормальные».

Дожидавшаяся у кельи Эльза к досаде Эриха держалась холодно и отчужденно. На попытку поинтересоваться, почему она не пришла к нему ночью и не избавила от кошмаров, девушка вполне серьезно ответила:

— Опомнись. Здесь — монастырь. У людей в этих стенах нет пола и иных стремлений, нежели служение своему народу.

Фанатизм штурмбанфюрера Эриха огорчил. Впрочем, как говорил старина Фогель, Эльза была Той Еще Штучкой — это нужно принять или бежать сломя голову прочь. Да только и бежать теперь вряд ли получится...

— Что дальше? Ты виделась с Гессом? — спросил он подругу, прервав затянувшуюся паузу.

— Его нет в замке — будет только к вечеру.

— Но это же отлично, — возликовал капитан. — Судьба дарит нам еще один день!

— Судьба — весьма ветреная особа. Никогда не знаешь, что за сюрприз она приготовила для тебя, — проговорила фройляйн Вернер.

— Ты это о чем? — нахмурился Эрих, на дух не переносящий туманных фраз.

Эльза вдруг прильнула к нему всем телом, и Бауэр, помедлив — все же вокруг «монастырь», — обнял девушку.

— Я боюсь, Эри, — призналась она.

— Чего?

— Мне нужно принять участие в ритуалах, которые пройдут этой ночью в баронском зале замка. Высокая честь. Меня пригласил Гесс, а Гиммлер смотрит на это весьма косо. Но против фюрера рейхсфюрер не пойдет. А фюрер вновь повернулся к партии Гесса лицом.

— Политика... — без особого энтузиазма молвил Бауэр,

— Политика! — отозвалась Эльза. — Если ты не хочешь заниматься политикой, то политика займется тобой. Не знал?

— По-моему, она скорее займется мной, если я полезу в нее.

— Что за пораженческие разговоры? Ты хочешь сбежать? Изволь, я откомандирую тебя обратно в дивизию. Правда, не знаю, где она сейчас. Скорее всего, охраняет от диких горцев запасы каспийской нефти.

— Я не хочу сбежать, — нахмурился Бауэр. — Мы пойдем до конца. Вместе.

— Посмотрим, — фыркнула Эльза. — У тебя есть еще вопросы?

— Чем мне до вечера заниматься? Прятаться под своей койкой в келье?

— Побродди по замку, — предложила Эльза. — Посети показательную грибную ферму в двух километрах отсюда. Словом, отдохни.

* * *

Показательная грибная ферма действительно потрясала воображение. Большое, трехэтажное здание с несколькими подвальными этажами в деревеньке рядом с Вевельсбургом представляло собой то ли теплицу, то ли выставочный зал.

На нескольких уровнях, в свете ламп и в полной темноте, в жарком воздухе и в прохладе росло около четырех десятков сортов разнообразных грибов. Шампиньоны и опята, лисички и сыроежки, вешенки и белые грибы, маслята и трюфели... Многие названия Эрих слышал впервые. А в отдельных домиках поодаль от главного здания выращивали и съедобную плесень разных расцветок.

За билет Бауэр заплатил совсем немного — две рейхсмарки.

Символическая цена, если учесть, что в нее входила и дегустация продукции — проще говоря, обед после экскурсии. Но меню смутило капитана. Суп из плесени, грибной протеиновый коктейль, ложные котлеты, синтетическое мясо... Даже вина не предлагали, вместо него бармен разливал по бокалам мутный грибной шнапс и пиво подозрительно серого цвета.

Эрих остался без обеда, но особенно не огорчился. В последнее время он вообще стал мало есть. Иногда просто забывал позавтракать или пообедать. А если рядом была Эльза, есть вообще не хотелось.

На выходе из столовой Бауэр столкнулся со своим утренним знакомцем — унтершарфюрером Отто Раном. Тот тоже не стал есть суп из плесени, который радостно наворачивали прочие посетители фермы, большей частью эсэсовцы.

— Не вдохновило мицелиевое пиво? — поинтересовался Ран.

Они зашагали к Вевельсбургу по заснеженной тропинке, не дожидаясь попутной машины.

— Предпочитаю баварское, — признался Бауэр. — Позволено ли мне будет узнать, чем вы занимаетесь? — задал вопрос капитан.

— Я специалист широкого профиля, — Ран заложил руки за спину. — Очень удобно. Но отчасти и обременительно. Во многих знаниях многие печали. Преумножая знания, преумножаешь печаль.

— Вы говорите, как один старик, с которым я недавно познакомился в Москве, — заметил Эрих.

— Старик в Москве? — унтершарфюрер сбился с шага, булькнул, а потом громко рассмеялся. — Ну, вы и конспиратор, Бауэр. Слышал бы Хаусхофер, как вы его назвали!

Эрих удивился.

— Вы знаете профессора?

— Я много знаю. Я бы даже сказал: непозволительно много.

Стены замка закрывали уже почти половину неба. Буковая роща закончилась, тропинка разделилась.

— Что ж, мне направо, но вас вряд ли пропустят через тот вход, даже несмотря на ваше кольцо, — заметил Отто Ран. — До встречи, капитан Бауэр.

— Всего доброго, — буркнул Эрих.

* * *

Бауэр двинулся налево и, не пройдя и полусотни шагов, увидел Эльзу, нервно сигналящую за баранкой «опель-адмирала».

— Эрих! Эрих!

Волосы высунувшейся в открытую дверь Эльзы развевались на ветру почти как тогда, в поле под Сталинградом.

— Что случилось, любимая? — сердце Бауэра бешено застучало.

— Садись — нам надо торопиться! Гесс сообщил, что Гиммлер добился ордера на наш арест. Аннулировать его Рудольф пока не может.

Эриха больно кольнуло это «Рудольф», но сейчас было не до ревности.

— В чем нас обвиняют? — он плюхнулся на сиденье рядом с девушкой и захлопнул за собой дверь.

— В предательстве. — Эльза выжала газ, переключила передачу, и «опель» буквально прыгнул вперед. — В том, что пытаемся перебежать на сторону противника вместе с сверхсекретными документами об испытаниях урановой бомбы. Не сомневайся: если мы попадем в лапы Гиммлера, то во всем признаемся. Поэтому, если ты поймешь, что нам не вырваться, убей меня. И себя. Это лучше, чем попасть в лапы гестапо.

— Ничего не скажешь — веселенькая перспектива, — признал Эрих. — Куда мы сейчас?

— Для начала в Падерборн. Поезд для нас — ловушка, так что выдвигаемся на аэродром. Нам потребуется любой самолет, способный дотянуть до Вильгельмсхафена. Гесс связался с командующим кригсмарине и уговорил его срочно переправить подлодкой двух «разведчиков-диверсантов» на английское побережье. Это наш единственный шанс!

— А почему бы нам прямо из Падерборна не рвануть на самолете в Англию?

— У британцев отличные радары и мощная система противовоздушной обороны. Нас собьют еще над Северным морем.

* * *

Как ни странно, на территорию аэродрома беглецов пропустили практически без проблем. Но в воздухе чувствовалось какое-то напряжение. Эльза знала, что делала: подбежала к маленькому, обтянутому тканью моноплану, забралась на место пилота, проверила датчик топлива.

— Ну? — Бауэр нетерпеливо вытянул шею.

— Годится! Я завожу двигатель, а ты освобождаешь шасси.

— Так точно, госпожа штурмбанфюрер!

Капитан нырнул под самолет. Выдернул металлический «башмак» из-под одного колеса, потом из-под другого. И тут над его головой тонко пропела первая пуля...

Бауэр чертыхнулся, отработанным жестом вырвал из кобуры «вальтер», хлопнулся на живот, толкнул предохранитель вверх и, не целясь, в быстром темпе выпустил все восемь патронов поверх голов бегущих солдат. Те залегли. Эрих сменил магазин. Кротко поинтересовался:

— Ты еще долго?

— Взлетаем. Полезай ко мне.

— Эй! Тут же был пулемет!

— Извини, не заметила, — не оборачиваясь, сказала девушка и плавно потянула ручку управления на себя. Ружейный залп вдогонку разорвал крыло рядом с кабиной. Но все же самолет поднялся и уверенно полетел к морю.

Через полтора часа прыжков по воздушным ухабам они вывалились из-под низких облаков прямо над гребнями волн.

— Гельголандская бухта! — обрадовалась фройляйн Вернер. — А вон и Вильгельмсхафен.

«Шторх» заложил вираж влево, нацелившись на ковши портовых гаваней.

Эльза не стала миндальничать и притерла юркий моноплан к земле прямо на плацу школы подводников. Бумаги с факсимиле Гесса оказалось достаточно, чтобы авиаторов-любителей быстро препроводили к командующему флотом.

Высокий, с обветренным лицом и сошедшимися на переносице бровями адмирал отвернулся от большого окна, выходящего на рейд:

— Меня известили о вашем предполагаемом визите из штаба Главного командования ВМФ. Признаться, не ожидал, что один из агентов окажется прелестной фройляйн, — сдержанный кивок в сторону Эльзы; на нашейной ленте солидно качнулся Рыцарский крест. — Однако вынужден сообщить, что я не в силах помочь вам добраться до Англии. У меня для этого нет ни единой посудины под рукой, да и вообще про Англию теперь можно забыть.

— Почему?! — девушку качнуло, как от удара. Бауэр скрежетнул зубами.

— Потому что Вильгельмсхафен пуст, — адмирал ткнул пальцем в окно. — «Бисмарк», «Граф Шпее», «Блюхер», эсминцы, миноносцы, подлодки — все ушли. Я получил циркуляр из ставки фюрера: операция «Новая Атлантида» начнется сегодня. В связи с непредсказуемыми последствиями уничтожения британских островов решено временно перебазировать флот на Балтику. Таков приказ фюрера, и я, адмирал Гюнтер Лютьенс, от него не

отступлю.

* * *

Из выполненных в виде огромных иллюминаторов окон офицерского клуба Вильгельмсхафена открывался прекрасный вид на море. Но в связи с уходом флота и эвакуацией наземного персонала базы в глубь материка клуб был пуст. Почти. У барной стойки спиной к входной двери сидел одинокий эсэсовский офицер и молча прихлебывал шампанское.

— Шнапса! — Бауэр грохнул кулаком по стойке.

— А что изволит фройляйн? — поинтересовался бармен, поправляя бабочку.

— Какая я тебе «фройляйн»?! — взорвалась Эльза. — Я госпожа штурмбанфюрер. Ну-ка налей мне рейнвейна... Или нет. Лучше французского коньяка.

Пока бармен жонглировал бокалами и бутылками, Эрих наклонился к красной от ярости девушке и прошептал:

— И все же нет худа без добра. Да, мы не попали в Англию. Зато я уничтожил копию отчета, и Гиммлер остался с носом. Как он теперь докажет вину профессора?

— Если ты считаешь, что это заставит рейхсфюрера потерять интерес к нашим персонам, то сильно заблуждаешься! — прошипела в ответ Эльза. Одним махом опрокинула в себя порцию коньяка и потребовала еще.

— Извините, что нарушаю ваш тет-а-тет... — раздался сбоку вкрадчивый голос.

Бауэр повернул голову. Рядом за барной стойкой сидел улыбающийся Отто Ран.

— Но откуда...

— Я уже говорил, — унтершарфюрер развел руками, — что у моего положения есть свои преимущества. Не только вы умеете летать на самолетах. К тому же есть способы перемещаться еще быстрее. Но, чем размышлять о том, как я опередил вас, задумайтесь над величием момента: именно сейчас, когда фройляйн Вернер заливает свое бессилие «Наполеоном», на взлет пошел реактивный бомбардировщик с урановой бомбой. Англии конец.

— А если он не долетит? — тихо спросил Эрих. — Там ведь радары, зенитные пушки... Или сама бомба не взорвется?

— Даже не сомневайтесь, — лицо Отто исказила гримаса. — Долетит. И взорвется. Правда, последствия взрыва могут оказаться самыми неожиданными. Вплоть до нашей гибели. Но

только в том случае, если нам суждено перейти в мир иной.

— Как это стоит понимать? Вы фаталист? Или буддист?

— Теперь — пожалуй, — ответил Ран.

Эльза с бокалом отошла к окну. На Отто внимания не обратила, словно ожидала увидеть его здесь.

— И вы не станете убеждать нас укрыться в бомбоубежище? — изумился Эрих.

— Зачем? Вы, как я вижу, так до сих пор ничего не поняли. Все мы давно мертвы.

— В каком смысле? — вздрогнул Бауэр. Обыденность унтершарфюрера ему не понравилась. Точнее, вселила ужас. Отчего-то вспомнился недавний сон, в котором он нашел в своем планшете собственный «смертный» жетон.

Ран взял бокал шампанского, отхлебнул.

— Вы чувствуете вкус своего напитка? — неожиданно спросил он.

— Да. Наверное, — Бауэр не вполне понял вопрос. — Шнапс...

— А я не чувствую. Потому что при жизни очень любил шампанское. Ах, эти пузырьки... Но сейчас словно язык отнялся. Многие вообще не могут есть нормальную пищу, переходят на грибы. Вам это не кажется странным?

Эрих сразу вспомнил пожирающего грибы Бляйхродта. Но что взять с сумасшедшего?

— Тяжелые времена, — предположил он. — Страна ищет новые источники питания. Мы же с вами вместе были на образцовой ферме...

— Да нет же. Грибы — пища мертвых. Гриб сакрален.

Над морем промелькнула огромная тень. Эрих успел разглядеть кресты и свастики на серебристой поверхности.

— Летающее крыло, «Хортон», — сообщил Ран. — Понес бомбы в Англию. Будет там минут через десять. Разве можно построить такую чудо-машину в прежнем мире? Увы, герр Бауэр. Увы. Но главное — в другом...

— В чем же? — Эрих невольно продолжал безумный разговор, хотя лучше бы, наверное, подойти к провожающей взглядом самолет Эльзе, увести ее отсюда.

— В том, что мы все время встречаем покойников, — заявил унтершарфюрер. — Да и сами не лучше...

— С каких пор?

— Очень интересный вопрос... Тут уж каждый определяет самостоятельно... Вот, например, я. Был приличным человеком, писателем и археологом — пока не связался с Аненербе. Искал для рейхсфюрера Святой Грааль.

— Простите, что искали?

— Грааль, тот самый... Потом стал не угоден. Меня сперва сослали в концлагерь, а затем вообще нашли замерзшим в Тирольских Альпах. Ну то есть, предполагаю, что нашли... Теперь я мертвец с весьма неординарной карьерой. Потому что понимаю, где мы. Где-то там, наверху, — Ран неопределенно махнул рукой, — русские выиграли войну. Но здесь мы сильнее. Потому что это наш ад. Хорошо, правда?

— А есть и ад русских?

— Вы смотрите в корень, — Отто взглянул на Эриха с некоторым изумлением. — И ад, и рай. Точнее, миры восходящего и нисходящего ряда. В череду которых входит и та Земля, на которой мы родились. И где развязали войну.

— Так все, по-вашему, погибли? И фюрер, и Гиммлер, и Гейдрих, и Гесс?

— Если не погибли, так погибнут. Время здесь имеет небольшое значение... Гесс, кстати, как это ни смешно, еще жив. Он просто образцовый объект моей теории. Потому что фигура, которую мы воспринимаем как Гесса, — всего лишь идея Гесса. Абстрактная идея, живущая среди нас. Вот вы лично его видели?

— Нет. Эльза видела.

— Спросим?

Эрих прошел, к окну, взял Эльзу за руку.

— Скажи, пожалуйста, ты видела Гесса?

— Когда?

— Сегодня, в Вевельсбурге. Или вчера.

— Нет, он общался со мной через секретаря. Осторожничал.

Отто Ран поднял палец и хихикнул.

— Что и требовалось доказать. Но мы — люди, а люди переменчивы. Ничего удивительного в том, что кто-то умер, а кто-то восстал из небытия. Пространство и время относительны. Но вот звезды... В Вевельсбурге имелась отличная обсерватория. Там самое современное оборудование. Некоторые наблюдения можно вести даже сквозь облачный покров. И самое интересное заключается в том, что звезд на небе больше нет. Даже Солнца... Вы понимаете, что это значит?

— Нет, — ответил Эрих.

— Мир лишился протяженности! Он замкнут на себя!

Чудовищная вспышка озарила горизонт. Облака на краю моря словно закипели. При этом не раздалось ни звука — крушение Великобритании проходило в тишине.

— И Англии больше нет, — прошептал Отто. — Волшебной страны, такой же древней и легендарной, как Германия... Вот и все. Минуты через две здесь станет очень неуютно. Сначала звук придет по воде. Потом — ударная волна по воздуху. Надо

спуститься вниз.

— Я хочу видеть! — сказала Эльза.

— Нет! — твердо заявил Эрих. — Глупо подставлять себя под удар.

Как ни странно, девушка его послушала.

Они вышли в коридор, начали спускаться в бункер.

— Мы можем остаться здесь, — заупрямилась Эльза.

— Пойдем дальше.

— Такое впечатление, что наш спутник не хочет прятаться.

— Отто Ран вообще своеобразный тип. Понимаешь, этот чудак — на самом деле мертвец. И считает нас такими же. А вокруг — ад. Ведь так,герр Ран?

Страшный удар потряс бомбоубежище. С потолка посыпалась штукатурка, Эльза споткнулась и покатилась вниз по лестнице. Эрих помог ей подняться, отряхнул паутину с волос.

— Землетрясение, — пояснил унтершарфюрер. — Естественное явление. Здесь, в аду, все естественно: запахи, цвет, осязание, боль. Если вам влепят пулю между глаз, вы умрете, несмотря на тот факт, что с вами это случалось.

— Что-то вы совсем заумное плетете, — счел нужным заявить Бауэр, хотя на душе скребли кошки.

— Да нет же... Все просто и логично. Если вы сдохнете там, на Земле, то попадете на тот свет. Но вот конкретно КУДА вы попадете — вопрос. Может, в рай или чистилище. А может, сюда, в ад. Мирам несть числа — во всех временах. Существование не заканчивается смертью. Даже после нее остается масса возможностей, чтобы нагрешить и опуститься на круг ада ниже или впасть в святость и возвыситься. Для изменения посмертного статуса достаточно одного...

— Чего?

— Снова умереть.

Эльза недоверчиво покачала головой.

— Каждый получает по делам его, — сообщил Ран. — При мне убили доктора, который в Дахау потрошил людей, словно лягушек. Обезумевший пациент — вроде бы, мертвый — вскочил со стола и перегрыз эскулапу горло. Но, полагаю, доктор даже этого не заметил. Просто сместился в иной слой реальности — там, наверное, и луны нет, не то что солнца. Да еще и земля горит под ногами... А тысячи евреев? Куда они делись? Отправились в свой мир. И русские: у них свой мир, свои территории, не имеющие ничего общего с нашими. Поэтому мы не сможем жить в России, поэтому сейчас в волнах сгинула Англия. Логика! И наши солдаты, воевавшие не за верность идеалам национал-социализма, а за свой Фатерлянд... Много вы

видели вокруг себя рядовых?

Эрих вспомнил Бляйхродта, ненавистника унтерменшей. А сразу после него — опустевшую Москву. А ведь и правда: там даже кошек не было. И птиц... Остались только здания да техника — и то ее оказалось подозрительно мало. Город-призрак Москва, город, полный мертвецов, Сталинград.

Да и русских он встречал только тех, что были «добровольными помощниками». Лишь пленный солдат в ногайских степях был настоящим — и то его сразу отправил «на тот свет» Бляйхродт. Помог оказаться в русском аду. Или в раю, что скорее. Ведь парень бился за свою Родину.

— Между прочим, зря вы, капитан, переживали из-за уничтожения тысяч людей, — заметил Ран. — В реальности вам бы это с рук не сошло, а вот здесь... «Мьёллнир», расовое чудо-оружие, на самом деле действует только на фантомов. Свет прогоняет призраков, живым людям он ничего сделать не способен! Здесь полно фантомов, увы.

— Выйдем на воздух, — попросил Эрих. — Душно.

— Ну, если вы не боитесь радиации... Хотя вы правы. В аду бояться такого пустяка вряд ли стоит. Тем более вам. Я-то могу исчезнуть.

— Переместиться. А вот вас разорвать сложнее. Любовь...

* * *

Стекла офицерского клуба были выбиты. Стойка опрокинута. Бармен с бабочкой исчез. Лишь лежал на полу бокал из-под шампанского, весь в пыли и плесени. Свежий йодистый ветер вздувал рваные драповые шторы, как побитые ядрами пиратские паруса.

За окнами-иллюминаторами волновалось и все никак не могло успокоиться море — огромные валы дробились о волнорезы в мелкую пыль.

— Неужели правда? — выдохнула Эльза, с некоторым разочарованием чувствуя себя совершенно трезвой. — И что же нам делать?

— Для начала — выбираться из Вильгельмсхафена, — сказал Бауэр. — Хорошо бы оказаться где-нибудь подальше отсюда. Там, где нет зимы.

— Отличная идея, — согласился Ран, тронув носком сапога тонко звякнувший бокал. — Смените имена, забудьте прошлое, попытайтесь обрести покой и надежду. Чтобы получить что-то, нужно что-то потерять.

Бауэр снял кольцо, подаренное ему Хаусхофером, взвесил его в руке. Тяжелый металл, внушающая благоговение эмблема... Взял в свои ладони руку Эльзы, стащил кольцо с ее пальца.

— Так?

— Так, — ответила девушка.

Размахнувшись, Эрих швырнул кольца в ледяное море.

— Вот мы и повенчались, — тихо сказал он.

— И будем вместе. До конца, — ответила Эльза. Ветер, врывающийся в разбитое окно, играл ее волосами.

— Дороги открыты, — заметил Ран, оглядываясь в дверях. — Дороги всегда открыты. Вопрос только в том, сколько времени займет путь.

* * *

Ветер принес запах дождя и грозы. На западе, где-то в дальней дали, за Доном, грохотали громовые раскаты, сверкало. Нет, не гроза. Не может быть, чтобы каждый день гроза. Хотя дожди каждый день, да такие теплые, грибные...

Петр Афанасьевич притворил окошко, налил кипятка в термос, побрел на переезд — посидеть со свояком, попить чаю с малиной, с крепким вавиловским яблочком. Яблоки в этом году уродились, как никогда. Хоть и новый сорт, и деревца совсем махонькие — под яблоками гнулись. Да и вообще, урожаи с тех пор, как прогнали фрицев, загляденье.

Нога, потерянная в империалистическую, совсем не болела. Лекарство, что носила свояченица, действовало на славу. Даже если забудешь выпить таблетку — не беда, все равно почти не болит. А свояк все уговаривал его поехать в Крым, в ялтинский госпиталь, там ветеранам войны пришивали новые ноги, лучше прежних. В эти сказки Афанасич не верил, но слушать их было славно. Даже помечтать о том, как на старости лет пробежит он по росистой траве, окунется в речку, не отстегивая опостылевший протез...

Вышел на улицу, взглянул на звезды. Ах, хорошо... Кажется, несколько дней прошло с тех пор, как Дарья беременная ходила — а Машеньке уже третий годок пошел, улыбчивая, веселая. Ей о немцах, что тут хозяйничали, как страшную сказку рассказывать будут. Да и сам он забывать их стал. Выбили фрицев за Днепр, а потом и за Дунай — да и мир заключили. Сколько можно мужиков-то изводить?

Вождя немного жаль, конечно. Тот мог страх нагнать. Все для фронта, все для победы... Только ведь жить все хотят — и те, кто

на фронте, и те, кто в тылу. Фриц — и тот злодеем не родился, что уж о своих говорить?

Жалеть народ надо. Новый-то вождь жалеет, грех жаловаться. Налоги снизил, колхозники жить стали по-человечески. И словно Бог ему помогает. Урожаи невиданные, погода — как надо, а зимы мягкие, тихие и куда морозы девались? Словно сгинули с лютой войной.

А деревьев каких дивных понавезли... Что за фрукты чудные! Жить да радоваться. Теперь Афанасич умирать не торопился. С супругой бы свидеться... Может, отыщется еще? Многие сейчас находятся из тех, кого в мертвые записали. Поразбросала людей война, но не все сгинули, не все!

Вот и разъезд. Окошко горит ярко, электричество, почитай, везде есть. Свояк газету читает — грамотный... И термос по почте выписал, чтобы деду сподручнее было к нему ходить. Из самого Китая термос. Воду нальешь вечером — до утра горячая.

— Вот и я, Тихон, — распахивая дверцу, объявил Петр Афанасьевич.

— Давно жду, дед, — хмыкнул свояк. Поговорить ему не терпелось. — Читал, чего в мире делается?

— Нет, не читал. Ты расскажешь.

— Англия, слышно, ко дну пошла, — поднял вверх палец свояк. — То землетрясения, то цунами. Знаешь, что такое цунами, дед?

— В японском не силен. Только по-германски немного разумею.

— Волна это — выше гор. Топит и топит острова. Лондон вообще на хрен смыло. Оно жаль, конечно, Британию, но туда ей и дорога. Всегда нам англичанка гадила.

— Нельзя так, Тихон...

— Ты, дед, еще немцев пожалей! Они тебя очень жалели?

— Табаком делились, — вступился за бывших врагов дед. — Да и пусть их. Живут у себя на севере, и живут.

— А с евреями как они? — продолжал обличать фашистов свояк.

— Ну, зато у евреев страна теперь своя. Большая, — раздумчиво проговорил Петр Афанасьевич.

Свояк подошел к добротному деревянному шкафчику, достал из него золотистую жестяную банку.

— Вот, кстати, о евреях. Из Палестины мне чаю прислали. Роза Соловейчик. Помнишь ее? Мы думали, ее еще в сорок втором расстреляли.

— Ты Дарье-то хоть не говори, — вздохнул дед, вспоминая кудрявую и пышнотелую красавицу Розу. Тихон явно был к ней

неравнодушен.

— Что ж я, совсем дурак, что ли? Видишь, даже домой не несу... Ну, давай заварим чайку. Попробуем, какой он там, в Палестине. Не может в Святой земле плохой чай родиться, так ведь?

КЭРОЛИН ИВ ДЖИЛМЕН
ЭКОНОМАНТ

Иллюстрация Евгения КАПУСТЯНСКОГО

Джейн!

Я был идиотом, когда позволил тебе уговорить меня ввязаться в эту дьявольскую авантюру.

Ты хоть представляешь себе, как далеко от Лондона эта

Нанонезия? Я провел в самолетах и аэропортах двадцать четыре часа — настоящая пытка. Сначала из Лондона во Франкфурт, из Франкфурта в Мумбай, куда прилетел в то время, когда не спят только летучие мыши. Конечно, мой рейс отменили, и мне пришлось взять новый билет. Я проторчал в мумбайском аэропорту достаточно долго, чтобы подхватить сальмонелловый сэндвич с грузом кишечной палочки на борту, и снова меня запихнули в очередную летающую жестянку, чтобы еще хоть на день продлить мучения жалкого существа — меня. В данный момент мои ноги пребывают в стабильном полуотмершем состоянии. Кажется, пилот заблудился, потому что в иллюминатор виден лишь бесконечный Тихий океан и ни клочка суши. Солнце встает, когда мои биологические часы наигрывают колыбельную. Когда у нас кончится горючее, не останется даже моих выбеленных костей, чтобы отправить родителям для захоронения.

Скорее всего, я не соглашусь здесь работать, разве что мне предложат должность председателя банка. И мне все равно, что Тамароа — это тот же Дубай: он чертовски далеко! И тут еще ты со своим: «Вперед, на восток, юноша!»... Если бы я зацепился за «Барклиз»[24], то со временем несомненно стал бы фигурой гораздо более значительной, чем заурядный торговец валютой. Знаю, что не был лучшим выпускником, но любой диплом, выданный Лондонским институтом экономики, в конце концов должен чего-то стоить. Если бы ты не соблазнила меня мыслью о солнечных пляжах под кокосовыми пальмами, я бы сохранил здравомыслие и никогда не подал заявления на эту работу.

Ох, вот идет бортпроводник с дефибриллятором, чтобы оживлять замученных до смерти транзитников.

Проклинающий тебя,

Саймон.

* * *

Джейн!

В общем, жизнь-то налаживается.

Прилагаю фото моего гостиничного номера, здесь видно, что наконец со мной достойно обращаются, как я того и заслуживаю. На первом плане — выложенная серо-голубым кафелем джакузи, на заднем плане — интерактивный домашний кинотеатр, а справа — мои личные тренажеры. Окно — во всю стену, от пола до потолка, но это совершенно не мешает уединению, потому что поселили меня в пентхаусе. Он занимает весь верхний этаж. Полы

из полированного коралла, а кровать размером чуть ли не с гектар. Все настолько «хайтеково», насколько только можно себе представить. Единственная уступка местной культуре — это необычная, старинная и изящная гробница одного из их божеств на входе. На ней изображена гротескная маска с выпученными глазами, торчащими клыками и длинным красным языком. Мне сказали, что это ведьма и зовут ее Рангда[25].

Мое мнение о стране круто изменилось: теперь я верю, что это мощная энергетическая база сегодняшней экономики. Остров Тамароа с воздуха — самое изумительное зрелище. Это хрустальные горные пики, вырастающие прямо из океана! Земли не видно вообще! Остров словно держится на плаву, натуральная современная Атлантида. Аэропорт построен на пилонах прямо над водой, так что у пилота не слишком много места для ошибок при посадке, но наш как-то умудрился безопасно приземлиться.

Все становятся ужасно радушными, как только узнают, что я приехал по делу в «Синоа-банк». Меня быстро и почтительно провели через таможню и иммиграционный контроль и передали под ответственность водителя в униформе, тот проводил меня к белому лимузину, припаркованному на тротуаре (видимо, «Синоа-банк» может парковаться, где пожелает). Внутри сидел нанонезиец среднего возраста в темно-сером костюме от Гуччи. Он представился как мистер Самарта, был очень любезен — в своей южно-тихоокеанской манере. Он сказал, что ожидал человека пожилого и удивился молодости обладателя столь выдающегося резюме. Полагаю, действительно выдающегося, если сравнивать со средним тамароанским. Не волнуйся, я не загоржусь.

Автомобиль тут же рванулся с места и прямо-таки полетел, словно едва касаясь мостовой, сквозь строй удивительных хромово-стеклянных небоскребов. Местная культура представляет собой поразительную смесь: западные костюмы и шелковые саронги, уличные разносчики кавы[26] — возле «Старбакс». И всё вокруг безупречно чистое, с тротуаров буквально можно есть. Когда мистер Самарта увидел, с каким восхищением я осматриваю город, он просиял и сказал:

— Мы маленькая нация, но мудро используем ресурсы. Поверите ли вы, что двадцать лет назад здесь был лишь небольшой атолл вулканического происхождения? У нас не было ничего, кроме пляжей под кокосовыми пальмами.

У основания каждого небоскреба возведена гробница, гармонично сочетающаяся с основной архитектурой города, на каждой водружена статуя, заваленная грудами цветов и обставленная мисками с едой. Мистер Самарта пояснил:

— Вы обнаружите, мистер Месситер, что мы очень религиозный народ. Наше процветание этого не изменило. Мы верны нашим корням, как и вы, англичане.

Интересно, когда он последний раз был в Королевстве?

Он привез меня в эту гостиницу и передал на попечение управляющего, обещая в полдевятого вечера заехать, чтобы вместе отправиться на обед с Председателем, а после — на заседание правления банка в десять вечера. Если они хотели произвести на меня впечатление, то им это вполне удалось — я и не мечтал лично встретиться ни с Председателем, ни с правлением, хоть моя будущая работа и связана с учетом и контролем. Должно быть, они очень-очень хотели, чтобы я принял их предложение.

Со своего места за рабочим столом через стену-окно я вижу здание «Синоа-банка». Это стеклянная башня, увенчанная сооружением, похожим на балийский храм — словно кипа китайских шляп, уменьшающихся в размерах. Логотип «Синоа» (что-то наподобие полинезийского иероглифа) на фасаде светится в лучах заходящего солнца. Он возвышается над горизонтом и выглядит, надо сказать, несколько зловеще. Скорее всего, так и задумано.

Только одно заставляет меня слегка нервничать. Перед уходом мистер Самарта подошел ко мне поближе и почти в самое ухо очень конспиративно прошептал: «Принесите книгу», — но я так и не понял, к чему это. Может, мне надо было приготовить какую-то презентацию? Ну да ладно, полагаю, все скоро прояснится. Уже почти пора ехать.

Пока-пока,

Саймон.

* * *

Джейн!

Я получил самые необычные впечатления в своей жизни.

Мистер Самарта нарисовался ровно в 20:30, исполненный витиеватых извинений за то, что Председатель не может пообедать со мной, так как его срочно вызвали по какой-то крайней необходимости. «Он попросил меня лично изложить вам наше дело», — сказал он.

К зданию «Синоа-банка» мы подъехали на лимузине. Приемная оказалась просторным залом с огромным, в несколько этажей, сводчатым потолком высоко вверху. Мы прошли мимо пункта охраны и направились к частному лифту, который мистер

Самарта вызвал при помощи системы распознавания отпечатка руки. В самом лифте он вставил карточку-ключ в панельку на стене и набрал на ней код, после чего двери закрылись. Потом мы очень долго поднимались, а когда наконец двери лифта бесшумно разъехались, он жестом призвал меня подождать. Около самых дверей в стене обнаружилась небольшая ниша, очень похожая на купель для святой воды. Из нее он взял щепотку какой-то размельченной травы и посыпал на порог.

Потом он провел меня в холл, облицованный тропическим деревом, но без единого окна, поэтому я не смог сориентироваться. Тут же появилась кланяющаяся хозяйка, которая препроводила нас в частный обеденный зал, только для нас двоих.

Уже за аперитивом мистер Самарта объяснил, что у «Синоа-банка» есть проблема, которую, как он надеется, я могу помочь разрешить. «Сделаю все, что смогу», — заверил я.

Обычная история. В смысле — заурядная история развивающейся страны. Тамароа наделала великое множество долгов в ходе своего замечательного роста и поразительного развития, и теперь платежи тяжким грузом висят на их экономике.

— Мы стремимся найти способ уменьшить бремя, — сказал он.

Конечно, я сочувственно покивал. Кто бы не посочувствовал?

Он доверительно наклонился через стол:

— Я должен попросить вас хранить все сказанное далее в глубочайшей тайне.

— Хорошо, — согласился я.

— Наши долги по большей части в долларах, — сказал он. — Если доллар упадет в цене, в то время как рейтинг нашей валюты поднимется, то наш долг существенным образом уменьшится.

— Это верно, — согласился я.

— Потому мы хотим заставить доллар упасть.

Он вопросительно посмотрел на меня, и я ответил:

— Желаю удачи.

— Потому вас сюда и вызвали.

— Простите?..

— Мы хотим, чтобы вы помогли нам обрушить доллар.

Я даже не нашелся с ответом. Это что, часть собеседования, некая проверка на знание основ теории финансов? Или это шутка и ему была интересна моя реакция на подобное предложение? А может, он просто свихнулся? Словом, ответил я так:

— М-м-м.

— Вижу, вы очень осмотрительны. Заверяю вас, это не

праздный вопрос. Мы понимаем, насколько деликатной должна быть данная операция. И какие могущественные враги будут противостоять вам. Мы со своей стороны попробовали свои силы и обнаружили, что пока не можем бросить вызов Массачусети[27].

Последнее слово он произнес с некоторым благоговейным почтением. Клянусь, Джейн, он был совершенно серьезен.

— Но и союзников у нас немало. Молодые развивающиеся нации, недовольные гнетом МВФ и Всемирного банка, их ритуалами самоотречения, их строгими законами и предписаниями, которые делают нас бессильными и неспособными нанести ответный удар. Венесуэла, Аргентина, Бразилия, Таиланд, Вьетнам...

Я кивнул, словно это произвело на меня впечатление.

— Многие десятилетия мы верили, что бессильны в новом мире замкнутой глобальной финансовой системы. Мы думали, что лишь западный путь развития эффективен, а потому отринули наши собственные традиции в гонке за чуждыми нам обычаями. Но теперь мы пришли к пониманию, что были не правы, и наши собственные методы могут оказывать влияние на рынки. Нам надо лишь научиться правильно их применять.

Но нам по-прежнему не хватает опыта, чтобы бросить вызов Массачусети. И потому мы обратили взоры на вас, на Великобританию, колыбель традиций. Мы обратились к античной Лондонской школе экономантии.

Мне захотелось схватить его за лацканы тысячефунтового пиджака и разборчиво, четко и ясно проговорить: «Э-ко-но-ми-ки!». Что этот придурок там себе думает? Мы что, имеем дело с заклинаниями и прочим чародейством? Я не имею в виду ничего плохого, конечно, я вполне уважительно отношусь к другим культурам, как и все, но в самом деле!.. На тот момент я сумел лишь удержаться и не расхохотаться ему в лицо.

— Вы очень молчаливы, — заметил он после паузы.

— Немногословность приличествует мудрому мужу, — ответил я.

Эта фразочка как-то раз досталась мне в «печенье судьбы».

— Должно быть, вы расположены помочь нам, иначе не оказались бы здесь.

— Это... не совсем то, чего я ожидал, — осторожно ответил я.

— А, — догадался он. — Возможно, мы предложили не совсем адекватную компенсацию.

Это не шутка, Джейн. Всего лишь работа на 70 тысяч фунтов в год. Чтобы завалить американскую экономику, мне требуется гораздо больше.

— Я переговорю об этом с Председателем, — пообещал

мистер Самарта. — Но сначала давайте поедим.

Он позвонил в колокольчик, и появились официанты с изобилием пикантных, пряных и аппетитных блюд: жареная свинина, утка, овощи, которые я едва мог распознать, все с острым и дразнящим запахом солений и чеснока. Я охотно откликнулся на их манящий зов. Если вся поездка и окончится полным провалом, я хотя бы наслажусь шикарной едой.

Мы закончили обед очень вкусным кокосовым ликером, который не то чтобы слегка опьянил меня, но дал приятное расслабление. Мистер Самарта взглянул на свой «ролекс» и сказал:

— Скоро соберется совет Центрального банка Тамароа. Им не терпится встретиться с вами.

Я и не знал, что запланированный совет — это встреча всего руководства Центрального национального банка, но к тому времени меня уже трудно было чем-либо удивить.

Он провел меня в один из внутренних залов, который был оформлен в стиле индуистского храма: на стенах — деревянные панели с искусно вырезанными образами фантастических божков, небольшая жаровня возле алтаря, буквально заваленного дизайнерскими композициями из цветов и фруктов, а в центре помещения — огромный красного дерева стол для переговоров. В столешнице перед каждым креслом — встроенный плоский монитор со скринсейвером, вращающейся мандалой.

Вскоре начали прибывать члены совета, все пожилые мужчины в черных костюмах. Среди трех или четырех десятков человек я был самым молодым. Каждый, войдя, пожимал мне руку, потом следовал к алтарю, чтобы бросить щепотку специй на жаровню, что наполняла помещение пикантным терпким, но приятным ароматом.

Мистер Самарта стоял рядом и тихонько объяснял происходящее:

— Это смесь измельченного чеснока и листа *джангу*. В нашей древней традиции он отпугивает духов *Бута* и *Кала*, чтобы наш разум был чист и свободен от предубеждений.

Некоторые из пришедших вынимали из кармана полосы разноцветных тканей и наматывали их вокруг пояса, как кушаки. Все были степенны и настроены очень серьезно.

Председатель прибыл последним. Это древнее, слепое, пораженное артритом существо напоминало манекен, собранный из витых и переплетенных механических частей. Мистер Джаквамано, его помощник, медленно вел Председателя под руку. Когда они переступили порог, дверь захлопнулась, засовы скользнули в пазы, а на сигнальной панели охраны помещения

загорелся красный огонек, показывая, что комната в безопасности. Все присутствующие одновременно поднялись, и главный старец поприветствовал их воздетой тощей дланью. Затем мистер Джаквамано подвел его ко мне. Председатель был ниже меня, но пожатие его оказалось вполне крепким.

— Добро пожаловать, Саймон, — сказал он. — Надеюсь, мистер Самарта хорошо о вас позаботился.

— Да, сэр, — ответил я. Он нахмурился и попытался получше настроить свой слуховой аппарат.

Затем мистер Джаквамано пожал мне руку. У него был колючий взгляд, будто пронзающий насквозь, и мне пришлось приложить усилие, чтобы не отступить на шаг или не отвести глаза.

— Мистер Самарта определил вас как человека, наделенного природными талантами, — сказал он. — Ваши коллеги, должно быть, приглашали вас на консультации с очень раннего возраста, потому вы уже сейчас сумели добиться столь высокого и авторитетного положения.

— Мистер Самарта преувеличивает, — улыбнулся я.

— Это ваша английская скромность... — кивнул он.

— Я почувствовал, что с этим человеком лучше не спорить, и ответил:

— Как скажете, мистер Джаквамано.

Он стоял и изучал меня несколько очень неловких секунд. Наконец он повел старика дальше, к алтарю, и в комнате воцарилась тишина. Председатель начал говорить на родном языке.

— Он призывает богиню Дургу, покровительницу нашей профессии, — шепотом пояснил мистер Самарта.

Когда он закончил, все уселись на свои места, и мистер Джаквамано взял на себя право вести собрание.

— Добро пожаловать, мистер Месситер. Возможно, наши обычаи кажутся вам экзотическими или примитивными...

— Ничуть, — вежливо солгал я.

— Но уверяю вас, финансовая система, которую мы здесь развиваем и совершенствуем, проверена веками. Мы основываемся на древней традиции, которую называем *пангива*, или стратегией левостороннего пути. С давних времен и по сей день это путь глубокого познания и дисциплины, хоть и осмеянный непосвященными. *Лейаки*, практики традиции пангива, прошли столь суровую школу, что многие обращенные сходили с ума, говорили, что их разум взрывался, как воздушный шар под напором знания. Но те, кто преуспел в постижении знания, научились представлять непредставимое. Они могут

визуализировать силы, что движут миром. При помощи этого средства лейаки давным-давно обрели власть над болезнями, разумом и всей органической жизнью.

Но наш уважаемый Председатель оказался первым, кто понял, что мир экономики тоже может быть визуализирован. Он упражнялся в видении круговорота капитала, жизненных циклов бизнеса, методов упорядочения природных ресурсов трудом... Он увидел это как органическую систему, полную петель обратной связи. Совместные усилия людей создали сверхорганизм, здоровье которого является необходимым для нашего благополучия. Если внутренние течения будут приостановлены, хоть одна часть станет слишком горячей или слишком холодной, то в результате появится болезнь. Талант нашего уважаемого Председателя видеть то, чего не могут другие, позволил создать всё, что вы видите сегодня на Тамароа.

Тут я подумал, что в листьях джангу таки есть нечто психотропное, потому как в словах Джаквамано определенно присутствовал некий смысл.

Он продолжал:

— Вокруг этого стола вы видите наиболее искусных и опытных практиков тамароанской экономантии. Мистер Павала — графомант, он видит структуру рисунка таблиц и диаграмм, которые никто другой не может разгадать. Мистер Момбрана приспособил некоторые древние методы для замораживания бизнеса конкурентов с последующим их вытеснением и для растапливания холодных отношений и установления дружелюбного общения с партнерами, чтобы наш рынок денных бумаг был ликвиден.

Жизнерадостный мистер Момбрана весело подмигнул мне:

— Зачем превращать врага в камень, когда можно легко заморозить его активы, верно?

Каждый имел свою специализацию: один был экспертом по ядам (ну, знаешь: чтобы делать вещи неприкосновенными, как, скажем, алмаз Хоупа или хедж-фонд «Долгосрочное управление капиталом»), другой выдавал стабилизационные заклинания (разумеется, на цены), третий творил заклятия прозрачности, чтобы разоблачать разные штуки, скрытые в финансовых отчетах. Один из них занимался чем-то под названием астромаркетология.

Мистер Джаквамано закончил представления:

— Мистер Вишватара — наш специалист по рискам. Он первопроходец новых стратегий рискованного руководства.

Я побоялся спросить, но мистер Вишватара все равно сказал:

— Как вы знаете, риск — это демон.

— Я так и подозревал.

— Его невозможно контролировать, хотя многие и провозглашают, что преуспели в этом. Наши древние лейаки были искусными мастерами в вызывании демонов Бута и Кала, и я обнаружил, что риск — это примерно то же самое.

Мистер Джаквамано избавил меня от необходимости отвечать, продолжив свою речь:

— Не скрою, мы много спорили о том, следует ли приглашать вас сюда, мистер Месситер. Как видите, в этом помещении собраны все экономические таланты страны. Но бросить вызов Массачусети — серьезное дело. Их нумерологи — лучшие на Земле. Если они обнаружат, что мы им сопротивляемся, они напустят на нас банкротство, обесценят нашу валюту и обрушат фьючерсные торговые сделки на наши головы. Они жестоки и хладнокровны, они хотят править миром. Разве это не так?

Головы вокруг стола покивали.

— Но, как вы знаете, нужна лишь бабочка в нужное время и в нужном месте, чтобы начался ураган. У нас нет достаточного мастерства, чтобы поместить в нужную точку бабочку, которая сможет сломить наших заносчивых противников. Поэтому нам нужна ваша помощь. Ваша книга формул — наиболее древняя в мире. Говорят, ее начал сам Адам Смит.

Он посмотрел на меня в поисках подтверждения, и я сказал:

— Да, абсолютно верно.

— Вы нужны нам, чтобы определить бабочку, которая победит американцев.

К подобным вопросам собеседования я оказался не готов, но надо же было что-то сказать. Потому, дико блефуя, я предложил:

— Производные рынки[28]. Их никто не регулирует. Черт побери, их даже никто не понимает. Посадите вашу бабочку туда.

И подумал про себя: «Теперь-то я могу уйти?».

Но они, оказалось, завелись больше, чем обычно. Маленькие переговорчики на тамароанском прокатились вокруг стола. При моем отвратительном везении, вероятно, я случайно попал в десятку, выдав вполне правдоподобное и убедительное предложение.

В этот момент Председатель в первый раз открыл рот:

— Ценность, — сказал он.

Будто заговорил ворон оракула. Воцарилась мертвая тишина. Я уже начал думать, что речь окончена, когда он продолжил:

— Ценность — это сущность, лежащая в основе всей системы. Дефолт по кредиту конвертируется в секьюритизацию[29], как мы узнаем ценность этих деривативов? — Он полез в карман и вытащил сложенную страницу компьютерной распечатки. — Я только сегодня купил этот пакет CDO[30]. Мистер Бамбег, вы здесь

лучший производник. Скажите, есть ли в них какая-нибудь ценность?

Мистер Бамбег, нервный человечек в очках с толстыми линзами, сидел напротив меня. Он некоторое время изучал распечатку, потом положил ее на стол. Я украдкой взглянул на листок, потом, приподняв наладонник под столом, посмотрел рейтинг облигаций. Тройной А — высшая надежность.

Но когда мистер Бамбег активировал свой дисплей на столешнице, у него открылась не страничка агентства «Стандард энд Пурз», а цветное симметричное изображение, похожее на лимб компаса.

— Это *панка дэвата*, — прошептал мистер Самарта.

Мистер Бамбег расстелил листок на мониторе, чтобы «компас» просвечивал сквозь бумагу. Он долго изучал ее, пока его толстенные линзы не начали запотевать.

— Ну? — произнес Председатель.

— Уважаемый Председатель, я с сожалением сообщаю, что нормальное заклинание прозрачности на этом производном не сработает. Оно настолько непроницаемо, что я сомневаюсь, знал ли сам его создатель, какова стоимость поддерживающих его облигаций.

Я смотрел на свой собственный экран с рейтингом производных бумаг. Интересно, у кого из нас информация точнее? Что есть рейтинг облигаций, если не шаманство?

— Тогда есть лишь один способ установить его ценность, — сказал Председатель. — Мы должны осуществить его риск.

Круг седовласых мужей выглядел очень мрачно.

Мистер Бамбег передал бумагу мистеру Вишватаре и пояснил:

— Риск — не моя специализация.

— Тогда это сделаю я, — вздохнул мистер Вишватара и несколько неохотно принял бумагу. Он взглянул на меня: — Если мистер Месситер не пожелает сам...

— Нет-нет, прошу вас, — скромно отказался я.

Не представляю себе, как он это сделал. Очевидно, помещение было здорово оснащено разнообразным оборудованием, но все равно иллюзия оказалась очень эффектной. Во-первых, он встал и бросил что-то на жаровню, вызвав яркую вспышку. Лампы в помещении потускнели, и силуэт бизнес-шамана четко смотрелся на фоне пламени. Он начал причитать по-тамароански. Все за столом, солидные дяди в очках, взялись за руки и вторили призывам. Мистер Самарта и мой сосед с другой стороны схватили меня за руки, чтобы круг замкнулся. Повторяющиеся заклинания становились громче и

перекрывали друг друга, послышались иные звуки: медные удары, звуки уличного движения, вскрики и хлопки дверей. Словно что-то большое и шумное присутствовало здесь вместе с нами, пойманное в круг сомкнутых рук. Это напоминало мне взлет частного самолета, рокот биржевого зала, нарождающийся ураган. Казалось, оно мечется по комнате в поисках выхода. На мою грудь что-то навалилось, стало трудно дышать. Когда же у меня появились круги перед глазами, мистер Джаквамано властно отдал категорический приказ, и вся иллюзия силы, сконцентрированной в образе, как-то проецировалась на дым: жилистое жалкое существо в майке, трусливо и жалобно завывающее о своей невиновности. Потом оно истаяло, оставив только запах подмокшего табака.

Зажегся свет, все отпустили руки и облегченно вздохнули. В наступившей тишине мистер Самарта с отвращением произнес:

— Это был американский демон.

— Да, — откликнулся мистер Джаквамано. — Типичная двойственная природа.

— Хорошо, и что вы узнали? — требовательно спросил Председатель.

Мистер Вишватара задумчиво посмотрел на бумагу.

— Господин Председатель, приоритетная ценность этого документа основана на заклинании, которое убеждает всех, кто его видит, что он имеет великую ценность. Он может ее иметь, а может и не иметь. Но как с любым заклинанием доверия: однажды разрушенное, оно возвращается бумерангом и работает наоборот — оно будет убеждать каждого в никчемности и ничтожности документа, что тоже может быть как правдой, так и ложью. Короче говоря, это рисковая бомба.

— Кто же сработал эту неуклюжую уловку? — спросил мистер Бамбег, протирая очки.

— Не знаю, — ответил мистер Вишватара. — Но в ней присутствует манера заклинания «Меррилл Линч».

— Я так и думал, — кивнул Председатель. — банки «Меррилл Линч», «Леман Бразерс» и «Кредит Свисс» покупают пакеты деривативов, как конфеты. — Он сильно стукнул по столу. — Месситер прав! Именно здесь мы должны ударить.

Все выжидательно повернулись ко мне.

— Мы готовы действовать в любое время, хоть сейчас, — заявил мистер Джаквамано.

Они хотели, чтобы я возглавил комиссию по напусканию порчи на «Меррилл Линч». Какой там порядок составления английского заклинания? Ну конечно! Надо взяться за руки и распевать: $PDV = (FV)/(1 + r)t$[31].

— Ну, сегодня я немного к этому не готов, — попытался оправдаться я. — Мне надо кое-что систематизировать и классифицировать...

Точнее и честнее — срочно заказать билет на самолет, но этого я им, конечно, не сказал.

Они были страшно разочарованы, но я твердо стоял на своем. Ты, Джейн, гордилась бы мною. Ни одно заклинание не слетело с моих губ. Сегодня ночью Федеральный резервный банк может спать спокойно.

Я уже вернулся в свой номер, вещи упакованы, и все готово, чтобы сбежать на рассвете. Назад, в мир здравого смысла. И как тебе удалось втравить меня в это дело?

Саймон.

* * *

Джейн!

Мне нужна твоя помощь. Пожалуйста, не подведи меня.

Вчера вечером, после того как послал тебе электронное письмо, я с нетерпением ждал рассвета и заметил, что заснул, только когда оглушительный грохот разбудил меня. Я открыл глаза и обнаружил целое войско военной полиции в бронежилетах, захватившее мою комнату. Две гориллы грубо поставили меня на ноги, размахивая электрошокерами и пронзительно крича на тамароанском. Мне едва удалось сунуть ноги в ботинки, как они тут же вытолкали меня к лифту, повели вниз, к полицейскому фургону, который, взвизгнув тормозами, остановился далеко от тротуара, и швырнули меня там на пол.

В полицейском участке они слепили меня фотовспышкой, брали отпечатки пальцев, а потом бросили в камеру с грязным бетонным полом. Я сидел там и ждал, по-прежнему ошеломленный, пока не пришли два офицера в форме. Тот, что постарше, изучал какие-то документы. Я обратил внимание, что у него на запястье висел жокейский хлыст, хотя сомневаюсь, что на Тамароа когда-нибудь ступало копыто лошади.

— Кто вы? — властно и требовательно спросил он.

— Саймон Месситер... — начал я.

— Нет, кто вы на самом деле?

— Я действительно Саймон Месситер.

Он стал постукивать хлыстом по ботинку.

— Послушайте, я не знаю, что вы хотите от меня услышать, — занервничал я.

Он показал мне мой паспорт:

— Где вы раздобыли эту ксиву?

— Это не ксива, это мой паспорт. Мне его дали в паспортной канцелярии в Лондоне.

— Вы нелегально въехали в страну по фальшивым документам. Это серьезное преступление.

Дело принимало еще более безумный оборот по сравнению с предыдущим сумасшедшим вечером. Я постарался собраться с мыслями:

— Послушайте, я приехал сюда на собеседование с руководством «Синоа-банка». Мистер Самарта может подтвердить...

Упоминание «Синоа-банка» раньше всегда срабатывало чудесным образом. Но не в этот раз.

— Да знаем мы ваши игры! Вы представляетесь банкиром, — с презрительной насмешкой сказал он, пристально разглядывая меня с головы до ног, словно давал понять, что банкиры не ведут дела в таком виде, будто их только что вытащили из постели жандармы.

— Да, — сказал я. — Я работаю в «Барклиз».

На одном дыхании я выложил им имя и телефон своего начальника и умолял их позвонить и проверить.

— Не сомневаюсь, у вас есть сообщники, помогающие вам обманывать наших граждан, — сказал он. — Мы позвоним в *настоящий* «Барклиз».

— Пожалуйста. Сделайте это. Чем раньше, тем лучше.

Он постоял, свирепо глядя на меня и пощелкивая хлыстом, словно мечтал пустить его в ход, потом повернулся и ушел.

Я ждал, должно быть, несколько часов, сначала нервно шагая, потом съежившись на полу, а в голове навязчиво вертелись все рассказы о тюрьмах в развивающихся странах. Интересно, какая здесь мера наказания за мое преступление, за изображение самого себя?

Наконец появился стражник и жестом указал мне на дверь. Он нацепил на меня наручники и отвел по бетонному коридору в комнату для допросов. Здесь за квадратным металлическим столом сидели два человека и ждали. К моему великому облегчению, один из них оказался мистером Самартой. Я как раз хотел потребовать у него объяснений, но вдруг увидел выражение его лица. Все улыбки и доброжелательность остались во вчерашнем дне. Сегодня оно было холодным и враждебным. Я тут же остановился.

Рядом ним сидел европеец небольшого роста, полнеющий и лысеющий мужчина в деловом костюме — абсолютно незапоминающийся тип, один из толпы бизнесменов в Сити. Он

изучал меня, как фальшивый бухгалтерский отчет.

Стражник толкнул меня на стул и ушел, но от наручников не избавил. В долгой тишине я смотрел то на одного, то на другого из сидящих напротив. Наконец мистер Самарта вытащил из кармана мой паспорт и швырнул его через стол.

— Кажется, — сказал он, — это действительно ваше.

— Да. Спасибо. — Я взял свой документ.

— Вы Саймон Месситер?

— Всегда им был.

— Вы утверждаете, что это лишь странное совпадение?

Только вроде бы все стало нормализоваться, а теперь я снова оказался в стране дураков.

— Какое совпадение? — спросил я.

— Здесь присутствуют два Саймона Месситера, оба лондонские банкиры, оба зарегистрированы на один и тот же авиарейс на Тамароа.

Это многое объясняло.

— О, — обрадованный полной ясностью, сказал я.

Европеец протянул через стол руку и представился:

— Саймон Месситер. Консалтинговое агентство Месситера. Меня ожидали на вашем самолете, но я опоздал на пересадку в Мумбае.

Я пожал ему руку со всем дружелюбием, какое можно выразить, будучи в наручниках.

— Приятно познакомиться.

— Похоже, — кисло сказал мне мистер Самарта, — что подразделение евро нашего валютного департамента, как ни странно, действительно запланировало собеседование с вами. Мы ничего не знали.

— Значит, это всего лишь забавная неразбериха из-за одинаковых имен? — улыбнулся я. — Какое облегчение!

Но эти люди не бросились извиняться и освобождать меня.

— Теперь у нас возникла проблема, — сказал мистер Самарта. — Наш Председатель не любит, когда с ним шутят.

Я не знаком с нанонезийскими правилами хорошего тона, но был готов с радостью пойти на уступки, исключая, конечно, человеческие жертвы.

— Пожалуйста, передайте ему мои глубочайшие извинения. Я не имел ни малейшего намерения разыгрывать его. Я так же удивлен и смущен, как и вы.

Однако мистер Самарта не казался умиротворенным.

— Видите ли, наш Председатель не верит в совпадения. Особенно в те, которые имеют пагубные последствия.

Мой растерянный мозг несколько секунд пытался определить,

какие пагубные последствия могли иметь место, и понял, что он говорит о моем вчерашнем присутствии на их маленьком шабаше.

— Мой рот на замке, — пообещал я.

— Вы должны понимать, что мы не можем принять подобных гарантий.

Похоже, я по-прежнему по горло в проблемах.

— Могу ли я минутку поговорить с ним наедине? — спросил Месситер-два.

Казалось, мистер Самарта уступил ему крайне неохотно. Он поднялся и вышел. Мой «дубль» сплел пальцы и положил руки на стол:

— Итак, вы определенно попали в переделку.

У него не было привитого в частной школе аристократизма, свойственного большинству пожилых банкиров, наоборот, в произношении чувствовался дух центральных графств. Его открытые и энергичные манеры необъяснимым образом ободряли.

— Вы способны мне помочь? — спросил я. — Они поверят вам на слово. Они вас уважают. Они думают, что вы... — Однако помыслы здешних бизнесменов, на мой взгляд, слишком смехотворны, и я не смог их озвучить.

Он понятливо хихикнул:

— Да, я знаю. Занятно, но лучше об этом никому не говорить. Вы же увидели, как серьезно тут относятся к подобным делам.

Наконец-то разумное человеческое существо!

— Значит, вы понимаете происходящее. Они считают вас кем-то вроде великого мага.

— Вы первый раз в Нанонезии? — спросил он.

Я кивнул:

— И последний. Я не понимаю, как можно цепляться за подобные предрассудки и суеверия посреди всей этой вполне западной цивилизации.

Он улыбнулся:

— Если вы посмотрите на все происходящее сквозь прищур межкультурной толерантности, не так уж это и неразумно. В конце концов, на чем основывается экономика? На доверии. Я верю, что вы выполните условия контракта, вы верите, что я вам заплачу. Наше взаимное доверие символам, которые мы используем для обозначения ценности, учитывается всеми. А что есть магия? Это тоже доверие. Я верю, что у меня есть сила, вы верите, что моя сила превосходит вашу, мы вместе верим, что заклинания способны оказывать влияние на мир.

— Но, конечно же, поощрять это неэтично.

В ответ он достал из кармана бумажку и кинул на стол. Один доллар США.

— Этично ли поощрять людей думать, что это имеет ценность? Это листок бумаги, юный Саймон. Только иллюзия делает ее ценной.

— Да, а также полное доверие репутации Соединенных Штатов.

— Хотите, я перечислю верования, на которых оно основано?

— Но это не волшебное заклинание!

— Верование в валютные операции — все равно что заклинание. Это массовая иллюзия, и она работает.

Его цинизм меня встревожил.

— Вы всерьез не собираетесь заниматься тем, о чем они просят? Я имею в виду, притвориться, что сглазили Соединенные Штаты.

Он пожал плечами:

— А какой вред я могу причинить?

Теперь я понял: он законченный жулик.

— Итак, это афера, — заключил я, — Вы паразитируете на их суевериях.

— Не совсем, — мягко сказал он. — Глобальная экономика действительно приводится в движение тайным советом чародеев.

— Вы шарлатан! Мне стыдно носить одно с вами имя!

Он лишь рассмеялся:

— Молодые люди так поверхностны и поспешны в суждениях. Столь уверены в своей правоте. Очень хорошо, вы можете разоблачить меня. Позовем мистера Самарту?

Я понял, что он имел в виду. Нет сомнений, кому из нас доверится мистер Самарта. Против веры правда бессильна.

— Хорошо, — мрачно кивнул я. — Чего вы хотите?

— Я помогу вам, — сказал он, — при условии, что вы правдиво ответите на один вопрос. Вчера вечером, когда они обсуждали, что делать, вы предложили выбрать мишенью производные рынки. Почему? Пожалуйста, правдиво.

Я попытался вспомнить:

— Ну, честно говоря, я немного выпил...

— Да, продолжайте.

— И немного им подыграл... Ладно, я не лучше вас.

— Продолжайте.

— Я решил, что это безопасный ответ. Никто в действительности не знает ценности базовых активов производных ценных бумаг. Рейтинговые агентства лишь изображают покой и безмятежность. Если где и есть рынок, основанный на чистом доверии, то он здесь.

Собеседник кивнул, будто бы поверил. Потом поднялся и позвал из-за двери Самарту.

— Ну? — спросил мистер Самарта, переводя взгляд с меня на него и обратно.

Когда мы были одни, Месситер вел себя непринужденно и дружелюбно. Теперь же он в одно мгновение устрашающе переменился. Он смотрел на меня жестко и холодно.

— Это один из них, — произнес он, почти шипя от злости. — Массачусетский наймит!

— Я так и думал, — сказал мистер Самарта.

— Постойте! — запротестовал я. — Месситер, вы сказали...

Но мистер Самарта уже отдавал приказы полицейским, которые тут же вошли, чтобы отконвоировать меня обратно в камеру. На этот раз они посыпали порог своей священной травкой, дабы наверняка удержать меня от колдовства, понуждающего их на ненадежные инвестиции.

Я несколько часов проторчал в этой душегубке, пока отсутствие туалета не стало проблемой, которую не смогла бы решить вся экономагия Земли. Мне удалось привлечь внимание стражника, и он повел меня по коридору в уборную. Возвращаясь и проходя мимо его стола, я увидел свой наладонник и даже не успел подумать, как протянул руку и забрал его. Я ожидал, что он тотчас же это заметит, но мне повезло и вот пишу тебе письмо. Знаю, ты думаешь, что я принял не все меры сообразно обстановке. Конечно, мне следовало предвидеть, что этот жулик меня не отпустит, раз уж я его раскусил. Но учти, пожалуйста, что за эти три дня я почти не спал.

И пожалуйста, свяжись с посольством Британии и дай им знать, что я сижу в тюрьме, обвиняюсь в шпионаже и колдовстве. Мне нужен адвокат. Я не совсем понял, что они намереваются делать со мной.

Саймон.

* * *

Джейн!

Почему ты мне не отвечаешь? Ты получила мое последнее сообщение? Я даже не представляю, что здесь происходит. Я в полной изоляции. Ни адвоката, ни какой-нибудь весточки извне. Пожалуйста, напиши мне. Дай знать, удалось ли тебе связаться с посольством, в курсе ли они, что я в тюрьме. Не бросай меня.

В полном отчаянии,

Саймон.

* * *

Джейн!

Я не знаю, что делать. Посоветуй что-нибудь.

Чуть раньше, сегодня вечером, они пришли забрать меня из тюремной камеры. Я ожидал, что придется посетить что-то наподобие суда, но когда дверца полицейского фургона открылась, я снова оказался в гостинице. Словно повторяющийся сон! Два офицера в штатском сопроводили меня к лифту, и мы снова направились в пентхаус. Когда двери открылись, маска богини-ведьмы Рангды бешено скалилась мне со своей гробницы. Мне предложили выйти одному.

Шарлатан Месситер стоял возле стены-окна со стаканом в руке, глядя на остроконечные башенки и пропасти этого фантастического города. Солнце садилось, и все здания светились оранжевым в лучах опускающегося светила.

Он услышал, что я вошел, и повернулся, снова добродушный и довольный собой. Он поднял бутылку и предложил:

— По маленькой?

Элитное односолодовое виски.

— Да, если не возражаете, — тут же согласился я.

Он прошел к бару за стаканом и налил изрядную дозу универсального расслабляющего средства. Я никогда не пробовал ничего столь приятного и желанного.

— Теперь мы все можем отдохнуть, — провозгласил он. — Бабочка улетела. Даже ваши работодатели уже не смогут ее остановить.

На этот раз я твердо решил потакать ему, со всем соглашаться и не давать повода для споров. Но не смог удержаться от саркастического вопроса:

— Вы имеете в виду, что напустили порчу на Штаты?

— На самом деле вы не думаете, что мы на это способны, не так ли? — сказал он. — Ну, погодите. Довольно скоро вы все увидите.

Мы сидели вдвоем на барных табуретах, а позади нас разворачивался туманный вид прекрасного города. Он сказал:

— Так где же они нашли вас, юный Саймон Месситер? Между прочим, оказывается, мы с вами дальние родственники.

Я хотел сказать: «Очень жаль», но остался верен своему решению быть любезным и ответил:

— Моя подруга Джейн показала мне объявление о вакансиях и уговорила написать заявление.

— Так просто? Ладно, одобряю ваше старание. Вы преуспели, изрядно всех напугав. Я редко встречаю аспирантов вашего возраста, которые интересуются чем-то большим, чем схемами наискорейшего обогащения — типа заставлять людей посылать

деньги свергнутым нигерийским королям но Интернету и прочие детские игры. Никаких долговременных честолюбивых замыслов.

— Вы предлагаете мне работу? — кисло проговорил я.

— А вы хотите? серьезно спросил он.

Он захватил меня врасплох. Признаюсь, мне было и оскорбительно, и лестно получить предложение стать помощником квалифицированного мошенника (признаюсь, когда тебя считают подходящим кандидатом на место подмастерья опытного жулика, это и оскорбительно, и лестно). Отделить легковерных новых капиталистов от их богатств — это не та карьера, на которую я рассчитывал. Это совсем другое, не обычный банковский подход.

— Доходную, не так ли? — предположил я.

— Очень. Но я занимаюсь этим не только из-за денег.

Я уставился на него:

— А почему еще?

Он определенно задумался.

— В этой чисти мира есть чему поучиться. Восточные страны только начинают осознавать свою истинную силу, совершенствовать технологии, повышать качество жизни... Они думают, что надо учиться у нас, но на самом деле у них иной путь. Если мы не встанем во главе их развития, то через несколько десятилетий будем на них горбатиться.

Это прозвучало так похоже на твои слова, Джейн, что я чуть не заподозрил тебя и тайном сговоре с ним.

Извини, шучу.

— Мы принадлежим древней почтенной профессии, юный Саймон, — убеждал он. Но наши коллеги консервативны и самодовольны. Европейская традиция экономантии слишком долго имела большое влияние, поэтому мы думаем, что неуязвимы. Как же мы ошибаемся...

Из-за виски он явно потерял контроль и впал в болтливость. Он положил локти на барную стойку и начал объяснять:

— Пожилые люди, находящиеся сегодня у власти, изучили свою профессию во время конфликта между марксомантами и капиталистическими экономантами, и они не могут выкинуть это из головы и двигаться дальше. Конечно, время было непростое, опасное и весьма рискованное, потребовалось даже некоторое количество черной магии для предотвращения войны, но теперь все позади. Марксомантия была обречена, потому что черпала силу в идеализме, и когда этот колодец высох, пришлось раскупорить источники более мелкие, как, например, классовая вражда... Но капитализм черпает силу из человеческой жадности, а это бездонный кладезь, обновляемый с каждым новым

поколением. Жадность есть солнечная энергия мира. Не надо ничего бурить, не надо добывать... Ее надо лишь сфокусировать.

В начале моей карьеры американская школа экономантии свободного рынка околдовывала весь мир, и все мы были при деле. О, какая была потасовка между кейнсианцами[32] и монетургистами, когда мы имели обыкновение встречаться в Давосе, но это серьезно не повлияло на распространение американских идей. Но потом американцы сами себя перехитрили. Они сглупили по-крупному.

— Как? — спросил я, в потрясении не сумев уловить, о чем речь.

— Они заколдовали собственное население на веру в «духовное возрождение» экономики. Хвала рынку, братишка! Рынки всеведущи и благословят наше процветание. Они сняли все ограничения, предотвращавшие грубые злоупотребления, и позволили широко распространиться массовым иллюзиям. А результат? Дутая национальная экономика. Сперва акции компаний высоких технологий и интернет-компании, потом акции финансовых корпораций и хедж-фонды, затем недвижимость. Они стали думать, что могут выколдовывать ценность из воздуха.

Он сделал глоток и сказал:

— Тамароанцы говорят, что колдун может превратиться в животное, но только глупец принимает это за чистую монету. Мудрец увидит лишь человека, притворяющегося зверем. Но кто беспокоится об этом, когда вы научили 95 процентов населения ценить глупость? Американский народ видит не только, как люди превращаются в животных, но и как животные превращаются в богов.

К этому времени у меня изменились все связанные с ним планы на будущее. Он обманщик, попавшийся на собственную удочку. Он действительно верит в то, что говорит.

— Американцы скоро узнают, что недооценили Азию, — подмигнул он мне. — И если вы мудры, мой юный тезка, вы оставите тонущий корабль и взойдете на борт поднимающегося. Американская система более успешна в производстве фантомов и иллюзий, нежели результатов. Не сказать, что их иллюзии бессильны, но азиаты более проницательные и долговременные мыслители. Председатель готовил эту ловушку в течение почти десяти лет.

Пожилой Месситер снова наполнил мой стакан. Следовало бы отказаться, но уже кружилась голова, и я решил не сдаваться.

Он мимоходом обронил:

— Кстати, а как Массачусети узнали, чем мы занимаемся?

— Они и не знали, — опрометчиво выпалил я.

— Нет?! — он поднял бровь. — Значит, ваше упоминание рейтинговых агентств было просто удачной догадкой?

— Не совсем так, — сказал я. — Я сам вычислил, чем вы занимаетесь.

Он взглянул на меня с восхищением:

— А вы лучше, чем я полагал.

— Не намного, — ответил я. — Они действовали столь неразумно, что кто-то должен был вмешаться.

— И до сих пор мудрецы SEC ничего не заметили, — хихикнул он, исполненный собственной прозорливости. — Субстандартные MBS[33], разумеется. Зачарованные придурки!

— Многие европейские банки тоже были приняты в долю, — сказал я.

— Но не «Синоа-банк», — сказал мой тезка. — Когда все рухнет, наше гнездо будет полно золотых яиц. А Китай еще пожалеет, что ввязался в долговой марафон с Америкой. Я вас уговорил?

Я помолчал, взвешивая, какой ответ быстрее вытащит меня отсюда.

— Вижу, что пока нет, — заметил он. — Ладно, завтра я предъявлю настоящие доказательства, которые помогут вам принять верное решение.

Он повернулся к окну. Солнце зашло, лишь безумное оранжевое зарево освещало горизонт да здания мигали огнями.

— Просто подумайте об этом, Саймон, — задумчиво предложил Месситер-два. — Миллиарды долларов проносятся туда-сюда по проводам мира каждый день, бурная река благополучия, одних она делает богатыми, других — бедными. Контроль над ней никому не подвластен, ибо это жизненная сила всех тех, кто тяжко трудится, создавая ценность. А ценность есть абсолютная иллюзия и существует лишь потому, что мы согласны с ее существованием. Если мы перестанем верить, она исчезнет, а мы станем безмерно жалкими и убогими...

Пока он говорил, его голова опускалась все ниже, а на последнем слове его лоб стукнулся о стойку бара. Он тихонько захрапел.

Я огляделся. Полицейский эскорт без сомнения поджидает меня на первом этаже возле лифта, но тут же должен быть пожарный выход. Через несколько минут я его нашел, но когда сумел открыть дверь, то увидел видеокамеру, направленную прямо на меня. Я помахал рукой в объектив и снова закрыл дверь. Потом до меня дошло, что побег не лучший выход, поскольку сам остров — это ловушка, где единственной дорогой к спасению

будет билет на самолет. Поэтому я добыл в холодильнике немного еды, принял душ и сел за шикарный компьютерный терминал, чтобы написать тебе.

Честно говоря, не знаю, что буду делать. Планы мои очень краткосрочны: насладиться пребыванием в гостиничном номере, посмотреть, какие выгоды сможет завтра предложить мне этот псих и как можно дольше оставаться подальше от тюрьмы.

Но мне по-прежнему любопытно одно: зачем люди все-таки отправляют деньги сверженным нигерийским королям?

Саймон.

* * *

Уважаемая «Джейн»!

Да, я вычислил, кто вы есть на самом деле.

Я *настоящий* Саймон Месситер. У меня наладонник вашего сообщника, и я прочел все его послания. Я бы стал волноваться, если бы не был уверен, что вы больше не сможете разоблачить эту проделку, в отличие от меня. Вы, подлое орудие Массачусети! Думали, что сможете выбить меня из колеи, не так ли? Ну, удачи вам в следующий раз.

У меня ваш человек, и вы его назад не получите. Он решил присоединиться ко мне, и я нахожу его достаточно полезным. Фактически я обязан вам за то, что вы его мне подослали, так что великодушно сделаю доброе дело. Я дам вам подсказку. Если вы вложили деньги в акции какого-нибудь банка с большой секьюритизированной ипотечной задолженностью, поскорее их продайте.

Перевела с английского Татьяна МУРИНА

© Carolyn Ives Gilman. Economancer. 2009. Печатается с разрешения журнала «The Magazine of Fantasy & Science Fiction».

ДИН УИТЛОК
ПОДМЕНЫШ

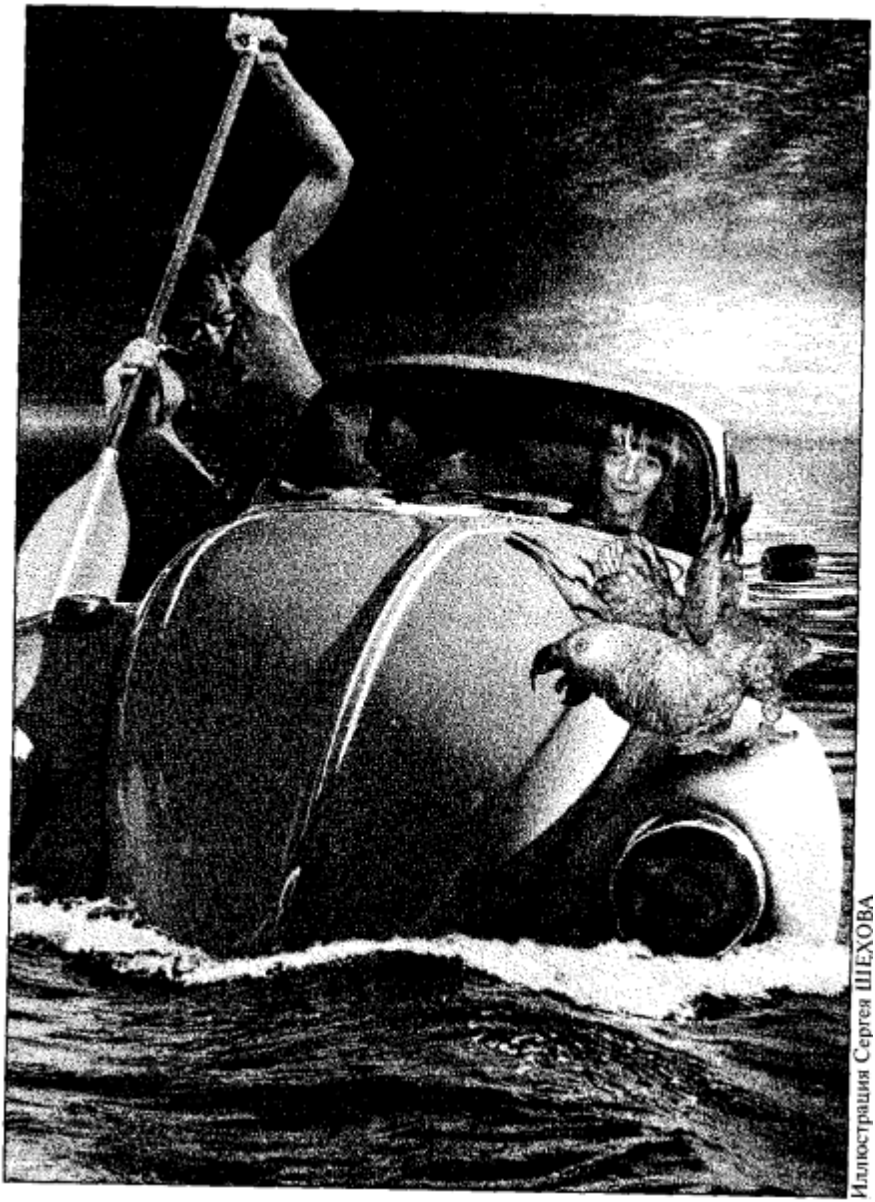


Иллюстрация Сергея ШЕХОВА

Более неказистой особы он не встречал. Слово «уродина», само по себе уродское, Гэвин не переваривал, ведь его с детства приучали к вежливости. И все-таки на ум пришло именно оно.

— Ничего-ничего, — услышал Гэвин. — Обычно я работаю на

кухне. Но сегодня некому обслуживать зал. Гэвин покраснел и уставился в меню, слишком сконфуженный, чтобы вникнуть в написанное. Он что, повел себя так недвусмысленно? — М-м... а есть что-нибудь со скидкой? — спросил он. И изобразил любезную улыбку.

Она объяснила, но Гэвин почти все пропустил мимо ушей, не в состоянии отвлечься от ее лица. Понять, что же, собственно, в нем безобразно, никак не удавалось. Ни единой отталкивающей черты, просто все не то, будто собрано с миру по нитке. Припухший нос длинноват, глаза чересчур круглые и чересчур далеко посажены, левый вдобавок блуждает. Излишне широкий лоб, очень острый подбородок, мелкие для несообразно большого рта зубы. Волосы обыкновенные, радужки заурядно карие, кожа бледная. И ни веснушки, ни ямочки: лицо без изюминки. Комплекция средняя. Розовое платье-халат с белым оборчатым фартучком, форма официантки, сидит мешковато, словно единственное его предназначение — отражать редкие и несомненно случайные взгляды.

Она закончила перечислять уцененку и ждала, когда он сделает выбор. Гэвин поймал себя на том, что таращится на ее блуждающий глаз, и поскорее вновь уставился в меню. Теперь он видел исключительно стоимость блюд, против ожиданий высокую, почти как в замысловатых меню перед шикарными ресторанами, мимо которых он сегодня проходил. Честно говоря, здесь даже урезанные цены били по карману. Он-то рассчитывал, что «Закусочная Дэнни и Энни» — недорогое местечко...

— Подумаете еще? — спросила она.

— Нет-нет! Извините, торможу. Весь день за рулем.

— Чтобы попасть... куда? — Судя по тону, она не обиделась. Гэвин отчасти успокоился.

— Сюда. В смысле, не *сюда*, не конкретно в «Дэнни и Энни». В Портсмут. Сегодня перебрался.

— Откуда? — В ее голосе звучала заинтересованность, и Гэвину стало еще спокойнее. Когда он распаковал вещи в отведенных ему под жилье комнатах большого пустующего дома, нахлынуло одиночество. Уединение отдельной кабинки в полупустой закусочной, разумеется, не спасало. А сам он никогда не умел завязать беседу, тем паче с этой странной официанткой в чужом городе.

— Из Канзаса, — ответил он. — Нет, приехал я из Питтсбурга. Жил там весь прошлый год. А вырос в Канзасе.

— Добро пожаловать в страну Оз. — Должно быть, она что-то угадала по его глазам, поскольку быстро добавила: — Простите. Вы наверняка без конца это слышите.

Он пожал плечами:

— Главное, не называйте меня Дороти.

— Договорились, Тото. Чего изволите? Сухой корм у повара только-только весь вышел.

Его окончательно отпустило.

— Ладно, сам напросился. Я Гэвин. Гэвин Ритцер.

— О! Странствующий рыцарь из Западных земель, проездом через Питтсбург. А мне полагалось сказать: «Добрый вечер, я Аманита. Сегодня я вас обслуживаю». Вечно забываю.

— Аманита? — Он поискал улыбку, но на невзрачном лице новой знакомой ничего нельзя было прочесть. Гэвин решил, что это розыгрыш.

— В смысле «Аманита, смертельно ядовитый гриб, более известный как бледная поганка»?..

Бровь-гусеница изогнулась:

— Разбирается! Миколог?

— Нет, я...

— Ботаник, врач, специалист по ядам?

— Нет, я...

— Отравитель! Точно! Свирепый Джек-Канзас, кошкомор, вот вы кто!

Он расхохотался.

— Мимо кассы. Я дипломник Нью-Гемпширского университета.

— Того не легче! Чем плохо в Дурхеме, в кампусе?

— Здесь живет мой куратор. У него большущий старый дом на ва-шей-как-бишь-ее Ягодной аллее. Или аллэ-э-э? — Он подчеркнуто растянул э.

Она улыбнулась, и ее черты немного смягчились, хотя результат оставлял желать много лучшего.

— Аллее, без э-э, по крайней мере для нас, невзыскательных обывателей.

— Вы местная?

— Мдаау.

Он улыбнулся произношению.

— Значит, уроженка Новой Англии?

— Не-а, — сказала она. — Я подменыш.

— Кто вы?

— Подменыш. Меня оставили в корзине на крыльце у парадных дверей первого богача в городе. На Ягодной аллее. — Ее улыбка поддразнивала: попробуй не поверь.

Гэвин рискнул принять вызов.

— Тогда вы подкидыш. Подменыша кладут в колыбель вместо человеческого младенца.

Она приподняла брови. Теперь ее улыбка говорила: «Неужто я похожа на человека?». Гэвин опять покраснел, огорченный, что оскорбил Аманиту, но услышал только:

— Среди подкидышей не бывает провидцев.

Гэвин не удержался и воровато покосился на блуждающий глаз Аманиты, который сейчас был нацелен прямо на него.

— Провидцев... Ага. Это которые предсказывают будущее?

— Правильно.

Гэвин задумался: снова стеб или она с приветом? Ее лицо подсказок не давало.

— Хорошо. Допустим, вы мастерица заглядывать в будущее. Зачем же спрашивать, откуда я?

Она улыбнулась.

— Это не будущее, это прошлое.

— А почему тогда вы спросили, что я буду заказывать?

Она фыркнула.

— Это настоящее. И яйца выеденного не стоит.

Гэвин сдался.

— Ладно. Скажите, что меня ждет?

Она зажмурила правый глаз, а левый пустила вольно скитаться. Затем он откочевал обратно. Гэвин завороженно смотрел. Аманита вновь открыла правый глаз и с любопытством обозрела Гэвина.

— Ну? — поощрил он.

— Вы повстречаете маленького серого незнакомца, — объявила она.

Гэвин рассмеялся.

— По цели без промаха! Для меня тут все незнакомцы.

— Маленькие и серые? — осведомилась Аманита.

— Согласен, это новость, — признал он. — Бояться надо?

— Нет, опасности на горизонте не маячат. Правда, вы влюбитесь.

— В маленького серого незнакомца? — поддел Гэвин.

— Нет, — ответила она. — То есть да, но чисто платонически. Свою истинную любовь, любовь всей жизни, вы уже встретили. Ладно, мой черед спрашивать. Что будем заказывать, Гэвин?

«Кажется, сеанс окончен», — подумал он.

— Поджаренный тост с сыром. И стакан молока.

— Картошку? Салат? Грибы в кляре? — Она коротко зло улыбнулась. Ее мелкие зубы вдруг показались Гэвину на редкость острыми.

— Нет, спасибо. Я в режиме жесткой экономии.

— А, бедный студент-бродяга, монах-побирушка! Вовсе не странствующий рыцарь!

Она забрала меню, обогнула стойку и исчезла в кухне. Интерьер «Дэнни и Энни», как и платья официанток, был выдержан в духе ретро: красный винил обивки, хром окантовок, пластиковые столики и продолговатые окна между стойкой и кухней, где у гриля энергично орудовал повар. Если не считать жутко отвислого пивного пуза, обычный дядька. Аманита — не бывает таких имен... или нет? Как бы ее ни звали, девица, похоже, занялась его тостом лично. Она на миг подняла глаза, и Гэвин живо отвернулся к небольшому музыкальному автомату, приделанному к дальней стене его кабинки. Он проштудировал список мелодий, но нашел всего одну знакомую — «Люби меня нежно» Элвиса — и догадался, что тут, должно быть, собраны сплошь древности рока.

Выбросить четвертак на музыку он не мог. Он приехал буквально без гроша, а выплат предстояло ждать аж две недели. Гэвин вздохнул. Сейчас ему полагалось бы вместе с новым научным руководителем, профессором Джури, изучать средневековый фольклор в Шотландии, да вот беда — финансирование проекта накрылось. Во всяком случае, для Гэвина: доктор Джури укатил без него и вернется не раньше середины осеннего семестра. На Гэвина между тем была возложена обязанность провести свою часть изысканий с помощью Всемирной паутины и университетской библиотеки, заодно приглядывая за огромными, полными сквозняков хоромами славного профессора на Ягодной аллее без *э-э-э*. Не лучший способ освоиться на новой кафедре и в новом городе. Гэвин плохо сходился с людьми.

Аманита принесла тост, и Гэвин уже было набрался храбрости спросить, действительно ли ее так зовут, но тут косяком пошел клиент, и он стушевался. В отсутствие собеседников он в два счета управился с едой, но, когда дожевывал последний кусок, Аманита, пробегая мимо, поставила перед ним тарелку с щедрым ломтем яблочного пирога:

— За счет заведения, брат Гэвин. Тост потом оплатите у стойки.

И унеслась к другому столику. Когда Гэвин уходил, она хлопотала на кухне, и он не смог доложить, каким восхитительно вкусным оказался пирог. Он уплатил другой официантке (с очень смазливой мордашкой) и ушел полуголодный.

Некоторое время Гэвин шатался по Портсмуту. Тот ничем не напоминал Канзас-Сити или Питтсбург (в других крупных городах Гэвин не бывал). Здания попадались в основном кирпичные, с магазинами или ресторанами в первых этажах и квартирами наверху. И приземистые — почти над всеми

возносилась высокая колокольня белой церкви. По его меркам жителя мегаполиса в городе царили тишь да гладь, но, если разобраться, день был будний, холодный майский вторник. Вечерело, шел девятый час, магазины закрылись. Гэвин брел, никуда не сворачивая, и очутился у реки. Вода стояла низко, обнажая грязные, испачканные илом стенки набережной и сваи, распространявшие резкий запах. Гэвин задумался о его происхождении: он не назвал бы запах неприятным, но незнакомым — определенно. Он проследил взглядом течение реки. За широкой, в оторочке пристаней и построек излучиной река скрывалась из виду. Благодаря карте Гэвин знал, что Портсмут расположен на берегу Атлантики. Он никогда еще не видел океана. «Не морем ли это пахнет?» — мелькнула мысль.

Он решил пойти в ту сторону: возможно, море близко. Улицы города не граничили с рекой, в их расположении нельзя было усмотреть никакой системы, и Гэвин плутал и петлял, ориентируясь на проблески воды между домами. Сумеет ли он вернуться к дому профессора, его не тревожило — Гэвину в жизни не случалось заблудиться.

Вскоре он вышел к парку над рекой. У причалов аккуратными рядами были пришвартованы всевозможные лодки и лодчонки, некоторые даже с мачтами. На набережной играли дети, парочки прогуливались по дорожкам или сидели под деревьями. Опять подкралось чувство одиночества. Готовый отправиться восвояси, к Ягодной аллее, Гэвин свернул на тропинку, напрямик ведущую через парк к улице. Между двумя высокими дубами его окликнули:

— Алё!

Он огляделся. Поблизости никого не было видно, но голос снова позвал:

— Алё! Пр-ривет!

Гэвин опустил взгляд. По левую руку от него у корней дуба сидел маленький серый попугай. Склонив голову набок, он рассматривал Гэвина блестящими бусинами глаз в кругах белых перьев. Хвост у попугая был ярко-красный.

Гэвин оторопел. По спине побежали мурашки. Маленький серый незнакомец? Он невольно рассмеялся. Невероятнейшее, нелепейшее совпадение! Гэвин присел на корточки и ответил попугаю:

— Сам «алё»!

— Кр-расавчик! — скрипуче похвастал попугай.

— Красавчик, — поддакнул Гэвин. — Дать Полли печеньице?

Попугай мигнул.

— Дер-ржи кар-рман, — ответил он.

— Ладно, — буркнул Гэвин. — Либо ты не Полли, либо не любишь печенье.

Он заозирался, нет ли кого поблизости. Попугай вспорхнул ему на правое плечо.

— Тпру! — вырвалось у Гэвина: он едва не врезался в дерево.

— Тпр-ру, Нелли! — подхватил попугай. Он развернулся, стегнув Гэвина по щеке алым хвостом, вытянулся вперед и заглянул ему в глаза. — Алё! Айда!

Гэвин опросил всех по соседству и даже, поборов робость, нарушил уединение парочки, обжимавшейся на скамейке, но никто не опознал попугая. Птица меж тем восседала у него на плече, не удостаивая публику внимания, и по временам задевала ухо Гэвина страшенным клювом. Наконец в густеющих сумерках Гэвин остановился на перекрестке тропинок.

— Что теперь? — пробормотал он.

— Ложись в др-рейф! — крикнул попугай. Ничего иного, похоже, не оставалось.

— Дома мне тебя покормить нечем, — сообщил Гэвин птице. Но он догадывался, где это можно сделать.

Он вновь направил стопы к «Дэнни и Энни». Попугай что-то бормотал у него на плече, а иногда, завидев прохожего, исторгал разбойничий свист или сиплое «Алё!». Свернув за угол, Гэвин увидел, что свет в закусочной не горит, и приуныл, но в следующую секунду заметил, что Аманита беседует у входа с двумя парнями в строгих костюмах. Внезапно смутившись, он замялся. Ему искренне хотелось услышать, что она скажет, увидев, каким диковинным образом сбылось ее шутливое пророчество. Но вторгаться в ее настоящую жизнь не хотелось.

Он уже поворачивал обратно, когда попугай опять свистнул и завопил:

— Ложись в др-рейф!

Аманита заметила их. Она тотчас помахала, крикнула: «Привет, Гэвин!», что-то сказала своим собеседникам и быстро зашагала к нему.

— Ишь кого подцепили! — восхитилась она.

— Кр-расотка! — гаркнул попугай.

Гэвин моргнул. Мягко говоря, Аманита была еще непригляднее, чем ему помнилось.

— Послушайте, — сказал он, — я не хочу отрывать вас от друзей.

Она прыснула.

— Хороши друзья! Свидетели Иеговы. Вы спасли меня от прискорбной участи, о рыцарь в сверкающем доспехе!

Он улыбнулся.

— Счастье, что они не потащились за вами. Я никогда не знаю, как от них отделаться.

— Пара пустяков. Я сказала, что вы практикующий злой колдун. Как звать вашего нового приятеля?

— Не знаю. Точно не Полли. Я сейчас нашел его в парке у реки.

Аманита сложила губы трубочкой и чирикнула, глядя на птицу.

— Эй, красавчик, — сказала она, — как тебя зовут?

Попугай чирикнул в ответ.

— Гм. Ладненько. Может, Санчо?

— Алё! — ответил попугай.

— Вероятно, это означает «да», — предположил Гэвин. — А почему Санчо?

Она улыбнулась.

— Всякому рыцарю нужен оруженосец. Пошли, покормим его.

Она впустила их в «Дэнни и Энни», усадила у стойки и принялась рыться в большом холодильнике. Санчо клевал царапины в уголке меню, а когда Гэвин вздумал положить этому конец, тяпнул его за палец. Из кухни вышла Аманита с накрошенными в мисочку фруктами и латуком. Санчо просвистел свое «спасибо» и взялся расщипывать дольку апельсина.

— Вы обзавелись новым приятелем, — заметил Гэвин.

— А вам? — спросила она. — Еще молока с пирогом?

— Да, пирог был знатный, — вздохнул Гэвин, — мне очень понравилось, честно, но нельзя же бесконечно...

— Можно, можно, — перебила Аманита.

И вот, пока Санчо клевал фрукты, Гэвин под надзором блуждающего глаза Аманиты ел пирог и пил молоко. Потом она выдала ему пакет с дарами природы для Санчо и предложила подбросить домой. Гэвин хотел отказаться, но Санчо заявил: «Айда». Поэтому в конце концов Гэвин забрался на пассажирское сиденье ее машины, как оказалось, почти идеально восстановленного небесно-голубого винтажного «фольксвагена-жука».

— Классная тачка, — оценил Гэвин.

— В самый раз по мне, — ответила Аманита, и Гэвин задумался, не чудной ли вид автомобильчика она подразумевает.

Они поехали в нужную сторону, но проскочили поворот, который привел бы их на узкие, продуваемые ветром улочки близ Ягодной аллеи.

— Эй, — начал Гэвин, — это...

— Да, знаю. Похищение, — отозвалась она. — Вы никогда не видели океана, верно? Думаю, вряд ли. Я знаю хорошее место. Не

волнуйтесь, в высшей степени общественное.

— Ложись в др-рейф! — заблажил Санчо и ущипнул Гэвина за ухо. Гэвин отпустил ручку дверцы, стараясь унять тревогу. Ему действительно было любопытно увидеть океан. Но он не ручался, что осилит очередной сюрприз Аманиты.

Поездка по тихим извилистым улицам заняла минут десять. На смену ослепительным огням города явилось оловянное мерцание лунного света. Едкий запах, наплывающий от портсмутской реки, притупился, затем нахлынул вновь. Оставив позади дома и деревья, они пересекли ширь темного луга. У Т-образного перекрестка Аманита остановилась, и Гэвин расслышал еле уловимый рокот. Она свернула направо, объехала стороной цепочку домов, повернула в последний раз и припарковала «фольксваген» у песчаного пригорка в конце узкой тупиковой улочки. Они вышли из машины. Гэвин трепетал в предвкушении. Аманита отвела его по мягкому песку на гребень невысокой дюны.

Оттуда ему открылось великое безграничье тьмы, раскинувшейся под луной насколько хватало глаз. Границей пляжа служила змеистая серебряная полоска у кромки воды, там с глухим ревом таранили берег волны. Горизонт был усеян звездами, и Гэвину оставалось лишь гадать, где заканчивается небо и начинается море. Он пережил миг головокружения, почти страха перед этой неразрывной беспредельностью. Волны проворчали предостережение.

— Кр-рутой пр-рикол! — гаркнул Санчо, и Гэвин вздрогнул.

— Да уж, — сказал он.

С трудом преодолев притяжение морского простора, он отвел взгляд. Справа и слева широким плоским полумесяцем простирался пляж. К нему вплотную подступали дома, свет из окон заплатами ложился на песок. Над и за домами вставало высветленное городским заревом и луной небо. С соседней крыши долетел хохот чаек. Гэвин вновь обратил взор к черному пространству моря. Он помнил, каково стоять ночью в раздолье канзасской степи, где небо и земля тоже теряются в неоглядной дали, но на край света попал впервые. Он опять вздрогнул.

Далеко в море что-то блеснуло. Через минуту вспышка повторилась. «Маяк?» — изумился Гэвин. Слева от маяка он заметил другие огни, слишком крупные, чтобы быть звездами.

— Острова Шоалс, — объяснила Аманита.

— Там живут люди? — Это казалось безумием.

Аманита ответила не сразу. Гэвин взглянул ей в лицо, но его скрывала тень. Виднелись только глаза, две слабо мерцающие точки.

— Раз или два в год воспитатели привозили нас сюда из приюта. — Ее голос звучал мягко, без тени резкости, которая пробивалась в нем, когда Аманита дурачилась. — Я свято верила, что родилась на этих островах, что мамина семья до сих пор там. Что и я жила бы с ними, если б мама не умерла. — Она усмехнулась. — Детские фантазии. Я не сознавала, что эти острова не увидишь ни днем, ни при луне.

Гэвину показалось, что он понял.

— Только в мечтах? Во сне?

Она повернула к нему лицо, наполовину освещенное луной и сиянием окон, наполовину затушеванное тьмой, четко разделенное посередине горбатым носом.

— Не только. Тьма должна быть достаточно глубокой, и надо найти в себе мужество верить. Ладно, давайте отвезу вас домой.

Гэвин с величайшей радостью последовал за ней в глубь песчаного берега, прочь от тьмы моря, но его не покидало странное чувство, что он позорно завалил неведомый экзамен.

На другой день он разместил в «Портсмутском герольде» объявление: найден попугай. Он знал, что поступает правильно, однако запасся свежими фруктами, надеясь и дальше делить их с Санчо. Еще он купил газету, подстелить Санчо под насест. Для постоянного жительства попугай облюбовал хлипкий стул с тонкими высокими ножками и восседал на спинке, как принц на троне. Стул стоял у окна, выходившего на узкую улицу, и птица возвещала о появлении каждого прохожего истошными криками: «Кр-расотка! Айда! Привет!», перемежая комментарии художественным свистом — в богатый репертуар Санчо входили даже начальные такты Пятой симфонии Бетховена.

Гэвин установил свой лэптоп возле стула Санчо, на старинном столике. Дому перевалило за двести пятьдесят лет (если верить дате, выведенной маляром над парадной дверью), и обставлен он был, казалось, тоже исключительно антиквариатом. Данью современности были лишь кухня и беспроводной модем. Электронный ящик Гэвина доктор Джури успел завалить просьбами исследовать такой-то древний манускрипт или разыскать сякой-то источник равно темной по смыслу ссылки на фрагмент утраченной саги. Гэвин зарегистрировался в сетевой библиотеке НГУ и засел за работу.

К вечеру в голове мутилось. Он разогрел в микроволновке замороженную пиццу, жадно умял ее (попугай остался верен фруктам) и отправился на прогулку — довольный Санчо восседал у него на плече. Вернувшись, Гэвин откопал в забитой книгами библиотеке доктора Джури том под названием «Легенды о фейри» и уснул на середине главы. С зарей Санчо разбудил его

неблагозвучным исполнением первых четырех нот Пятой. На двенадцатом повторе Гэвин выполз из-под одеяла, чтобы накормить попугая, а заодно и себя.

Установился удобный распорядок: с утра бодренько за газетой, затем электронная почта, вопросы доктора Джури (чаще без ответов), ланч, поход за продуктами, обед, прогулка, чтение, сон. Хотя, по большому счету, ничто не вынуждало Гэвина обживаться, он исходил город пешком вдоль и поперек, предоставив Санчо рассылать приветы за них обоих. Санчо был его товарищем, компьютер — связью с внешним миром, исследования — единственной заботой. Помимо денег, но эта проблема разрешилась к исходу второй недели, когда из НГУ на имя Гэвина перечислили первый платеж. В тот вечер он снова повез Санчо на пляж.

Уже грянул июнь с его долгими днями, и море заливал яркий свет. По песчаному полумесяцу ходили люди, лежали на полотенцах. Несколько человек бродили в волнах ласкового прибоя. Гэвин наблюдал — с верхней точки пляжа.

— Кр-рутой пр-рикол! — проорал Санчо.

— Угу. — Гэвин собрался с духом и спустился по длинному откосу к темному сырому песку, границе, выше которой не захлестывали волны. Близкое соседство помогло не больше, чем белый день — от бесконечности водного приволья Гэвина затошнило. Сейчас, засветло, он отчетливо видел острова Шоалс, тесной группой вставшие по эту сторону горизонта. Поля, дома, среди прочих вроде бы гостиница постройки прошлого века, большая и белая, но ничего подлинно необычного. Острова отделяло от материка всего шесть миль (он справился в «Википедии»). Однако с равным успехом они могли лежать на обратной стороне Луны. Гэвин не стал задерживаться. Он поехал домой, съел пресный ужин и взял Санчо на поздний променад.

Ноги сами понесли его той дорогой, что в первый вечер в Портсмуте, и Гэвин с удивлением обнаружил, что сворачивает за угол к «Закусочной Дэнни и Энни». И машинально вошел. Официантка моментально засекла Санчо.

— Простите, с животными нельзя.

Гэвин залепетал извинения, но в раздаточном окне показалась Аманита и крикнула:

— Все в порядке, Хэйзел. Я знаю парня. Попугай — его поводырь. Аллергия на собак!

Хэйзел смерила их подозрительным взглядом, но впустила. Гэвин, заказал яблочный пирог, стакан молока и стал смотреть, как Хэйзел с Аманитой шушукаются за стойкой. Хэйзел украдкой зыркнула в его сторону, но улыбалась, когда принесла пирог, а с

ним половинку банана. Санчо тотчас обаял ее — протяжно, восхищенно свистнул и назвал «кр-расоткой», что, признал Гэвин, соответствовало истине. Брать денег за пирог девушка не хотела, но Гэвин настоял. Аманита, занятая мытьем посуды, успела лишь помахать ему рукой. Он помахал в ответ, невольно сравнил ее с Хэйзел и испытал неприятный укол вины и жалости. Быстро доел пирог и вышел.

Аманита ждала на тротуаре.

— Я сегодня рано, — сказала она. — Вы пришли тютелька в тютельку.

Гэвин пожал плечами, казнясь пуще прежнего.

— Спасибо, что впустили. Быстро вы нашлись! И как это Хэйзел купилась? Видно же, что я не слепой.

— Подумаешь! Я наврала, что вы маниакально-депрессивный, а попугай не дает вам сорваться.

Гэвин расхохотался.

— И что я злой колдун, тоже сказали?

На губах Аманиты проступила знакомая злая улыбка.

— Она бы и это скушала. Вы же *мой* знакомый! Далеко собрались?

Он опять пожал плечами.

— Так, пройтись. Например, в парк, к реке.

— Айда! — пискнул Санчо.

И по хитросплетению улиц они десятой дорогой отправились к реке. Аманита язвительно прохаживалась на счет разнообразных ресторанов и магазинов, которые в большинстве своем, по ее определению, угождали вкусам туристов и карьерных молодых специалистов. В парке Аманита увела Гэвина вниз, к пристани. Там прибавилось лодок, и освещенных, и темных. По обе стороны от причала на воде мерцал свет, течение играло отражением половинки луны. На краю парка в пахучие воды реки уходил бетонный спуск. Аманита притихла, ее нескладное лицо странно застыло. Она нахмурилась, глядя на бетон и воду.

— Вот откуда я начну, — сказала она.

— А? — Гэвину почудилось, он что-то прослушал.

— Я могу стартовать на «жуке» отсюда, — ответила она. — Понимаете, он водонепроницаемый. Потому я его и купила.

— Вы про машину?

— Да-да. Он не пропускает воду; я могу съехать по бетону, и пусть отлив вынесет меня в море. Сберегу бензин.

— Да, пожалуй, — промямлил Гэвин. Он снова не понимал, шутит она или нет.

— Серьезно, — сказала Аманита. — В шестидесятые годы два типа проехали на таком «фольксвагене» через Ла-Манш.

— Через Ла-Манш?

— Почти. Мотор заглох, поэтому они открыли лючок на крыше и гребли веслами, пока не начался встречный прилив и не пошла волна.

— Кр-рутой пр-рикол! — крикнул Санчо.

— М-да, — хмыкнул Гэвин. — Больные, ей-богу.

— Ага. Им надо было лучше отслеживать приливы. Нам это не грозит. Если угадаем со светом, придется проехать, наверное, всего пару-тройку миль.

— Угадаем со светом? — Гэвину казалось, он все время что-то упускает.

— Чтоб видеть острова.

Он вспомнил о ее детских мечтах.

— Ах да. А если не угадаем?

— Тогда будем грести.

Он отметил, как настойчиво она повторяет «мы», но не дозрел, чтобы подыграть.

— Что ж, если так, лучше прихватите спасательный жилет и побольше еды.

— Мужчины! — усмехнулась она с презрением. — Лишь бы набить брюхо. Отвезу-ка я вас домой.

— Вот здесь нашли мою корзинку, — бросила Аманита, когда они поравнялись с гранитными ступенями, ведущими к обшитой деревом, увенчанной цифрами двери.

Гэнин разинул рот.

— Мать подбросила вас доктору Джури?

Она рассмеялась.

— Нет. Батюшке вашего босса, Г. Самнеру Первому. Ваш начальник — Г. Самнер Младший. Кое-кто думает, он мой брат. — Гэвин воззрился на нее. — Да, я знаю, при лунном свете тяжело подметить фамильное сходство. Доброй ночи, Гэвин.

— Не зайдете попить чайку... или еще чего-нибудь? — Это вырвалось само; жалкая попытка отвлечь внимание от обидного взгляда в упор.

— Спасибо, но уже поздно. Мне завтра в утреннюю смену.

— Лидно. Тогда... — Гэвин порылся в кармане, потом в другом. — Тьфу, задница!

Аманита с удивленной улыбкой уставилась на него.

— Ключи посеял! — объяснил Гэвин. Он заново обшарил карманы, потом внимательно осмотрел землю в надежде, что ключи вывалились сию минуту. — Нигде не видно?

— Нет. А вы когда их видели в последний раз?

— Не помню.

— Не знаешь, где ключики, Санчо? — спросила она.

— Дер-ржи кар-рман! — ответствовал попугай.

— Задница! — Гэвин хрястнул по дверному косяку. — Дверь заперта, а мы снаружи! — Аманита беззвучно посмеивалась. — Хороши хиханьки. Доктор Джури меня убьет.

— Извините, — выговорила она. — Просто никак не могу поверить, что вы сказали «задница». Такой благовоспитанный юноша!

Гэвин залился краской.

— Сейчас не до воспитания.

— Утром можно сходить за слесарем. НГУ за вас поручится.

— А до тех пор?

— Переночуйте у меня, — предложила она. — Есть раскладная тахта.

— Это неудобно, — возразил Гэвин.

— Боитесь, соблазню? — оживилась Аманита. — Или воспитание не позволяет? — Опять сверкнула зубастая улыбка.

Гэвин, вконец сконфуженный, пожал плечами.

— Я просто...

— Кого еще вы тут знаете?

Не в бровь, а в глаз: в городе он знал только Аманиту.

— Ложись в др-рейф! — посоветовал Санчо.

— Ладно, — буркнул Гэвин.

Квартирка Аманиты помещалась на третьем этаже в доме напротив «Закусочной Дэнни и Энни» и представляла собой холостяцкий вариант: комната, плюс санузел, плюс кухонька, удручающе тесная. Да, раскладная тахта действительно была... но в качестве единственного спального места. Не успел Гэвин и рта раскрыть, как Аманита бросила на пол в дальний угол диванные подушки, достала из шкафа запасные одеяла и соорудила гнездышко. Гэвин выразил настойчивое желание спать в нем. Она пожала плечами и отправила его мыться. Вернувшись, он, цепенея от неловкости, дождался, пока она закроется в ванной, сбросил рубашку и как был, в брюках и майке, юркнул под тонкое шерстяное одеяло. Через несколько минут появилась Аманита, скромно одетая в футболку и спортивные штаны. Она улеглась в постель, пожелала ему спокойной ночи и потушила свет.

Гэвин долго не мог расслабиться, но наконец задремал под тихое дыхание Аманиты. Когда наутро его разбудила песнь Санчо, в щели по краям занавесок сочилось солнце, а хозяйки и след простыл. Гэвин на миг замер, цепляясь за смутное воспоминание о сне. Он лежит на подушках. Аманита стоит у окна и держит в руках — что?.. зеркало?.. Оно светится, словно внутри, за стеклом, горит луна. Далеко-далеко кричат чайки. Она поворачивается к нему, и лицо у нее другое. Собранное заново.

Ладное. Она кладет зеркало и подходит к нему. Левый глаз сверкает.

Этот обрывок сна — больше он ничего не вспомнил — казался неуютно реальным. Гэвина пробрала дрожь, он откинул одеяло и сел, разминая лицо ладонями. У него давно не было девушки, но Аманита? Она нравилась ему, да. Интересная. Добрая. Умная. И необычная. Но необычная и в ином смысле. Чудная. Не в лице дело, твердо сказал он себе. Да и приснилась ему вовсе не Аманита. Та женщина — плод его подсознания. Не больше.

— Кр-расотка! — картаво крикнул Санчо.

— Ага-ага, — пробормотал Гэвин. — Но не в моем вкусе.

Две следующие недели он постоянно напоминал себе об этом. Сон не повторялся, во всяком случае как сон. Однако по вечерам Гэвин затевал споры с памятью. К тому времени как на его имя поступил следующий чек, он постановил: тема бесповоротно закрыта. Аманита его друг, и это прекрасно. Он отправился к «Дэнни и Энни» поесть пирога и обозначиться. Может, удастся сходить, например, в кино?

Когда Гэвин вошел, Аманиты на кухне не было. Он задержался возле кассы. Без поразительного лица Аманиты закусочная казалась бутафорской, хром и винил — грубой подделкой.

— Где кр-расотка? — проскрипел Санчо.

Посетители дружно вскинули головы, и Гэвин почувствовал, что краснеет.

Подошла симпатичная голубоглазая официантка Хэйзел, улыбнулась Санчо.

— Столик на двоих? — спросила она, вытаскивая меню из стойки у кассового аппарата.

— Аманита сегодня работает? — спросил Гэвин.

— Кто? — не поняла Хэйзел.

— Где наша кр-расотка? — повторил Санчо.

— А... — Хэйзел нахмурилась, улыбку в мгновение ока сменила кислая мина. — Должна была выйти. Но не объявилась ни вчера, ни сегодня.

— Заболела?

Хэйзел пожала плечами.

— Без понятия.

— Ей что, никто не позвонил?

— Вообще-то это она должна звонить. Вам нужен столик или нет?

— Дер-ржи кар-рман! — гаркнул Санчо.

— Угу, — пробормотал Гэвин. — В смысле нет. Нет, спасибо.

Я не голоден.

Он вышел на улицу. Солнце садилось, в воздухе разливалась прохлада. Мимо шныряли парочки. Проехала машина, обдав Гэвина ритмичным уханьем басов. Он посмотрел наверх, на окно Аманитиной крошечной квартирки. Из-за плохо задернутой шторы пробивался слабый свет. Гэвин некоторое время держал окно в поле зрения, подстерегая признаки движения, присутствия. «С ней все в порядке», — сказал он себе. Ну, простудилась. Но сам он в это не верил.

— Айда! — гикнул Санчо и ущипнул Гэвина за ухо. — Айда!

Гэвин торопливо перешел через улицу, поднялся по узкой лестнице на площадку и осторожно постучал. Ответа не последовало. Он постучал чуть громче и позвал:

— Аманита! Это я, Гэвин.

Мертвая тишина. Он робко нажал на ручку. Та повернулась, дверь открылась. Он заглянул. Горела настольная лампа. Тахта была разобрана, пуста, постель смята.

— Аманита! — позвал он.

Санчо пронзительно свистнул, серой молнией сорвался с плеча и перелетел на стол. Чувствуя себя незваным гостем, Гэвин пошел за ним.

— Хватит, Санчо, — увещевал он. — Нам тут нечего...

На столе, в круге света под лампой, лежало письмо. Казенный гриф доводил до всеобщего сведения: отправитель — детский приют «Рейнольде» при Нью-Гемпширском отделе социальной помощи населению.

Письмо начиналось: «Дорогая Мэри».

Гэвин моргнул и перечитал. Мэри. Проще некуда. Понятно, почему ей захотелось сменить имя на что-нибудь типа Аманиты. Интересно, каких еще имен она себе навыдумывала. Он не удержался и прочел остальное.

«На прошлой неделе с нами связалась Ваша родная мать. Случай не редкий, однако мы строго придерживаемся политики защиты интересов наших подопечных. Заверяем, что причин для беспокойства нет; ей не сообщили ни Вашего теперешнего имени, ни Вашего адреса. Напротив, с нашей стороны был выдвинут целый ряд вопросов и затребованы справки из официальных инстанций с целью убедиться, та ли она, за кого себя выдает, а главное, насколько стабильно ее положение. Я с удовольствием увижусь с Вами, чтобы обсудить Ваш настрой относительно возможной встречи. Разумеется, решать Вам».

Там говорилось также о процедуре как таковой, о наличии консультативных служб, стояла подпись. Но взгляд Гэвина приковали два слова: родная мать.

Два слова, в клочья растерзавшие полотно сказки, сотканное ею в стремлении расцветить свою невзрачность, превратить некрасивость в оригинальность. Можно взять другое имя, но ни Аманите, ни Мэри не изменить подлинных обстоятельств своего появления на свет. Что она предпримет теперь, столкнувшись с суровыми фактами?

С бешено колотящимся сердцем Гэвин заглянул в санузел. Пусто. В шкафу тоже. Никто не плавал в ванне, не висел на штанге для плечиков. Он посмотрел из кухонного окна на тускло освещенную стоянку. «Фольксваген-жук» исчез.

— Черт! — Он треснул кулаком по подоконнику. — Куда ее понесло?

— Кр-рутой пр-рикол! — заорал Санчо. — Кр-рутой пр-рикол!

— Нет, — сказал Гэвин. — Она не станет. Ни за что. Или все-таки?..

— Кр-рутой пр-рикол! — надсаживался Санчо.

Гэвин кинулся на Ягодную аллею за машиной и помчался на пляж.

Голубой «фольксваген» по оси засел в мягком песке там, где обрывалась подъездная дорога. Прежде чем машина увязла, Аманита успела отъехать от асфальта на добрых восемь футов. Гэвину резко полегчало, но он тотчас сообразил, что «жук» пуст. Выкарабкавшись из машины (Санчо цеплялся за его плечо), он метнулся через песчаный пригорок на пляж.

Зеркально-гладкая вода стояла гораздо выше, чем в прошлый раз: она лениво плескалась в считанных десятках футов впереди. Темная, подсвеченная лишь звездами и узорчатым отражением островных огней. Луны не было. Маяк мигнул — раз, другой — и канул во мрак. Прежде чем он зажегся вновь, Гэвин различил сидящую у кромки воды Аманиту: несчастный, сиротливый сгусток тени, — и шумно выдохнул, глупея от облегчения. Санчо встрепенулся, но язык придержал.

Гэвин медленно прошел по мягкому склону, потом по твердому песку у границы прилива и остановился рядом с Аманитой, внезапно охваченный тем же смущением, что в памятную ночь у нее дома. На коленях у девушки что-то слабо поблескивало. Маленькое зеркальце, белесое, как старая ракушка. Стекло отливало перламутром, словно затуманенное лунным сиянием. Вдалеке крикнула чайка.

— Пришел, — заметила Аманита без удивления, не сводя пристального взгляда с моря.

— Ага. — Он опустился на колени рядом с ней. — Это ничего?

Она пожала плечами.

— Такая у тебя натура.

Он слегка обиделся:

— Между прочим, я беспокоился.

— Ты прочел письмо.

Он покраснел.

— Э... да. Я... Санчо залетел на стол, и...

— Ты подумал, я учиню какую-нибудь дикость. Вскрою вены, удавлюсь. Брошусь в бурное море.

— Ну да, — сознался он. — Слава богу, я ошибся.

Она опять пожала плечами.

— Зря переживал. На самом деле ничего не изменилось. — В ее голосе впервые зазвучала горечь. Она посмотрела прямо на Гэвина. — Видишь?

Он видел, даже в безлунную ночь. Теперь он пожал плечами.

Аманита всматривалась в его лицо обоими глазами, но, не дождавшись ответа, вновь отвернулась к морю.

— Я собралась уехать туда, — сказала она. — Достаточно темно. И план я обдумывала довольно долго.

Он проследил направление ее взгляда — вдоль глади темной воды — и содрогнулся.

— Всю жизнь, — сказал он.

— Всю жизнь, — подтвердила она.

— И?..

— Застряла. — Аманита погрузилась в молчание. Наконец она вновь повернулась к нему и спросила: — А что, сэр Гэвин, мой бедный добросердечный рыцарь, я безумна?

— Да. Но не больше многих прочих.

— Правда? — Она вскинула тяжелую бровь. — Значит, ехать?

— Это вам решать, не мне.

— Поедешь со мной?

Он отвернулся к морю. Огни казались совсем крохотными, далекими, будто звезды. Он сглотнул.

— Ложись в др-рейф! — вдруг скомандовал Санчо, и они вздрогнули.

Гэвин хихикнул.

— Сколько тут, шесть миль? — выговорил он фальцетом. — Пожалуй, я мог бы...

— Молодец. — Аманита поднялась и на пару шагов отошла от воды. Потом помедлила, обернулась и швырнула зеркальце в воду. Оно перевернулось, сверкнуло и легко пошло ко дну.

— Зачем...

— Оно лежало вместе со мной в корзине, — сказала Аманита. — Я и без него все про себя отлично знаю. Идем. — Она решительно направилась прочь.

Гэвин замешкался, оглянулся на черную, озаренную звездами гладь, которую морщила только рябь, расходившаяся от места, где ударилось о воду и затонуло зеркало.

— Айда! — крикнул Санчо и перелетел на плечо к Аманите.

— Предатель, — буркнул Гэвин, торопясь следом.

На вершине песчаного холма он догнал ее, и остаток пути они прошли вместе.

— Засел нехило, — заметил Гэвин, изучая полупогребенные диски «фольксвагена».

— Вытащим, — она встала на колени возле правого переднего колеса и открутила колпачок ниппеля. Зашипел воздух. — Манометр есть?

— Да. А что?..

— Надо стравить хотя бы половину. Принцип песчаного багги: у ненакачанных, широких шин сцепление с мягким сыпучим грунтом лучше. Тащи свой манометр.

Гэвин выполнил приказ и начал выпускать воздух из задних колес. Аманита решила, что двенадцать фунтов, в общем, самое то.

— Плакали твои шины, — заметил он.

— Не твоя забота, — отрезала она, и Гэвин опять залился румянцем: девушка была права. — Ладно, я за руль, ты толкаешь.

Она села в машину вместе с Санчо, а Гэвин прочно уперся ступнями в песок. Он нагнулся, крепко взялся за задний бампер и поднатужился. Аманита включила зажигание, мотор вяло заработал.

«О Господи, во что я встрял?» — подумал Гэвин, но тут Аманита газанула, отпустила сцепление, и он что было мочи потащил вверх забавный покатый багажник, скользя, зарываясь в рыхлый песок разъезжающимися ногами, почти падая на колени, а «жук» артачился, вилял и вздымал колесами трехфутовые фонтаны песка. Внезапно машина накренилась, приподнялась и прыгнула вперед. Гэвин едва не сунулся носом в землю. На раме пассажирского окна Санчо, ликуя, засвистел Бетховена.

Увязая в песке, Гэвин косолапо пустился машине вдогонку, запрыгнул на задний бампер и мертвой хваткой вцепился в скобу на дверце моторного отсека. Двигатель под щелястой решеткой воздухозаборника выл, кашлял и фыркал, как тонущий кот. Аманита переключила передачу, машина в очередной раз накренилась, и они одолели последние ярды до вершины. «Жук» клюнул носом и устремился под горку. Желудок Гэвина начал путь наверх.

«Фольксваген» пересек линию прилива, и Аманита сбавила ход.

— Давай внутрь! — крикнула она.

Гэвин покорно соскочил с уезжающего из-под него бампера на неровный песок, с трудом устоял на ногах, чудом ухватился за ручку, рывком распахнул дверь и нырнул на сиденье, как раз когда уклон начал сходить на нет. «Жук» выкатился на слежавшийся сырой песок и наддал. Дверь захлопнулась — Санчо отчаянно замахал крыльями, чтобы удержаться на своей жердочке.

— Проверь, хорошо ли закрыто? — велела Аманита.

Гэвин уставился сквозь плоское ветровое стекло на быстро приближающееся море. Желудок по-прежнему подкатывал к горлу, и он часто сглатывал, стараясь вернуть его на место (без особого успеха). Он слепо нашарил ручку, открыл дверцу настежь и с силой захлопнул. Санчо на окошке тряхнуло, и он гортанно возмутился:

— Дер-ржи кар-рман! Дер-ржи кар-рман!

— Извини, — пробормотал Гэвин.

Он сгреб Санчо к себе на колени и закрыл окно в ту минуту, когда они въехали в море. Передние колеса подняли тучи брызг, заляпав ветровое и боковые стекла. Передний бампер на миг скрылся под водой, и Гэвин вцепился в приборную доску так, что побелели костяшки. Санчо расправил крылья и свистнул. «Жук» взгромоздился на гребень встречной волны. Капот подбросило, как поплавок. Задние колеса вспенили воду, буксуя, бешено вращаясь, и вдруг машина поплыла. Аманита переключила передачу на четвертую и сбросила газ. Мотор мерно заурчал. «Жук» замедлил ход. Деликатно пуская под водой пузыри из глушителя, они малой скоростью двинулись от берега в сторону далеких островных огней.

Аманита хохотнула.

— М-да. Не совсем то, чего мы ожидали, верно?

На приборной доске старого «жука» над бардачком имелась ручка. Санчо взобрался на нее и, выкрутив шею, выглянул через лобовое стекло.

— Тпр-ру! — хрипло распорядился он.

Гэвин хотел рассмеяться, но сумел лишь шумно сглотнуть — машина поднялась на маленькую волну. Он заставил себя улыбнуться.

— А фары включить не стоит? — спросил он. — Вдруг тут плавают лодки, или бревна, или еще что-нибудь?

Тогда мы ничего не разглядим в темноте, — ответила Аманита, но габаритные огни включила. От четырех крыльев «жука» на угольно-черную воду легли веера янтарного света. Тусклое зеленое свечение приборной доски развернуло тени на

лице Аманиты в другую сторону.

— Спасибо, — сказал Гэвин. Говорил он полушепотом, но собственный голос все равно казался ему чересчур громким. Он умолк.

«Жук» медленно, но верно уползал от суши, покачиваясь вверх-вниз на легких океанских волнах. Где-то вдалеке, сбиваясь на полтакта, брякал колокол бакена. Маяк подмаргивал в собственном неспешном ритме. Сердце Гэвина стучало, вдвое опережая обоих. Казалось, огни островов не приблизились ни на йоту. Глаза заломило от напряжения. Он покосился на Аманиту. Ее взгляд был устремлен за лобовое стекло, руки лежали на руле и поворачивали его то чуть вправо, то немного влево, словно она вела машину по шоссе с белой разметкой, разделительной полосой и дорожными указателями, а не по океану, где к ее услугам были только свет звезд, колокол на буйке и курс, проложенный по карте детских грез.

Он опять поглядел вперед: с огнями что-то стряслось. Их расположение изменилось. И продолжало меняться, словно острова уплывали влево.

— Их сносит, — охнул он.

— Не их, а нас, — последовал ответ. — Здесь сильное течение.

«Конечно, — подумал Гэвин. — Острова не могут, плыть». Но, наблюдая, как огни смещаются относительно неподвижных с виду звезд, он не мог избавиться от ощущения, что острова ускользают в сторону, увертываются, убираются прочь с дороги, выпроваживая «жука» в открытое море.

— Спокойно, — утешила Аманита, — сменится прилив, оно притихнет. — Она улыбнулась Гэвину, желая ободрить, но из-за слабого зеленого свечения приборного щитка улыбка вышла замогильная.

Они упрямо двигались вперед. Аманита правила на острова, хотя те, казалось, отъезжали все дальше и дальше в сторону. Гэвин привалился виском к боковой стойке и погладил Санчо по голове. Санчо чирикнул, взъерошил перья. Гэвин приоткрыл окно, и в машину, прямо ему в щеку, дохнул прохладный бриз. Воздух был влажный, соленый и щипал ноздри. Колокол странно дребезжал: «Жук» словно обрел второе дыхание. В крылья «фольксвагена» заплескали подросшие волны. Гэвин крепче взялся за ручку. Санчо уселся на костяшки его пальцев.

Огни впереди будто бы заколебались. Ветер, совсем уж сырой, погнал сквозь янтарный свет габаритников мглистые завитки. Лобовое стекло усеяли бисеринки влаги, преломлявшие звездный свет.

— Туман, — спокойно пояснила Аманита. — Последняя преграда. — И улыбнулась шире прежнего.

Плеск волн усиливался. Капельки воды разбухли и покатились вниз по стеклу, прокладывая маслянистые дорожки, дробившие огни островов на радужные осколки. Потом и они исчезли, остались лишь конусы медово-желтого света, который лили в густой колышущийся туман подфарники «жука». Аманита включила дворники. Это не помогло.

Гэвин напряженно смотрел вперед, силясь хоть что-нибудь разглядеть сквозь плотную завесу. Он начисто утратил чувство направления. Не было ничего, кроме янтарного сияния.

«Нет, погодите», — подумал он. Что это?.. Туман, кажется, посветлел, словно над невидимым горизонтом поднялась луна. За наплывами на ветровом стекле — тень, силуэт, намек на твердь. «Жук» мягко качнуло, и вода зажурчала у самых подножек. В миноре. Гэвин помертвел. Он подобрался, прислушиваясь; бульканье напоминало смех. Он мельком увидел... Холм? Дерево? Лицо?

Огорошенный, Гэвин повернулся к Аманите. Ее улыбка отражалась в стекле.

«Мэри? — подумал он. — Бросьте! Посмотрите на нее: шалые глаза сияют, взгляд холодный, зоркий, но в нем горит страсть, до того глубокая, что эти острова утонут. Посмотрите на ее руки на руле — как она лавирует среди волн и вновь ложится на курс. Она знает, куда плывет; она плывет туда, куда ведет вера. Вера! столь неистовая, что для нее нет преград. Туман уж точно не преграда. И темнота. И прилив, и миллион миль открытого моря. А я ее спутник поневоле. Возврата нет, выбирать поздно. Она давно все решила и будет решать, пока мы не приплывем... куда? На острова Шоалс, острова мечты, в чертоги королей фейри... куда ей заблагорассудится».

Гэвину вдруг стало наплевать, и он рассмеялся.

Она удивилась. Вгляделась в его лицо. И тоже засмеялась. Ее улыбка светилась отраженным волшебным сиянием. Глаза горели. Волосы струились на невидимом ветру. Да: шальная, открытая, как море, преображенная и пугающе прекрасная. Аманита нажала на клаксон, и, услыхав жестяное «бип», оба так и зашлись.

Санчо свистнул и сипло крикнул:

— Тпр-ру!

Аманита крутанула руль в сторону от встающего впереди бледного расплывчатого миража из света и тени. С заднего сиденья она вытянула деревянное весло длиной почти в поперечник маленького автомобиля и прижала к плечу Гэвина. Он принял весло, опустил стекло, погрузил весло в воду и

высунулся наружу, чтобы добавить к тяге двигателя мощные гребки. С каждым гребком машина делала рывок вперед.

Санчо порхнул в окно.

— Айда! — разорялся он. — Айда!

— Санчо! — завопил Гэвин. — Вернись! — Сырой клубящийся туман глушил звуки. Гэвин высунулся еще дальше, обшаривая взглядом мрак. Машину резко качнуло. Желудок Гэвина сделал кульбит. — Санчо!

Аманита не меняла курс.

— Он найдет нас, — сказала она. — Он знает дорогу.

Гэвин слушал вполуха. Он, не отрываясь, смотрел в темноту, напрягая зрение. И слух. Что это было — всплеск, смешок, рябь движения над волнами у них за кормой, там, где пропал Санчо?

Но Санчо снова влетел в янтарное сияние. Он устроился на скобе у закругления капота и прохрипел: «Ложись в др-рейф!», вглядываясь в туман, — нелепая фигура на носу корабля.

Гэвин опять затрясся от хохота и бросил грести. Туман вымочил его лицо, с бровей капало, по щекам текло, во рту стоял привкус морской соли и йода. Сырой ветер донес слабый звон: где-то впереди звякал колокол. За кормой мало-помалу стихло негромкое мелодичное причитание. То ли урчание мотора, то ли шепот моря. Барахтаясь, «жук» кропотливо, настырно шел к цели.

Утро началось с медленных предрассветных сумерек, которые Гэвин заметил, только когда туман приобрел жемчужный отлив, а янтарные огни померкли. Его руки налились усталостью, рубашка отяжелела от воды. Он греб. Вдруг из мглы вырос причудливый силуэт: на волнах покачивался буй, блямкал колокол, глухо из-за тумана. Буй пронесло мимо, с глаз долой. Море взбурлило, «жука» мотнуло. В борт толкнулся бурун, окропил через окошко сиденья. Гэвин услышал влажный ропот волн, омывающих берег. Он хотел крикнуть, предупредить Аманиту, но вдруг из-за горизонта встало солнце. Туман превратился в золотую мишуру. Их лица омыло тепло. Санчо засвистел Бетховена.

Туман завихрился, поредел и, как по волшебству, растаял. Машина шла по морскому рукаву между двумя зажатыми в скалах островами; от каждого ее отделяло меньше ста футов. Прямо по курсу темнели очертания невысокого третьего острова. В маленькой гавани под защитой трех каменистых холмов стояли на якоре лодки. А за гаванью и островами сверкала дорожка, прочерченная солнцем по зыби безбрежного моря.

Гэвин повернулся к Аманите, против воли расплываясь в улыбке. V Аманиты опять было ее собственное лицо, нормальное, человеческие, позолоченное солнцем.

— Тут очень красиво, — сказал он. — Даже если это не... —

«Не что? — задумался он. — Куда она их везла? Куда они приплыли?» — Это острова Шоалс. Сойдет?

Аманита медлила всего мгновение.

— Вполне, — ответила она. — Важна поездка. — Она сторицей вернула улыбку, и на долю секунды Гэвину открылось: в ее глазах искрится колдовская красота.

Сияя как последний кретин, Гэвин истово разглядывал каждый камень, дом и чахлое деревце на трех островах, пока Аманита вводила их нетиповое плавсредство в мирные воды гавани и огибала пристроенный к правому берегу длинный причал. Она провела машину вдоль маленькой плавучей пристани, подле которой выстроились шлюпки, ялики и прогулочные лодки, опять полезла за водительское сиденье и добыла оттуда две бухты веревки.

— Привяжи нас, — попросила она. — И знаешь что, Гэвин? Не открывай дверь.

Гэвин, взявшийся было за ручку, замер:

— Верно...

Он вылез наружу через окно, приветствовал Санчо, слетевшего ему на плечо, и пришвартовал «жука» за капот и багажник. Потом вернулся к пассажирскому окну и вызволил Аманиту. Он подал ей руку, хотел поддержать под локоток, подхватил, когда она чуть не плюхнулась в воду, и в итоге неловко, как-то сбоку притиснул ее к себе, правой рукой плотно обхватив за грудь. Аманита захлопала глазами. Он побагровел и отстранился, но ее руки не выпустил.

— Как думаешь, — спросила Аманита, — где-нибудь на этом острове кормят завтраком?

— Будем надеяться, — отозвался он. — Пошли, отловим кого-нибудь и спросим.

— Алё! — загорланил Санчо. — Пр-ривет! Ложись в др-рейф!

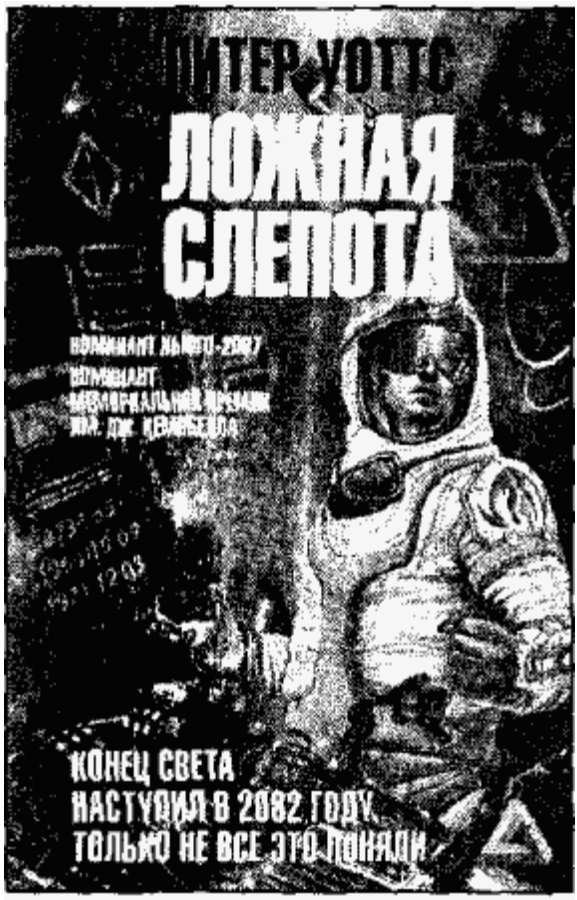
Крепко держа Аманиту за руку, Гэвин двинулся по тропинке прочь от причала, наверх, к сердцу острова.

Перевела с английского Катерина АЛЕКСАНДРОВА

©Dean Whitlock. Changeling. 2009. Публикуется с разрешения журнала «The Magazine of Fantasy & Science Fiction».

КРУПНЫЙ ПЛАН

ДЕКОНСТРУКЦИЯ НОМО



Питер Уоттс. ЛОЖНАЯ СЛЕПОТА. АСТ, АСТРЕЛЬ-СПб.

«Ложная слепота» — одна из вершин научной фантастики последних лет. Роман Питера Уоттса обладает всеми атрибутами, обязательными для канона НФ-произведений — звездолеты, инопланетяне, первый Контакт, а также и необязательными — в виде 40 страниц научных комментариев к тексту и списка использованной литературы на более чем сотню названий. Однако текст — вопреки очевидным опасениям — не похож на сухой академический трактат и в дополнение к идейной составляющей обладает

очевидными литературными достоинствами.

Все начинается на Земле.

2082 год. «Матрица Икара» обеспечивает Землю солнечной энергией. Падение рождаемости сократило численность населения до семи миллиардов человек. Значительная их часть лишилась возможности и необходимости работать: материальные проблемы решают фабы (фабрикаторы материи), а многие профессии просто утратили свою актуальность. Невиртуальный секс ушел в прошлое, захватив с собой семейные отношения как экономический и социальный институт. Террористические группы реалистов атакуют хранилища тел людей, которые решили жить на Небесах, то бишь в виртуальных мирах — выбор, становящийся все более и более популярным. Оставшиеся стали свидетелями появления «светлячков».

Огнепад произошел 13 февраля в 10 часов 35 минут по Гринвичу.

Над планетой появилось 65536 неопознанных объектов, запечатлевших каждый квадратный метр поверхности и сгоревших после отправки информационных пакетов неизвестному адресату.

Космический корабль «Тезей» отправляется по следу.

В состав экипажа включены специалисты для установления контакта. Лингвист Сьюзен Джеймс, также известная как Банда Четырех, объединяющая в одном теле несколько независимых личностей. Исаак Шпиндель — ксенолог, усовершенствовавший свое тело и распространившийся интерфейсом по медицинской лаборатории, сделав приборы продолжением собственного тела (такова цена профессиональной востребованности). Бравый майор Аманда (не называйте ее Мэнди) Бейтс и начальник их — вампир Юкка Сарасти (никакой мистики — просто достижения генетики и биотехнологий), а также идеальный наблюдатель — синтет.

Сири Китон, лишившийся еще в детстве половины головного мозга в результате хирургической операции, стал профессиональным «преобразователем информационных графов», способным упростить и объяснить любые концепции и понятия, пропуская этап понимания за ненадобностью. Теперь он становится безучастным свидетелем попыток Контакта. До тех пор, пока происходящие события не принимают оборот, выводящий Китона на первый план и, главное, делающий его участником тех самых событий.

Писатель описывает контакт с внеземной формой жизни. Однако использует это столкновение в первую очередь для того,

что рассказать о человеке и человечестве. Ведь Контакт — прежде всего возможность увидеть свое отражение.

Уоттс проводит деконструкцию человека, последовательно подменяя несколько важных и полезных иллюзий некоторым количеством важных и опасных вопросов. О невозможности объективного восприятия окружающего мира из-за обмана даже не чувств, а сознания, искажающего когнитивные процессы, — собственно понятие «ложной слепоты» заключается в фиксации предмета органами зрения при одновременном игнорировании сознанием. О существовании свободы воли — эксперименты показали, что двигательные импульсы возникают прежде осознанной мысли о движении, а за контроль над поведением человека сознание соревнуется с лимбической и гормональной системами, а также программами поведения, выработанными в ходе становления homo sapiens. И, наконец, собственно о природе сознания и его эволюционном значении.

Сюжетные коллизии вызывают в памяти «Кукловодов» Роберта Хайнлайна, точнее одну из максим гранд-мастера, который заявил в финале «Кукловодов», что в случае столкновения с враждебным разумом проигравшей стороной окажется «все так называемое человечество». Интеллект опасен, соглашается Уоттс и добавляет, что интеллект, не отягощенный разумом, может быть еще опаснее. Биологические компьютеры, интеллектуальные автоматы оказываются эффективнее разума, обладающего самосознанием.

Взгляды Уоттса далеки от возвышенно-гуманистических представлений о Человеке и человечестве, однако подтверждаются научными исследованиями[34]. Писатель и сам не чужд науки, он — профессиональный морской биолог. Родной стихии были посвящены и первые его научно-фантастические произведения.

Уоттс стоит в одном ряду с такими авторами, как Грег Иган и Тед Чан (и если рецензенту будут простительны нескромные сравнения — Станислав Лем). Эти авторы используют фантастику прежде всего как инструмент познания. Инструмент, позволяющий моделировать те или иные ситуации для проверки гипотез и предположений.

Примечательно, что при этом в центре внимания названных писателей находятся не только вопросы космологии, бран, квантовой физики и суперструн, но и природа человека. За последние несколько десятилетий психология (в том числе — эволюционная и социальная) значительно продвинулась вперед, наряду с антропологией, генетикой, нейробиологией и другими науками о человеке. Это позволило сделать человека не только

центром психологических построений (как для авторов «новой волны», например), но объектом «жесткой научной фантастики», традиционно работающей в строгих рамках научной картины мира.

В этом смысле Уоттс, Иган и другие авторы являются подлинными «инженерами душ человеческих».

Особенно отрадно, что в книге интеллектуальная составляющая не перехлестывает художественную. Действие держит в напряжении и развивается с ускорением; персонажи нарисованы объемно, живо и не только запоминаются, но и вызывают сопереживание. А история Сири, рассказанная Уоттсом, в той же мере иллюстрирует идеи автора, в которой последние объясняют поступки и поведение его героя.

«Ложная слепота» ярко демонстрирует, что подлинную суть фантастики составляет не количество или качество научно-фантастических допущений, а интеллектуальная дерзость — как в построении новых картин и моделей мира, так и в развенчании старых.

Сергей МАКСИМОВ

РЕЦЕНЗИИ

Андрей Круз, Мария Круз. ЗЕМЛЯ ЛИШНИХ. ИСХОД

Москва: Армада — «Альфа-книга», 2008. — 448 с. (Серия «Фантастический боевик»). 11 000 экз.

Очень мужской боевик — вот в трех словах содержание романа. Параллельный мир, куда людей вербуют, как у Андрэ Нортон вербовали Саймона Трегарта. Декорации оного мира представляют собой фронтир в красках почти современного научного и промышленного развития. Кое-какую технику протащить через портал не удается, кое-что «по условиям игры» не работает — например, скудновато с электроникой, отсутствует Интернет. Зато техника 60—70-х, в том числе танки, автомобили, железнодорожное оборудование, подходит как нельзя лучше. В этом мире все бонусы принадлежат самостоятельным и сильным мужикам, которые хорошо разбираются в стрелковом оружии, хорошо водят машины, имеют хорошую тактическую подготовку, а по нраву своему весьма независимы и ответственны. Потому что если они безответственны, то их, скорее всего, прихлопнут в первые же дни пребывания на Новой Земле. Или они окажутся среди бандитов (а их в «благословенном» новом мире видимо-невидимо), что опять-таки грозит им в самом скором времени гибелью — от дорожных патрулей или разнообразных отрядов самообороны.

Народ валит на Новую Землю миллионами. И в этом суть романа, отличающая его от незамысловатой стрелялки. Современная мегаполисная культура слишком обременительна для человека. Слишком много она накладывает на него неприятных ограничений. Слишком много бумажек надо добывать и заполнять. Слишком много чиновников могут влезть в его жизнь со своими идеями, как ее переустроить. Тяжко. А тут... «Если вам... хочется свободы, хочется зависеть только от себя и верных друзей, самому драться с тем, что видится вам злом, — вам здесь самое место». И вот какая особенность: очень многие отправляются туда из России. А там, на Новой Земле, жизнь русских устроена иначе, чем здесь. Там человек, способный честно трудиться или умело воевать, живет достойно. Не то что здесь...

Дмитрий Володихин

Чарльз Стросс. Семейное Дело

Москва: АСТ, 2009. 317с. Пер. англ. О. Э. Колесникова. (Серия «Век Дракона»). 3000 экз.

Автор не скрывает литературный источник своего цикла — это «янтарная» эпопея Желязны.

Итак, в параллельной Северной Америке существует несколько феодальных государств. Однако заправляет всем Клан, объединяющий семьи, способные перемещаться между мирами с помощью загадочного орнамента. В центре дворцовых интриг и семейных склок оказывается Мириам Бекштейн, журналист, специализирующаяся на экономических расследованиях, доткомах и венчурных инвестициях. В этом мире она принцесса («Золушка 2.0») и наследница одной из семей. Дополняет картину скорое открытие Мириам того факта, что семьи занимались криминалом.

Вопреки ожиданиям книга не становится римейком «Крестного отца». Стросс создает высокотехнологичную версию старой истории о могущественном семействе и множестве миров, в которой задействованы мобильные телефоны и GPS-приемники. Дух времени отразился не только в апгрейде внешних примет, но и в изменении содержания истории. Если у Желязны речь шла о борьбе за власть в феодальных династических традициях, то в новом переложении источником могущества стали финансовые потоки и бизнес-конструкции. И когда оказавшаяся сразу между нескольких огней Мириам готова изменить ситуацию, то естественным решением для нее становится прогрессорство. Но здесь оно основывается не на улучшении социальных условий, а на трансформации бизнес-модели с целью создания большей прибавочной стоимости.

Терминология для фэнтези необычная, как и идея становления индустриального мира. Однако обычно изобретательный Стросс на сей раз оказался слишком прямолинеен и безальтернативен по отношению к нашей истории. Роман интересен выбранной системой координат и идеей бизнес-прогрессорства, но с точки зрения увлекательности сюжета и яркости персонажей Стросс заметно проигрывает Желязны.

Сергей ШИКАРЕВ

Джефф ЛОНГ. ПРЕИСПОДНЯЯ

Москва — СПб.: ЭКСМО—Домино, 2009. — 608 с. Пер. с англ.

Е. Корягиной. (Серия «Книга-загадка, книга-бестселлер»). 7000 экз.

Новейшая географическая НФ занялась активным освоением всех без исключения тем классической географической НФ XIX—XX веков. В том числе и таких, которые, с точки зрения современной науки, не выдерживают критики. Таковой темой оказывается концепция «полой Земли», с неожиданной серьезностью возрожденная в романе Д.Лонга.

Книга начинается с истории группы западных туристов, заплутавших в Гималаях. Горе-путешественники, ведомые проводником Айком Крокеттом, укрылись от снежного бурана в пещере, где неожиданно обнаружили труп человека, покрытого татуировками и шрамами. Однако в самый разгар бури «мертвец» неожиданно оживает и начинает охоту за ничего не подозревающими путниками. И это только первый эпизод из целой цепи событий, в ходе которых потрясенное человечество узнает, что под ногами существует целый мир — система разветвленных тоннелей, населенных разумными существами, прозванными homo hadalis («человек бездны»), или просто «хейдлами». Начинаются столкновения с хейдлами, после чего homo sapiens начинает новую конкисту, направленную на завоевание подземного мира.

На фоне обычного мелкотемья, характерного для неогеографической фантастики, роман Д.Лонга выглядит приятным исключением. Автор пытается честно нарисовать изменившийся мир будущего (для нас, скорее, альтернативного настоящего, ибо действие романа разворачивается в 2003 г.). Увы, при этом писателю не удалось выдержать единый темп повествования — то автор неспешно излагает отдельные события из жизни главных героев, то вдруг частит, срываясь на газетную скороговорку и стремясь в нескольких абзацах рассказать о глобальных переменах на Земле. Подкачала и концовка, в которой Лонг не смог удержаться от соблазна и оставил намек на открытый финал. И тем не менее «Преисподняя» поднимается выше среднего уровня нынешней геофантастики.

Глеб Елисеев

Татьяна Томах. Имя Твоего Волка

Москва: Форум, 2009. 272с. (Серия «Другая Сторона»). 3000 экз.

Московское издательство «Форум» продолжает пестовать молодых писателей. «Имя твоего волка» — книжный дебют автора, ранее имевшего в своем активе всего несколько рассказов.

История, придуманная дебютанткой, раздваивается, едва успев начаться. Одна сюжетная линия развивается в наши дни. Действие второй происходит в безымянной восточно-европейской стране несколькими столетиями ранее, в благодатное время для селян и опасное для ведьм. Оберегать ведьму Марго и ее современное воплощение Ритку призван волк, прирученный и нареченный по имени. Однако животное не всегда в силах совладать с людскими страстями и страхами.

Настроение романа в равной степени традиционно для молодых авторов и для женской фэнтези. Перед нами эмоционально рассказанная история любви и ненависти, одиночества и женской судьбы. Лиричность героев и автора, которые были бы чужеродны и фальшивы в иных локациях (ошибка, распространенная среди многих начинающих авторов) вполне органично вписаны в обстоятельства и интонации волшебной сказки для взрослых. К достоинствам книги нужно также отнести и рифмованный монтаж, сцепляющий действие и персонажей.

Но есть и недостатки, вполне характерные для начинающих авторов, слишком резко переключившихся с малой формы на крупную. Например, излишне неторопливое развитие событий и долгое выстраивание композиции. Чувствуется, что Томах еще не освоилась в раздвинувшихся границах текста. Кроме того, в описаниях автор слишком уж злоупотребляет прилагательными.

Впрочем, динамика сюжета и избавление от стилистических излишеств являются техническими приемами, а это, как говорится, дело наживное. Главное, что молодой автор обладает метким взглядом на человеческие взаимоотношения и фантазией для их литературного переложения — эти качества внушают надежду.

Сергей ШИКАРЕВ

ВЕХИ

Вл. ГАКОВ
ПРОЩАНИЕ ПОД ГРОМ АПЛОДИСМЕНТОВ

В этом месяце мир научной фантастики отмечает 75-летие со дня рождения Джона Браннера. Одна из самых ярких звезд английской фантастики шестидесятых-семидесятых, он умер, не прожив и года после своего 60-летнего юбилея и оставив после себя около сотни книг. В случае с этим писателем затертый штамп: «Вся жизнь его была отдана фантастике» — следует понимать едва ли не буквально. Последние две трети жизни Джона Браннера неразрывно были связаны с фантастикой. Целиком: до последнего дня, часа, минуты.

Место встречи с собственной смертью изменить нельзя. Как и время. Большинство о них не догадывается, и это прекрасно. Но будь мы способны узнавать и обсуждать «время и место», думаю, Джон Браннер не отказался бы от уготованных ему судьбой.

Всякий великий актер тайно мечтает умереть на сцене, а дирижер — за пультом, вместе с финальным аккордом только что исполненной симфонии. Браннер умер в день открытия Всемирной конвенции в Глазго. Среди своих. Так получилось, что торжественная церемония открытия конвенции вышла совсем не

праздничной — похоронной.

Было это 25 августа 1995 года. Несколько тысяч писателей и фэнов, съехавшихся со всего мира на свою ежегодную грандиозную тусовку, в тишине выслушали прощальное слово Роберта Силверберга. В нем он, в частности, сказал: «Последние годы жизни Джона оказались окрашены в темные тона. Болезни, спад в творчестве, разом отвернувшаяся удача... Для него становилось все труднее и труднее писать — и еще сложнее находить свое место на книжном рынке; он старел на глазах с ужасающей быстротой, и, увы, многие его друзья, как и удача, тоже от него отвернулись. Даже несмотря на то, что Джона все-таки пригласили Почетным Гостем на Всемирный кон 1983 года в Балтиморе и сердечно там приняли, уже в то время он показался всем мужчиной на закате жизненного пути. А со смертью в 1986 году жены Марджори глубоко потрясенный Джон и вовсе превратился в трагическую фигуру.

Поэтому его собственная неожиданная смерть в каком-то смысле явилась желанным освобождением от еще более мучительной жизни...

Никогда еще ни один ведущий писатель-фантаст — да, я думаю, вообще ни один участник — не умирал на Всемирных конвенциях. А между тем это ведь как смерть в любимой семье. Поэтому, прежде чем мы снова начнем обмениваться шутками и вручать друг другу призы, я попрошу вас всех встать и, вопреки традициям, предписывающим благоговейное молчание, поаплодировать нашему ушедшему товарищу что есть силы. Пусть эта овация и будет нашим прощанием с Джоном!»

Не сомневаюсь, Браннер счел бы это лучшим прощанием.

* * *

Он родился 24 сентября 1934 года в деревне Престон-Кроумарш (графство Оксфордшир). Его мать работала фотомоделью, а отец служил в крупной химической компании, основанной еще прадедом будущего писателя. Из чего следует, что, хотя Джону Килиану Хьюстону Браннеру от рождения и не светила какая-то уж особенно блестящая карьера, теплое место в семейном бизнесе ему, вероятно, нашлось бы.

Однако Джон слишком рано решил идти другим путем.

Биографы отмечают, что его детские годы прошли под знаком одиночества. После Джона в семействе Браннеров родились еще две дочери, но традиционное английское воспитание («мальчики отдельно — девочки отдельно») сделало свое дело: с обеими

сестрами Браннер никогда не был особенно близок. Одиночеству способствовала и типично же английская атмосфера country life. «У моих родителей, — вспоминал писатель, — в буквальном смысле почти не было друзей, в нашем доме отсутствовали вечеринки, развлечения и выезды куда-нибудь по выходным».

Второе обстоятельство, наложившее тяжелый отпечаток на детство будущего писателя, — это целый букет болезней. К традиционным кори, ветрянке и свинке прибавились хвори более экзотические и серьезные — дизентерия, ревматическая лихорадка, скарлатина, конъюнктивит... Всем он переболел, и отголоски перенесенных болезней напоминали о себе всю жизнь. Однако именно слабому здоровью мальчик был обязан тем, что рано превратился в «запойного» читателя.

Это часто случается с детьми, росшими в атмосфере одиночества и отчуждения от родных и сверстников. Джон Браннер не стал исключением.

Как и большинство фантастов, он начал литературную карьеру с углубленного и всепоглощающего изучения того, что насочиняли предшественники. Все началось, по его воспоминаниям, со случайно обнаруженного в детской зачитанного до дыр экземпляра уэллсовской «Войны миров», потрясшей мальчика до глубины души. Потом пришел черед Жюля Верна, комиксов, дешевых английских и американских журнальчиков научной фантастики...

Следующий логический шаг не заставил себя ждать. Еще посещая подготовительную школу, будущий писатель начал сам сочинять истории, подобные тем, что проглатывал по дюжине на дню. Когда ому исполнилось тринадцать, родители отдали его в престижный колледж, но для юного Браннера более важным оказалось не это событие, а первый литературный трофей (на самом деле, первая нанесенная ему рана) — казенный «отлуп» из журнала! Причем чисто формальный: в британском филиале знаменитого американского журнала «Astounding Science Fiction» не печатали произведения местных авторов, довольствуясь лишь перепечатками американцев.

Хотя долго коллекционировать подобные ответы-отказы из редакций молодому автору не пришлось. Уже в семнадцатилетнем возрасте, бросив учебу за год до выпуска и таким образом поставив крест на будущем поступлении в Оксфорд, Браннер продал в одно малоизвестное английское издательство даже не рассказ, а сразу роман! Назывался он «Галактический шторм» и отдельной книгой был издан в 1951 году. Впоследствии писатель неохотно вспоминал о своем дебюте: «Слава богу, он вышел под псевдонимом... но, как бы то ни было,

на первый гонорар — 27 фунтов и 10 шиллингов — я смог купить себе первую пишущую машинку!».

У родителей успех сына вызвал смешанные чувства. Не то чтобы они были категорически против появления в роду писателя, но их мучили сомнения, хватит ли у отпрыска таланта и настойчивости, чтобы обеспечивать себя литературным трудом. Что касается Джона, то он не сомневался в своем призвании, как и в том, что больше ему в колледже делать нечего: «Я успел понять, что все годы учебы меня учили только одному — лгать или, в лучшем случае, говорить полуправду».

Однако отказ от диплома неизбежно влек за собой призывную повестку. Правда, Браннеру предстояли два года сравнительно безбедной штабной службы офицером при секретариате Королевских ВВС, но все равно радости это не добавляло.

К счастью, еще до того, как его «забрили» в армию, начинающему писателю удалось наладить контакт с американскими журналами научной фантастики. В мартовском номере за 1953 год самого знаменитого их них — на сей раз настоящего, кэмпбелловского «Astounding»! — вышел рассказ некоего Джона Локсмита «Ты добр и верен». Как нетрудно догадаться, это был псевдоним (один из десятков) раннего Браннера. А чуть позже другой журнал опубликовал его новый роман... Короче, к долгожданному «дембелю» в чем-чем, а в литературе Браннер мнил себя уже понюхавшим пороху воякой-ветераном.

Насчет армии мнение у молодого Браннера сложилось верное и на всю жизнь: «Самый бесполезный, пустой и бесплодный период ее». А вот насчет собственной литературной состоятельности... «Находясь в плену ошибочного впечатления, что стал писателем, — вспоминал позже Браннер, — я покинул отцовский дом и отправился завоевывать Лондон. Я был полон решимости доказать всем, что прав я, а все, кто не верит в мое литературное будущее, чертовски ошибаются! Но оказалось, что написать что-либо приемлемое — лишь полдела. Нужно было еще и продать. И научиться делать второе так часто и умело, чтобы на полученные деньги выжить... В ту пору я ютился в крошечной комнатке, снимаемой за две гинеи в неделю, — при том, что это составляло почти половину моего заработка. Мне пришлось изучить чертову дюжину способов приготовления картошки...»

Хотя 1956 год стал для него рекордным по числу журнальных публикаций — почти 20! — денег все равно не хватало. Чтобы как-то поддержать себя, Браннер, не желая возвращаться в отчий дом с опущенным хвостом, брался за любую работу, какая

попадалась под руку. Пока наконец не нашел ту, которая устраивала его со всех сторон. В редакции некоего узкопрофессионального издания — «Бюллетеня прикладного использования алмазов» — надолго заболел редактор, его подменил другой сотрудник, и он-то пригласил Браннера занять свое место. Тот с радостью согласился — ведь приглашение поступило не от кого-нибудь, а от самого Сэмюэла Йоуда! Имя ничего не говорит? А если я подскажу, что этот Йоуд тоже сочинял научную фантастику, подписывая свои произведения псевдонимом «Джон Кристофер»...

И тогда, и во время последующей работы в различных лондонских издательствах и журнальных редакциях Браннер пытался писать вечерами и в выходные. А когда в 1958 году смог продать первый роман американскому издательству, то снова решил рискнуть и начать жизнь «свободного художника». Летом того же года он женился на Марджори Сауэр, которая была лет на двадцать старше. До самой ее смерти в 1986 году Браннер уважительно называл супругу «моим преданнейшим фэном и самым искушенным критиком».

* * *

В 1958 году случилось еще одно знаменательное событие в жизни Джона Браннера.

Начинающий писатель-фантаст сблизился с британским Движением за ядерное разоружение, в рядах которого тогда можно было встретить много интеллектуалов самой разнообразной политической ориентации. Впрочем, «сблизился» — не то слово. Браннер превратился в одного из его активистов и даже написал полуофициальный гимн движения — «Гром водородных бомб». Пока позволяли годы и здоровье, чета Браннеров постоянно участвовала в знаменитых Олдермастонских маршах мира, о чем подробно рассказано в автобиографическом романе «Дни марша», вышедшем три десятилетия спустя.

Борьба против Бомбы наложила отпечаток на всю его дальнейшую жизнь — обыденную и литературную. В 1970—1980 годах Браннер на собственные средства создал Фонд памяти Мартина Лютера Кинга для материальной и моральной поддержки борцов за свободу слова, разоружение, экологию, равные права для представителей всех рас.

Но это будет позже. А в 1959 году он вместе с женой подготовил сразу на четырех европейских языках фотовыставку

Движения под оптимистическим названием «Спрятаться негде». Вместе с нею чета Браннеров побывала во многих европейских странах! А в 1962 году, когда наша столица принимала участников Всемирного конгресса сторонников мира, среди делегатов значился и наблюдатель от британского Движения за ядерное разоружение по имени Джон Браннер.

После этого он еще не раз посещал Советский Союз. Но на дворе стояли уже «застойные» восьмидесятые, и на сей раз те, кому положено, не только были в курсе, но и вовсю пользовались своим правом опекать знаменитого писателя — и отсекать его от разного рода незапланированных контактов... Литературные бонзы из тогдашнего руководства Союза писателей и просто постоянно отиравшиеся там по службе «литераторы в штатском» обильно поживились за счет Браннера — кто ответными приглашениями на различные фантастические посиделки «за бугром», а кто и просто свежими произведениями, чтобы быстренько перевести их и тиснуть по случаю в издательство или журнал.

Последнее, кстати, для всех прочих переводчиков «без допуска» было делом совсем не легким. Перефразируя классиков, борьба за мир — «это все очень бла-а-род-но». Но Браннер ни в коем случае не желал становиться абсолютно ручным «борцом», каким его и ему подобных хотели бы видеть наши власти предержащие. В частности, после московского визита 1962 года (тогда английского писателя больше всего поразила встреча с Юрием Гагариным — «чертовски отличным парнем») советское посольство в Лондоне стало регулярно приглашать супругов Браннеров на различные приемы, на которых «рекой лилась чертовски отличная водка». Однако идиллия закончилась после того, как писатель был арестован и оштрафован за сидячую демонстрацию перед тем же посольством — в знак протеста против взрыва на Северной Земле советской 100-мегатонной водородной бомбы.

По-настоящему пообщаться с советскими коллегами и фэнами он смог лишь осенью 1987 года, когда уже вовсю бушевала горбачевская перестройка. Руководство Союза писателей еще попыталось было по обыкновению оттеснить его от неорганизованной массы, всячески ограничить круг «спецдопущенных», да времена — и мы — были уже не те.

* * *

Я намеренно не останавливаюсь подробно на творчестве

Браннера. Когда-то, в ранних статьях мне приходилось пересказывать его произведения, одно за другим, поскольку до конца восьмидесятых переводы Браннера на русский можно было пересчитать по пальцам (долгое время — одной руки). Сейчас нужды в этом нет, поэтому лишь напомню главные этапы.

Первый период был связан с американским массовым издательством «Ace Books», в котором серию научной фантастики тогда вел знаменитый редактор (а до того — писатель-фантаст, а после этого — удачливый издатель) Дональд Уоллхейм. За шесть лет — с 1958 по 1963 год — молодой Браннер умудрился настрочить аж двадцать романов для этой серии. И это было далеко не самое худшее из того, что тогда имело обыкновение выходить в упомянутом издательстве.

Ранние романы писателя были по сути произведениями «американскими», хотя и написанные автором-британцем. Значительно более интересными и самостоятельными в тот ранний период выглядят рассказы Браннера, лучшие из которых составили сборник под мрачно-пророческим названием «Будущего у этого ремесла нет» (1962).

Как о мастере серьезной — социальной — фантастики о Браннере заговорили после выхода романа «Цельный человек» (1964). Но воистину переломной книгой, выдвинувшей Браннера в первые ряды англоязычной science fiction, стала виртуозно разыгранная притча-игра, вызывающая аналогии с Зазеркальем Льюиса Кэрролла или «Игрой в бисер» Германа Гессе, — роман «Квадраты шахматного города» (1965). Кстати, то был первый и единственный роман писателя, опубликованный у нас в советское время, что, учитывая содержание, само по себе являлось фантастикой. Правда, и переводчик был не простой, а из тех самых «спецдопущенных», по долгу службы опекавших Браннера во время его визита в Москву...

Вообще, к середине 1960-х дела Браннера пошли в гору. В том числе финансовые — на пару с женой он создал собственное семейное литературное агентство Brunner Fact & Fiction Limited, поручив Марджори всю бухгалтерию, контракты, переписку и тому подобное. Полученные авансы и потянувшийся робкий ручеек роялти за издания книг в США, Англии и по всей Европе (превратившийся со временем в ровный поток) — все это позволяло строить далеко идущие планы и вообще смотреть в завтрашний день со сдержанным оптимизмом. Будущее у этого ремесла было, и неплохое!

В автобиографическом эссе к легендарной мегаантологии Харлана Эллисона «Опасные видения» Браннер предстает этаким преуспевающим бонвиваном. Домик в престижном районе,

спортивный восьмицилиндровый «даймлер» с откидным верхом, полтора десятка стран, в которых писатель успел побывать, не говоря уж о планах строительства виллы в Греции, где можно будет отсидеться сырыми и промозглыми британскими зимами...

Но еще одно событие разом перечеркнуло все вдохновенные прожекты. Браннер написал книгу, которая принесла ему максимум славы — и, увы, минимум денег. Хотя и отняла столько сил и времени, что еще несколько лет писатель вынужден был «отрабатывать» ее откровенной литературной поденщиной...

Этим романом стал гигантский «кирпич» в четверть миллиона слов (около 650 страниц) под названием «Остановка на Занзибаре» (1967). Он принес автору целый урожай самых престижных премий в США, Великобритании, Франции. Собственно, из-под пера Браннера вышел даже не роман, а гигантская мозаика, коллаж, сложное и причудливое переплетение сюжетных линий, тем и литературных техник.

Это своего рода реквием по Земле Перенаселенной, художественное воплощение кошмара, мучившего многих неглупых людей — от Мальтуса до Маклюэна.

Своим романом Джон Браннер взорвал все представления о том, какой может быть научная фантастика — если захочет! И дал свое доказательство великой теоремы Маршалла Маклюэна, приравнявшего «the medium» (средство сообщения) к «the message» (само сообщение). В «Остановке на Занзибаре» знак равенства ставится между формой и содержанием. Иными словами, невозможно рассказывать, О ЧЕМ написан роман, не рассказывая, КАК он написан.

Двумя другими створками апокалиптического триптиха Браннера, посвященного кошмарам близкого будущего, стали романы «Глянули агнцы горе» (1972) и «Оседлавший волну шока» (1975). В первом случае это апокалипсис с приставкой «эко», во втором — с приставкой «инфо». Название второго романа отсылает читателя к нашумевшей в 1970-е годы книге американского публициста Элвина Тоффлера «Футуршок» (или «Шок от столкновения с будущим»), В своем романе английский писатель много угадал из нашей сегодняшней повседневности — тут и «виртуальная реальность», и всемирные «сети» и «паутины». И чуть ли не впервые в НФ такие побочные «прелести» Прогресса, как компьютерные вирусы!

В определенном смысле и сам Джон Браннер стал в англоязычной science fiction «всадником футуршока», сумевшим обуздать лавину новых катастрофических открытий и предвидений,от которых у большинства голова шла кругом и опускались руки.

Однако фантастический «триптих» и другие серьезные романы Браннера больших денег ему не принесли. Скорее, наоборот — по мере того как росла слава Браннера по обе стороны Атлантики, его материальное благополучие, увы, ухудшалось. Роман «Квадраты шахматного города» не мог найти издателя долгих пять лет, «Остановка на Занзибаре» на родине писателя получала отказ за отказом. Пока, наконец, не рискнуло, заокеанское издательство «Doubleday», купившее лучший роман Браннера за смехотворный аванс в полторы тысячи долларов...

Неудивительно, что приходилось заниматься тем, что американцы, за неимением в своем словаре аналога нашей лексически богатой и емкой «халтурке», вежливо называют hackwork — литературной поденщиной. Большую часть из его почти семи десятков фантастических романов читать вовсе необязательно... Более успешными были рассказы Браннера, многие из которых и сегодня украсили бы томики «Лучшего за год». А еще в последние десятилетия он активно пробовал себя в новых жанрах — писал детективы, реалистическую прозу, поэзию. И с упорством переписывал старые вещи! По количеству переизданных — и, как правило, полностью переписанных — старых романов Джон Браннер, безусловно, является рекордсменом в англоязычной НФ.

Последним творческим всплеском стал цикл новелл, объединенных в книгу «Тигель времени» (1983). Но даже невооруженным глазом было видно, что Браннер заметно сдал.

В последнее десятилетие жизни он много путешествовал. А также много переводил: с французского, немецкого — и даже, по его собственному утверждению, с китайского!

С Китаем судьба его связала наскоро, крепко и неожиданно. В 1991 году 57-летний британский вдовец скоропалительно женился второй раз — на молодой китаянке иммигрантке Ли Ютан. С ней Браннер познакомился по переписке, а первый раз очно встретился не где-нибудь, а на одной научно-фантастической конвенции в Польше! Сам он говорил, что там же и сделал предложение...

Вот так — на конвенции женился, на конвенции и умер. Фантастические жизнь и смерть — во всех смыслах!

ПУБЛИЦИСТИКА

Сергей ШИКАРЕВ
ПЕРЕМЕНА КНИГ И КНИГИ ПЕРЕМЕН

Это только кажется, что нынешний кризис никак не соприкасается с фантастикой. Еще как соприкасается! И, по мнению московского критика, в скором времени серьезно изменится не только стратегия книгоиздания, но и ландшафт всей фантастической литературы.

Взгляд назад

Природа рыночной экономики, как нам известно из практических наблюдений, носит циклический характер, чем выгодно отличается от перманентного, если судить по досужим разговорам, кризиса в отечественной фантастике. И в отличие от дискуссий влияет на происходящее в жанре куда как сильнее. Пресловутая «невидимая рука рынка» определяет положение дел в книгоиздании, а значит, и издательскую политику, то есть, в конечном итоге, ассортимент книжных полок в магазинах, куда заглядывает в поисках новинок любопытный читатель. Развернувшийся и продолжающийся кризис существенно сузил степени свободы всех экономических агентов, к которым, кроме издательств и сетей распространения, следует отнести авторов и читателей. Следовательно, уже наблюдаемое изменение НФ-ландшафта — закономерное и ожидаемое развитие событий.

Как учат нас классики немецкой философии: чтобы понять явление, необходимо изучить его происхождение. Обратимся к нашему недавнему прошлому — новейшей истории отечественного книгоиздания, начавшейся в 1990-х с хлынувшего на нас вала переводов зарубежной фантастики. Долгожданное изобилие обернулось засильем переводных, преимущественно англоамериканских, названий. Издательства, воодушевленные спросом изголодавшегося, а потому нетребовательного читателя, не затрудняли себя вопросами качества переводов. Культурная экспансия зарубежной НФ позднее окажет влияние на новое литературное поколение, чьи детство и юность — период самого активного чтения — пришлись на это время.

Отечественные авторы, сумевшие адаптироваться к изменившимся условиям, постепенно брали свое: активно осваивали новые ниши фэнтези и космического боевика, учились работать в новом темпе. Уже к концу 90-х в соотношении

отечественной и зарубежной НФ установился примерный паритет. Тиражи и аудитория русскоязычных авторов росли. Ситуация представлялась вполне благостной, а грядущее и вовсе радужным.

В своей статье тех лет «Не так страшен черт» Андрей Синицын и Дмитрий Байкалов традиционно упоминают о продолжающихся обсуждениях кризиса в русской НФ (вот уж действительно тема из разряда вечных!). При этом соавторы утверждают, что речь нужно вести, в первую очередь, о кризисе распространения фантастики, и предрекают успех тому, кто «сумеет доставить очередной хит Василия Головачева в одиноко стоящую на берегу океана ярангу».

Последовавшие за публикацией события подтвердили связь издательского успеха и развитой системы распространения книжной продукции. И дело не в популярности статьи, а в том, что она была опубликована в августовском номере журнала «Если» за 1998 год — аккурат в разгар кризиса.

Характер воздействия текущего кризиса схож с кризисом десятилетней давности,а потому стратегические «ходы» издательств, предпринятые в то время, будут сегодня особенно поучительны. Тем более что память о тех событиях у непосредственных участников жива и во многом определяет их сегодняшнюю реакцию.

Тогда столкнувшиеся с нехваткой денежных средств издательства были вынуждены пойти на сокращение расходов — стратегия, возможно, и не самая эффектная, зато беспроигрышная. Прекратилось господство переводных авторов. Иначе говоря, ситуация в фантастике развивалась аналогично ситуации с импортными товарами в экономике в целом. Отечественные авторы получили возможность показать себя на изрядно поредевшем игровом поле.

Причем приоритет в издании был отдан тем авторам, кто уже доказал свою коммерческую успешность и имел некоторое количество неизданных романов в запасе и/или был достаточно талантлив и работоспособен,чтобы их быстро написать. Именно тогда сложилась когорта наиболее тиражных авторов жанра во главе с Сергеем Лукьяненко, которая сохранилась до сегодняшнего дня практически в прежнем составе. Пробиться в их ряды с тех пор удалось немногим.

Антикризисная стратегия издательств понятна. Очевидно, что предпочтения издателей продиктованы потенциальными возможностями продать книгу.

Важно, что эти возможности определялись не только именем и талантом автора, но и доступом к каналам сбыта. Наличие

доступа к книготорговым сетям (а чуть позднее и развитие собственной розницы) оказалось для издательств весомым преимуществом.

Обладающему доступом к полкам книжных магазинов издательству оставалось планомерно увеличивать количество выпускаемых наименований, вытесняя конкурентов. Иными словами, заниматься производством книг, предоставляя сбыту самому о себе позаботиться.

Альтернативной стратегией для издательств стало обеспечение продаж за счет формирования спроса, то есть концентрации усилий на книжном маркетинге, на продвижении серий и работе с авторами.

Сегодня положение в значительной степени выровнялось: свои книжные сети есть у всех ведущих издательств. И получила подтверждение старая максима бизнеса, которая гласит, что приобрести активы проще, чем знания и навыки.

Видимое глазу лидерство в части издания русской фантастики перешло к издательству ЭКСМО, делающему ставку именно на маркетинговую работу.

Отрадно, что помимо гигантов книжного бизнеса появились и маленькие издательства, так называемые small press. Среди таких фирм, занимающихся выпуском фантастической литературы, следует назвать московские «Форум» с серией «Hyperfiction» и «Корпорацию «Сомбра», специализирующуюся на мистике и хорроре. Рижский «Снежный Ком» сделал ставку на молодых авторов и фантастику с сильной литературной составляющей, фактически тяготеющую к мейнстриму. Несколько книг фантастического жанра выпустила волгоградская «ПринтТерра».

Произошло пополнение и в фантастической периодике. К существующим изданиям добавились альманах «Знание—сила: Фантастика», журнал «Fantастика» издательства «Азбука».

Подобное благолепие дополняли и количественные показатели. По данным Российской Книжной палаты в 2008 году было издано 2468 наименований книг фантастического жанра, то есть в среднем около двухсот книг в месяц, или 50 книг в неделю.

Тут бы радоваться! Да снова грянул кризис...

Конец первого тайма

Говоря о кризисе и книгах, необходимо, в первую очередь, определить, о каком из кризисов идет речь.

Самый масштабный — кризис книги как таковой. Галактика Гуттенберга, лежащая в основе сегодняшнего мироустройства,

стремительно сокращается в размерах. На смену бумаге приходят иные формы хранения и распространения информации. Одновременно с этим чтение перестает быть структурообразующей формой проведения досуга, уступая более интерактивным развлечениям.

В сокращающемся пространстве мира книг становится тесно. Увеличение количества выпускаемых наименований при одновременном уменьшении среднего тиража книг привело к борьбе за Lebensraum — жизненное пространство на книжных полках. Еще несколько лет назад в книжной среде заговорили о так называемой «проблеме бутылочного горлышка», когда значительная часть издаваемых романов и сборников рисковала никогда не найти своего читателя просто потому, что не попадала на прилавки и в заполненные торговые залы. Налицо типичный кризис перепроизводства, усугубленный неразвитой системой распространения. Было бы заманчивым увидеть решение проблемы в увеличении торговых площадей, но экономические реалии не особо способствовали этому...

Однако по-настоящему критической ситуацию делает не избыток книжных новинок или недостаток книжных полок, а отсутствие эффективных коммуникационных механизмов.

Сориентироваться в обилии наименований читателю оказалось так же непросто, как и издательству донести до него информацию о своих изданиях.

Одной из предпосылок кризиса коммуникаций стала очевидная нехватка площадок для рецензирования и обозрения книжных новинок. Применительно к фантастике это означает, что рецензии на НФ-книги можно прочитать лишь в профильных журналах, за пределы которых жанровая критика выходит крайне редко (о рекомендациях тематических сайтов будет сказано ниже).

Впрочем, практика показывает, что рецензии, хвалебные и ругательные, на продажах объекта их внимания сказываются незначительно. Что объясняется, в первую очередь, слабостью института критики. Действительно, если рассматривать в качестве главной задачи критики управление литературным процессом (или хотя бы деятельное участие в таковом), то придется констатировать, что со времен «неистового Виссариона» положение дел разительно изменилось. Место рефлексирующих критических статей заняли рецензии и обзоры, фиксирующие факт появления той или иной книжной новинки.

И дело не в персоналиях критиков и их талантах, а в том, что литературная иерархия текстов и система критических оценок, ее поддерживающих, отходят в прошлое. Их место занимают

«горизонтальные» рекомендации и рекомендательные сервисы. Нужно признать, что с увеличивающимся количеством наименований фантастических книг (напомню, что это около 50-ти изданий в неделю) сетевое сообщество справляется лучше, чем профессиональные критики, однако в части оценки литературного качества произведения (увы, традиционно воспринимаемого как субъективную характеристику) дает осечку. Впрочем, есть и удачные примеры «вертикальной» рекомендации — например, интернет-рейтинг F-Zone, представляющий именно экспертные мнения ведущих жанровых критиков.

В отсутствие оценочных (качественных) характеристик произведении воспринимается с точки зрения удовлетворения вкусов и запросов той или иной аудитории — например, любителей фэнтези или ценителей интеллектуальной фантастики. Сложившееся положение дел соответствует принятой в бизнес-практике концепции сегментирования рынка, когда определяются различные группы потребителей со схожими потребностями, для каждой из которых разрабатываются специальные продукты. Аналогия подкрепляется наличием подобных «нишевых» издательств, успешно работающих со своей аудиторией: издательство «Крылов», выпускающее книги для поклонников незамысловатых мужских романов, или издательство «Livebook Гаятри», взращивающее любителей странных, но неизменно позитивных историй.

Существенным (и в сегодняшней ситуации — крайне негативным) последствием такого объединения читателей в группы и группировки является раздробленность аудитории, не соответствующая рекламным и маркетинговым возможностям издательств. Задачу представления книги (и целенаправленной коммуникации в целом) не широкой публике, а ограниченной группе крупные российские издательства на настоящий момент решить не могут.

Отсутствие контакта с потенциальной аудиторией осложняет прогнозирование будущих продаж, приводящее к снижению стартовых тиражей, и вынуждает обращаться к традиционным и не самым эффективным способам обеспечения продаж: рекламная поддержка, громкое имя автора, выпуск книги в серии.

Ярким примером успеха рекламной поддержки является кампания издательства «Популярная литература» по раскрутке книги «Метро-2033» Дмитрия Глуховского. Первоначально роман был издан в серии «Русская фантастика» издательства ЭКСМО, где не пользовался особым спросом. Шумная реклама сделала книгу коммерческим хитом. И это при том, что роман был доступен на сайте автора в Интернете.

Выпуск книг за авторством публично известных персон нередко подкрепляется выступлениями писателей в популярных медиа.

Издание книги в серии (именно книжные серии являются в большинстве случаев конечным объектом маркетингового внимания) тоже способно поднять уровень продаж. Однако оборотной стороной является необходимость соблюдения пресловутого «формата».

В практике западных издательств работа с отдельными целевыми аудиториями поставлена намного лучше. Однако там последствием и доказательством обособленности читателей является отсутствие на книжном рынке национальных бестселлеров, рассчитанных на широкую, «разномастную» аудиторию. По меткому наблюдению фантаста и футуролога Брюса Стерлинга, «современная литература не в состоянии произвести востребованное всеохватное, неформатное произведение; все основные бестселлеры последнего времени вышли из того, что раньше считалось жанровыми нишами — такими, как фэнтези, любовный роман и подростковая литература».

К экономическому кризису отечественное книгоиздание пришло уже отягощенное несоответствием объемов производства книжной продукции и возможностями по ее сбыту, а также с неэффективными, а то и вовсе неработающими механизмами продвижения книг.

Эти проблемы носят инфраструктурный характер, и в долгосрочной перспективе они существенно важнее пусть и крупных, но временных экономических затруднений, которые привели к нехватке оборотных средств, сложностям с привлечением финансирования и прочим неурядицам. Нынешняя кризисная ситуация — причина задуматься об эффективности существующей бизнес-модели и поискать пути ее оптимизации.

Говоря о последствиях кризиса, сложно понять радужные прогнозы тех, кто ожидает скорого появления новых дарований как результата бодрящей «чистки рядов» и вообще благолепного цветения всех цветов, включая яблони на Марсе.

Очевидно, что все будет совсем не так.

Новый поворот

Ожидания быстрых и позитивных изменений, как в книгоиздании в целом, так и в жанре в частности, не имеют под собой никаких оснований. Кризис потерял свою начальную

остроту, и дальнейшие изменения будут происходить исподволь и почти незаметно. Первым антикризисные шаги издательств повторяют их же действия десятилетней давности,

Место на книжных полках освобождается, но занимают его не новые имена, а новые книги старых авторов. И в дальнейшем ставка опять будет сделана на проверенные имена, доказавшие свой коммерческий потенциал. Опубликоваться начинающим будет ощутимо сложнее. При атом мы сможем наблюдать дальнейшее снижение количества издаваемых наименований фантастики.

Очевидно, что сократится и количество переводной НФ, составляющей сегодня менее трети в общем объеме жанрового рынка. По мере расходования запаса купленных и переведенных зарубежных произведений шансы быть напечатанными останутся лишь у знаковых имен, о новинках придется надолго забыть. В когорте крепких ремесленников не останется места для легионеров, их потеснит свои, российские, умельцы. Не худший результат для радетелей за отечественных авторов — особенно, если вспомнить, что еще полтора десятилетия назад ситуация была обратной, а превосходство зарубежных авторов подавляющим.

Можно предположить и то, что сокращение количества выпускаемых книг позволит самым популярным писателям перетянуть к себе часть аудитории. Если представить условную пирамиду, в которой высота авторов будет определяться величиной тиражей, то результатом кризиса будет существенное сокращение основания пирамиды и возможное увеличение ее высоты.

Одним из последствий изменившегося подхода к ассортименту выпускаемых изданий станет исчезновение с рынка авторов «цветной волны» — сентиментальных молодых людей, значительную часть которых привлекла в жанр организованность фантастического сообщества и относительная, по сравнению с мейнстримом, легкость публикации. На виду останутся лишь уже состоявшиеся, переросшие детскую болезнь романтизма авторы.

Зато новые возможности откроются перед авторами из числа молодых да талантливых, чьи многотомные произведения являются то ли калькой, то ли конструктором, составленным из фрагментов и сюжетов любимых произведений 90-х, то есть того самого мутного потока плохо переведенной фантастики. Остается надеяться, что со временем один-другой сможет перевести количество текстов в их художественное качество.

--- 280 и 281 страницы в оригинальном скане пропущены ---

ном Дмитрия Казакова «Встречный бой» — с описанием

истории игрового пространства и возможных игровых сценариев.

Стремление максимизировать прибыль путем предложения широкого ассортимента и охвата всех каналов сбыта естественно для любого бизнеса. Для нас же важно, что со временем вспомогательная (даже сервисная) роль фантастических текстов будет только возрастать. Этот процесс закономерен и необратим, тем более что рамки отдельного текста уже оказывались для некоторых авторов ограничением (достаточно вспомнить многочисленные эксперименты писателей с гипертекстом или сложносочиненные книги Милорада Павича). Возрастет популярность альтернативных книге носителей контента, особенно предполагающих интерактивную форму взаимодействия, что делает потребителей фактически соавторами-сотворителями сюжета.

Как сказали бы наполеоны рекламного дела: правда на стороне больших бюджетов. В центре развлекательных пакетов всегда будет лежать наиболее капиталоемкая сфера. Сегодня — это кинопродукция или электронные игры. А завтра будет что-то другое. За судьбы творческих личностей можно не волноваться, сферы приложения своих талантов они найдут.

А вот положение издательств в обозримой перспективе представляется незавидным. На выполнение функций, традиционно являющихся прерогативой издательств (поиск и отбор текстов), посягают уже упомянутые сетевые сообщества. За примером можно обратиться к недавней истории с выходом в серии «S.T.A.L.K.E.R.» книги «Песочные часы» Сергея Недоруба. Текст, распространявшийся только по Сети, был оценен на одном из конкурсов многочисленными игроманами наравне с книжными изданиями, что повлекло за собой уже официальное издание книги.

Распространение книги в электронном виде никаких проблем не составляет. А существующие технологии print-on-demand позволяют каждому выпустить свое нетленное творение в бумажном виде. Таким образом, эксклюзивным делом издателей остается позиция авторитета, своей репутацией подтверждающего литературный уровень и качество книги. Однако ценность выполнения этой функции по описанным ранее причинам со временем будет снижаться.

Отсюда интерес традиционных издательств к электронной книготорговле, имеющей давнюю историю: вспоминаются амбициозные планы издательства ОЛМА, объявленные еще несколько лет назад. Сейчас свои интернет-магазины по продаже электронных книг есть у большинства ведущих издательств. К слову, для них кризис оказался благоприятным фактором и

естественным образом привел к повышению объемов продаж.

Кроме того, сами издательства зачастую инициируют создание и участие в развлекательных пакетах, работая с потенциально заинтересованными лицами и возлагая на себя функции по подбору авторов, контролю за соответствием книг условиям проекта и т.п., то есть выступая фактически в роли посредника. Но на сей раз — и это существенное отличие не между автором и читателем, а между заказчиком и писателем.

* * *

Подводя итог, можно с уверенностью утверждать: экономический кризис лишь катализировал назревающие изменения, связанные с кризисом инфраструктуры и поисками более эффективной бизнес-модели. Очевидно, что первоначальные изменения будут носить операционный характер и окажутся направлены на сокращение непроизводительных и не приносящих прибыль расходов. Это выразится в «чистке рядов»: снижении количества выпускаемых наименований и ужесточении отбора произведений. При этом отечественные авторы выиграют у зарубежных (на своей территории, естественно), а состоявшиеся и коммерчески успешные у всех прочих. Улучшения качества текстов не произойдет, но не произойдет и резкого их ухудшения. Зато будет заметно фактическое отсутствие книжных публикаций фантастики, не вписывающейся в традиционные представления читателей и издателей. Попросту говоря, «неформат», вероятнее всего, на время исчезнет.

Заглядывая дальше в будущее, можно предположить, что традиционные издательства утратят свою доминирующую роль в отборе и распространении текстов; эти функции перейдут к сетевым сообществам. А сами фантастические произведения (по крайней мере, наиболее успешные в коммерческом плане) будут существовать как часть развлекательных пакетов. Что откроет перед изобретательными создателями миров новые возможности.

Вне зависимости от реализуемости этих прогнозов стоит помнить, что перемены неизбежны, и у них есть известная и редко вспоминаемая особенность — они всегда наступают быстрее, чем их ожидают.

КУРСОР

Знаменитый критико-публицистический журнал «Локус» по результатам голосования своих подписчиков объявил лауреатов Locus Awards 2009. В номинации «НФ-роман» победила «Анафема» Нила Стивенсона, «Фэнтези-роман» — «Лавиния» Урсулы Ле Гуин (уже вышедшая и на русском в издательстве «Эксмо»), «Дебютный роман» — «Кольцо сингулярности» Пола Мелкоу. Лучшей повестью стали «Очаровательные монстры» Келли Линк, короткой повестью — «Помпа номер шесть» Паоло Бачигалупи (см. «Если» №1, 2009), рассказом — «Испарение» Теда Чана, авторским сборником — «Помпа номер шесть и другие рассказы» Паоло Бачигалупи.

Необычную акцию устроили американские фанаты поттерианы, чьи воспаленные чувства обострились в связи с выходом очередного фильма. На многих улицах и магистралях США дорожные знаки «STOP» преобразились за счет небольшой дописки черной краской. Теперь эти знаки выглядят как «STOP Voldemort». Остановит ли акция наступление злобного лорда?

Лучший фантастический фильм в истории кинематографа попыталась определить американская компания Moviefone. Она опросила более трехсот любителей кино, дабы всего лишь задокументировать аксиому: с огромным отрывом победила киноэпопея «Звездные войны». Кроме того, по мнению большинства участников опроса, именно в этой саге Джорджа Лукаса фигурируют «самый лучший робот» — R2D2, «самый лучший пришелец из космоса» — Йода, «самый великий герой» — Хан Соло и «самый великий злодей» — Дарт Вейдер. Результаты голосования в номинации «Худший НФ-фильм в истории» также оказались вполне предсказуемы. Это лента 2000 года «Поле битвы — Земля», экранизация одноименного романа Рона Хаббарда с большим поклонником дианетики Джоном Траволтой в главной роли.

В Ирландии осенью канал HBO начинает съемки пилотного эпизода будущего телесериала по мотивам первого романа знаменитой фэнтези-эпопеи Джорджа Мартина «Игры престолов». Постановку осуществляет режиссер Томас Маккарти. В главных ролях заняты: Питер Динклэйдж (карлик Тирион Ланнистер), Шон Бин (лорд Старк), Кит Харрингтон (Джон Сноу), Гарри Ллойд (принц Визерис), Джек Глизон (принц Джоффри Баратеон)

и другие.

Все больше конвентов проходит в России в летнее время, что раньше не было свойственно отечественной фантастике. Как правило, это небольшие мероприятия. Так, в середине июня в Подмосковье прошел полузакрытый «Роскон-лето», а в начале июля в Петергофе — также немногочисленный «ФантОР». Но самым заметным событием стал подмосковный фестиваль «Серебряная стрела» (26—28 июня). Фестиваль отличает от других неплохая музыкально-театральная программа, а также литературные премии (по результатам голосования участников) в оригинальных номинациях. Так, в номинации «Лучший главный герой» первенство поделили С.Лукьяненко и Е.Лукин. Первого читатели отметили за образ Трикса из книги «Недотепа», а второго — за Лёню Сиротина из повести «С нами бот». М. и С.Дяченко получили первое место за лучший мужской образ Максима («Цифровой»), а Д.Колодан «Другой стороной» заслужил приз за женский образ Рэнди. В номинации «Лучший фантастический мир» победил донецкий писатель Ф.Березин («Мир черного корабля»). В номинации «Соавторство» отмечен дуэт Я.Верова и И.Минакова («Десант на Европу»),

Международная киноакадемия НФ, фэнтези и хоррора в 35-й раз вручила свои ежегодные призы Saturn Awards. Лучшими стали: в номинации «Нф-фильм» — «Железный Человек», «Фэнтези-фильм» — «Загадочная история Бенджамина Баттона», «Хоррор» — «Хеллбой-2: Золотая армия», «Экшен» — «Темный рыцарь», «Иностранный фильм» — «Впусти меня» (Швеция), «Анимационный фильм» — «ВАЛЛ-И». Лучшим актером стал Роберт Дауни-мл. («Железный Человек»), актрисой — Анджелина Джоли («Подмена»), актером-дебютантом — сын Уилла Смита Джейден Кристофер Смит («День, когда Земля остановилась»), режиссером — Джон Фавро («Железный человек»).

Агентство F-пресс

17 августа исполнилось 50 лет писателю-фантасту, члену Творческого совета журнала «Если» Александру Николаевичу Громову. Александр является давним другом редакции журнала, его новых произведений с нетерпением ждет большинство читателей и подписчиков. Редакция «Если» от своего имени и от имени поклонников творчества писателя поздравляет Александра с юбилеем и желает ему дальнейших творческих успехов, здоровья и удачи во всех начинаниях.

Редакция «ЕСЛИ»

ПЕРСОНАЛИИ

ГАЛИНА Мария Семеновна

Писатель-фантаст, поэт и литературный критик Мария Галина родилась в 1958 году в Твери. Окончила биологический факультет Одесского университета. Получив степень кандидата биологических наук, работала в НИИ гидробиологии, занималась проблемами окружающей среды в Бергенском университете (Норвегия). В 1990-е годы резко сменила науку на литературу, работала в литературной журналистике, редактором отдела фантастики издательства «Форум». В настоящее время работает в отделе критики и публицистики журнала «Новый мир».

Дебютировала в 1982 году поэтическими публикациями. Мария Галина — автор четырех поэтических сборников, множества публикаций в периодических изданиях. Как писатель-фантаст выступает с 1996 года — тогда вышла серия романов в жанре «фантастического боевика» под псевдонимом Максим Голицын. Под собственным именем выпустила несколько книг в жанрах сатирической фэнтези, хоррора и НФ — «Покрывало для Аваддона» (2002), «Прощай, мой ангел» (2002), «Гиви и Шендерович» (2004), «Хомячки в Эгладоре» (2005), «Берег ночью» (2007) и другие. В 2009 году вышел новый роман писательницы «Малая Глуша», вошедший в шорт-лист премии «Большая книга». Кроме того, М.Галина с середины 1990-х активно выступает в роли литературного критика, в том числе и на страницах журнала «Если».

М.Галина дважды становилась дипломантом журнала «Если» (за критические выступления), она лауреат премий «Портал», «Звездный мост», «Золотой Роскон», «Бронзовая улитка», а также двух поэтических наград — «Большой Московский счет» и премии журнала «Новый Мир» «Antologia».

ГАРКУШЕВ Евгений Николаевич

Писатель-фантаст Евгений Гаркушев родился в 1972 году в шахтерском городе Гуково Ростовской области, где живет и по сей день. Получил два высших образования: на факультете физики Ростовского госуниверситета, где специализировался на кафедре кристаллографии (обучался также в аспирантуре), и в Ростовском государственном экономическом университете. После учебы

работал в областной газете собкором по Восточному Донбассу. В настоящее время работает в мэрии города Гуково заведующим отделом по информационной политике и связям с общественностью.

Дебютом в НФ стал рассказ «Биологический возраст» в журнале «Уральский следопыт» (1994). В 2002 году увидела свет первая книга фантаста — роман в жанре фэнтези «Ничего, кроме магии», а год спустя — роман-продолжение «Обойдемся без магии» (2003).

Перу Е.Гаркушева принадлежат такие книги, как роман для подростков «Афанадор» (2003), романы «Грани матрицы» (2003), «Близкие миры» (2004), «Великий поход» (2005), «Выше времени» (2006), «Кодекс чести» (2008), детектив «Изумрудная сеть» (2007; в соавторстве с Дарьей Булатниковой). Произведения короткой формы составили содержание сборника «Плюшевые самураи» (2007), Кроме того, в соавторстве с Андреем Егоровым выпустил цикл книг пародийной космооперы — «Заповедник», «Космический капкан», «Бунт при Бетельгейзе» и «Межпланетная банда». В 2009 году выступил в роли составителя сборника рассказов «Точка встречи».

ДЖИЛМЕН Кэролин Ив (GILMAN, Carolyn Ives)

Американская писательница и ученый-историк Кэролин Ив Джилмен закончила университет, специализировалась на истории ранних периодов освоения североамериканского континента и истории коренных жителей Америки — индейцев. Джилмен написала монографию о путешествии Льюиса и Кларка (первые белые исследователи, прошедшие всю территорию нынешних Штатом, с Восточного побережья до Западного) и преподавала в ряде американских университетов.

В научной фантастике Джилмен дебютировала в 1986 году рассказом «Суд над Виктором Дженовезе» и с тех пор опубликовала еще два десятка рассказов и повестей, а также роман «Наполовину человек» (1998). Одна из повестей писательницы, «Медовары» (1991), была номинирована на премию «Небьюла». В настоящее время проживает в Сент-Луисе и работает историком и музейным куратором в Историческом обществе штата Миссури.

ЛОГИНОВ Святослав Владимирович

(Биобиблиографические сведения об авторе см. в №4 за этот год)

«Последнее время издатели журналов требуют от меня очень научно-фантастического рассказа, желательно на экологическую тему. И вот сегодня ночью мне приснилось, будто таковой рассказ я сделал. Писать его не писал, но вот он, рассказ, готовенький, лежит на столе. Этакая черепашка сантиметров двадцать в длину. А какой еще вид принимать рассказу на экологическую тему? И все бы хорошо, но достать рассказ невозможно, потому что его защищает полупрозрачное, мерцающее силовое поле (фантастика, однако). А у меня в руках каменное рубило; не олдувайская галька, а нечто из мезолита, хорошо обколотое, страшно острое, но без шлифовки и ретуши. И надо мне этим инструментом силовое поле расковырять, но аккуратно, черепашку не повредив, иначе рассказ аннигилирует. Как я с этим делом управился — не помню. Должно полагать, аннигилировал».

Из блога писателя Святослава Логинова в «Живом Журнале»

МАКМАЛЛЕН Шон (McMALLEN, Sean)

Австралийский музыкант и писатель Шон Макмаллен родился в 1948 году в городе Виктория. В его жилах, утверждает Макмаллен, «перемешано много кровей: шотландская, португальская и ирландская — со стороны отца и французская, английская и шотландская — со стороны матери». Закончив Мельбурнский университет с дипломами физика и историка, он профессионально занимался музыкой (пел и играл на гитаре) и лишь в конце 1980-х начал писать научную фантастику и фэнтези. Первой публикацией Макмаллена стал рассказ «Цвета хозяев» (1988). С тех пор он опубликовал 10 романов — тетралогии «Сага о Лунных мирах» (фэнтези) и «Большая зима», а также одиночные романы «Империя центуриона» (1998) и «Перед бурей» (2007). Кроме того, его перу принадлежат 40 рассказов и повестей, опубликованных как в австралийских периодических изданиях и антологиях, так и в американских журналах «Analog» и «The Magazine of Fantasy and Science Fiction» и английском «Interzone». Лучшие рассказы писателя составили сборники «Звонок на край света» (1992) и «Прогулка на Луну» (2007). Писатель восемь раз завоевывал высшую национальную премию в научной фантастике — «Дитмар», и дважды — другую австралийскую премию, «Ауреалис», присуждаемую за лучшее произведение года австралийского автора, а также трижды номинировался на премию «Хьюго» и один раз — на Британскую

премию по научной фантастике.

Шон Макмаллен известен и как историк австралийской НФ. В соавторстве с Расселом Блэкфордом и Ванном Айкином он опубликовал монографию «Незнакомые созвездия: история австралийской научной фантастики» (1998) и в том же году в соавторстве с Полом Коллинзом издал «Энциклопедию австралийской научной фантастики и фэнтези», отмеченные премиями «Дитмар».

СОЮСТОВ Андрей Игоревич

Родился 7 июля 1973 года в поселке Сапожок Рязанской области. Окончил исторический факультет МПГУ им. Ленина. Живет в Москве, преподает в РГГУ и негосударственной гимназии.

Регулярно публикует статьи на военно-историческую тематику в периодических и интернет-изданиях, Заканчивает работу над монографией, посвященной героической обороне Севастополя в 1941 — 1942 годах.

УИТЛОК Дин (WITLOCK, Dean)

Американский писатель Дин Уитлок родился на территории базы ВВС в семье военного летчика. По словам автора, отец участвовал «в четырех войнах — Второй мировой, корейской войне, «холодной» и вьетнамской». Сам Дин Уитлок проживал «в десятке штатов и трех зарубежных странах, не говоря о тех, которые посетил». После окончания колледжа он работал на десятке работ, в том числе в цирке и в архивах, пока окончательно не остановился на литературном труде.

Дебютом в научной фантастике стал рассказ Уитлока «Содержимое» (1980). После этого писатель опубликовал еще полтора десятка рассказов и роман «Резчик по небу» (2005). Последние тридцать лет Дин Уитлок проживает в небольшом городке в Вермонте вместе с женой, сыном и «кучей домашних животных».

Подготовили Михаил АНДРЕЕВ и Юрий КОРОТКОВ

notes

1

Бомбарда — одно из первых артиллерийских орудий, применявшихся при осаде и обороне крепостей в XIV—XVI вв. Также часто использовались в качестве галерных орудий. (Здесь и далее прим. перев.)

2

Roman courtois (франц.) — куртуазные (любовные) романы.

З

Жанна д'Армуа (Армуазская) — женщина, в течение трёх лет выдававшая себя за Жанну д'Арк после смерти последней.

4

Фрондибола — средневековая метательная машина, работавшая при помощи противовеса.

5

Хиви (нем. Hivi. сокращение от Hilfswillige) — «добровольный помощник»; в войсках вермахта так называли русских пленных добровольно исполняющих в немецких частях роли подносчиков беоприпасов, заготовщиков дров и т.д. (Здесь и далее прим. авт.)

6

Унтерменш (нем. Untermesch) — «недочеловек», расовый термин, которым нацистские идеологи именовали людей не отвечающих стандартам «арийской чистоты». Например: евреев, цыган, негров, славян.

7

«Хирургическая пила» (нем. Knochensage) — зловещее прозвище немецкого единого пулемета MG-42: отличавшегося большой скорострельностью — до 1500 выстрелов в минуту.

8

«Колотушка» — прозвище, которым за неспособность пробить броню советских средних и тяжелых танков немецкие солдаты наградили свое 37 мм противотанковое орудие Pak-35/36

9

МР-40 — немецкий пистолет-пулемет образца 1940 года, имевший калибр 9 мм. В советских частях за ним закрепилось прозвище «шмайсер», хотя известный немецкий конструктор Хуго Шмайсер к созданию МР-40 никакого отношения не имел.

10

Deulschland, Deulschland [u:]ber alles — в переводе с нем. «Германия, Германия превыше всего». Первая строчка государственного гимна Третьего рейха.

11

«Призрак» (нем. Gespenst) — прозвище, присвоенное в 1941 году солдатами вермахта советскому тяжелому танку КВ-1 за то, что немецкое противотанковое орудие Pak-35/36 не оставляло на его броне даже вмятин.

12

Средний танк Pz. Kpfw. IV.

13

Эсесовское звание штурмбанфюрер (нем. SS-Sturmbannfuhrer) соответствовало в вермахте званию майора.

14

Средний танк Pz. Kpfw. III.

15

Танк на профессиональном слэнге немецких танкистов.

16

Вотан — бог, покровитель воинов. Аналог скандинавского бога Одина в древне-германской мифологии.

17

«Товарищ» в переводе с немецкого.

18

Сильностимулирующее средство.

19

С нами Бог. (нем.)

20

Моя честь — это верность! (нем.)

21

Руна «Тюр» считалась у тяготеющих к оккультным наукам нацистов символом непримиримости в бою. Этой же руной вместо традиционного креста эсэсовцы украшали могилы своих павших товарищей.

22

Нацистское название оккупированной территории СССР.

23

Erkennungsmarke — личный знак носил на шее каждый военнослужащий Третьего рейха. На жетонах значился шифр воинской части и личный регистрационный номер военнослужащего. Посередине жетона шла перфорация. В случае гибели военнослужащего жетон разламывали на две части. Одна сдавалась в канцелярию части для учета потерь, а вторая захоранивалась вместе с павшим, чтобы в случае необходимости опознать тело при позднейшей эксгумации.

24

«Барклиз-банк» — крупнейший из банков, входящих в Большую пятерку. Основан в 1896 году. (Здесь и далее прим. перев.)

25

В балийско-индуистской мифологии — царица ведьм и черной магии, повелевающая вредоносными духами-оборотнями.

26

Кава — наркотический напиток из корня дикого перца у народов Океании.

27

Массачусетский траст — американская компания, специально созданная для управления имуществом по доверенности с целью извлечения прибыли.

28

Производный рынок (рынок деривативов) — рынок, на котором торгуются производные финансовые инструменты, т.е. ценные бумаги, чья стоимость является производной от стоимости и характеристик другой ценной бумаги (базового актива).

29

Секьюритизация — превращение неликвидных активов (займов, ипотек и т.п.) в ликвидные (ценные бумаги); осуществляется владельцем этих активов с целью получения дополнительных средств или устранении неликвидных активов со своего баланса.

30

CDO (Collateralized Debt Obligation) — облигация, обеспеченная долговыми обязательствами; производная ценная бумага, обеспеченная портфелем долговых обязательств, все или часть которых сами могут являться производными.

31

Сего-одняшняя це-енность равна ча-астному от бу-удущей це-енности и произве-едения ри-иска процентной ста-авки и вре-емени...

32

Экономическая теория Кейнса призывает для полного использования экономических ресурсов применять фискальную и кредитно-денежную политику.

33

SEC (Security Exchange Commission) — Комиссия по ценным бумагам. Создана актом Конгресса США в 1934 году в целях предотвращения повторений биржевых крахов, подобных обвалу 1929 года, выявившего Великую Депрессию; следит за соблюдением и вводит правила торговли на биржах США. MBS (Mortgage-Backed Securities) — ценные бумаги, обеспеченные закладными на недвижимость, по ним гарантируется как выплата процентов, так и возврат основной суммы долга. Субстандартные MBS — то же, но для заемщиков с небезупречной кредитной историей, по более высокой процентной ставке.

Русскоязычному читателю рекомендую обратиться к книгам Оливера Сакса «Человек, который принял жену за шляпу» и Вилейапура Рамачандрана «Рождение разума». (Прим. авт.)